

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество
Восточно-региональный отдел Центра памятниковедения НАН Украины
и Украинского общества охраны памятников истории и культуры

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ

V Международной научной конференции,
посвященной 350-летию г. Харькова
и 200-летию Харьковского национального университета
им. В. Н. Каразина

4–6 ноября 2004 года

Харьков
НМЦ «МД»
2004

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Э. Кулинич*

На обложке использована иллюстрация к докладу **В. В. Отрощенко** «Сюжет двобою у знакової системі зрубної спільноти»

П78 **Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.).** — Харьков: НМЦ «МД», 2004. — 128 с.

ISBN 966-544-244-9.

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство
Східно-регіональний відділ Центру пам'яткознавства НАН України
та Українського товариства охорони пам'яток історії та культури

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ

V Міжнародної наукової конференції,
присвяченої 350-річчю м. Харкова
і 200-річчю Харківського національного університету
ім. В. Н. Каразіна

4–6 листопада 2004 року

Харків
НМЦ «СД»
2004

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Е. Кулинич*

На обкладинці використано ілюстрацію до доповіді **В. В. Отрощенко** «Сюжет двобою у знаковій системі зрубної спільноти»

П78 **Проблеми історії та археології України:** Матеріали V Міжнародної наукової конференції (Харків, 4–6 листопада 2004 р.). — Харків: НМЦ «СД», 2004. — 128 с.

ISBN 966-544-244-9.

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

ПРОГРАММА
V Международной научной конференции
«Проблемы истории и археологии Украины»,
посвященной 350-летию г. Харькова
и 200-летию Харьковского национального университета
им. В. Н. Каразина
4–6 ноября 2004 года

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

Бакиров Виль Савбанович — доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Белова Людмила Александровна — начальник Главного управления образования и науки Харьковской областной государственной администрации

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Дьячков Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, директор Государственного университетского лицея г. Харькова

Посохов Сергей Иванович — кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Цитковская Юлия Ивановна — заведующая лабораторией методических исследований Государственного университета лицея г. Харькова

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Берестнев Сергей Илларионович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского университета воздушных сил

Буйнов Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Залюбовский Илья Иванович — доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, проректор по научной работе Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Кадеев Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Калиниченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Украины исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Куделко Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, заместитель декана по научной работе исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Левченко Ирина Григорьевна — директор Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Любичев Михаил Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Мартемьянов Алексей Павлович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Скирда Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Шрамко Борис Андреевич — доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Календарь работы конференции

4 ноября, четверг

8 ⁰⁰ –11 ³⁰	—	Регистрация участников конференции (аудитория V-58, главный корпус, 5 этаж).
12 ⁰⁰ –13 ⁰⁰	—	Общее собрание членов ХИАО (аудитория V-58).
13 ⁰⁰ –14 ⁰⁰	—	Перерыв на обед.
14 ⁰⁰ –16 ⁰⁰	—	Пленарное заседание (конференц-зал II-49).
16 ⁰⁰	—	Презентация результатов археологического полевого сезона 2004 г.

5 ноября, пятница

9 ³⁰ –13 ⁰⁰	—	Работа секций.
11 ⁰⁰ –11 ³⁰	—	Кофе-брейк (5 этаж).
13 ⁰⁰ –15 ⁰⁰	—	Перерыв на обед.
16 ⁰⁰ –16 ³⁰	—	Кофе-брейк (5 этаж).
15 ⁰⁰ –18 ⁰⁰	—	Работа секций.

6 ноября, суббота

9 ³⁰ –13 ⁰⁰	—	Работа секций.
13 ³⁰ –14 ³⁰	—	Пленарное заседание.

Регламент работы конференции

На пленарном заседании:	доклад	— 20 минут
	выступление	— 10 минут
На заседании секции:	доклад	— 15 минут
	выступление	— 5 минут

Рабочие языки конференции

- украинский;
- русский;

Конференция проводится:

Исторический факультет, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, площадь Свободы, 4, г. Харьков. Телефон 707-51-66 (декан факультета)

4 НОЯБРЯ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

членов Харьковского историко-археологического общества

12⁰⁰–13⁰⁰

аудитория V-58

1. Отчет Правления ХИАО о работе в 2001—2004 гг.
2. Выборы Правления ХИАО.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

14⁰⁰–16⁰⁰

конференц-зал II-49

1. Вступительное слово ректора Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина проф. **В. С. Бакирова**.
2. Приветственное слово участникам конференции сопредседателя правления ХИАО, декана исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина проф. **С. И. Посохова**.
3. **Куделко С. М. (Харьков)**. Сколько лет Харьковскому национальному университету?
4. **Отрощенко В. В. (Київ)**. Сюжет двобою у знаковій системі зрубної спільноти.
5. **Дементьева В. В. (Ярославль)**. Римская республика сквозь призму «социологии господства» Макса Вебера: современные исследования.

5–6 НОЯБРЯ — РАБОТА СЕКЦИЙ

Секция: КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

аудитория V–52

Руководители секции: доктор исторических наук **В. В. Отрощенко**
кандидат исторических наук **С. И. Берестнев**
Секретарь секции: кандидат исторических наук **И. А. Снижко**

- Снижко И. А.** (Харків). Історія дослідження утилізації мисливської здобичі в пізньому палеоліті.
- Смольянинов Р. В., Ивашов М. В.** (Липецк). Неолитическая керамика с накольчатым орнаментом Верхнего Дона.
- Берестнев С. И.** (Харьков). О населении восточнoукраинской лесостепи в эпоху палеометалла (по материалам погребений).
- Тесленко Д. Л.** (Днепропетровск). Постмарипольские погребения в каменных гробницах.
- Литвиненко Р. О.** (Донецк). Західна периферія бабинського осередку культури генези.
- Сергеева М. С.** (Киев). Антропоморфные персонажи в искусстве населения Восточноевропейской степи эпохи бронзы.
- Горбов В. Н.** (Донецк). Срубные памятники Северо-Восточного Приазовья.
- Буйнов Ю. В.** (Харьков). Древнебалтские гидронимы на территории Левобережной Лесостепной Украины и их археологическая интерпретация.
- Титова О. М., Кепін Д. В.** (Київ). Використання етнографічних моделей при побудові музейної експозиції з історії первісного суспільства.
- Кепін Д. В.** (Київ). Музеєфікація пам'яток первісної археології як технологічний процес.

Секция: РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

аудитория V–56

Руководители секции: доктор исторических наук, профессор **Б. А. Шрамко**
кандидат исторических наук **С. С. Бессонова**
кандидат исторических наук, доцент **Ю. В. Буйнов**
Секретарь секции: кандидат исторических наук **И. Б. Шрамко**

- Ключева Т. Н.** (Луганск). Исследование памятников киммерийского времени на территории Луганщины.
- Вальчак С. Б.** (Москва). Некоторые особенности наконечников стрел предскифского периода.
- Тарасова Н. В.** (Москва). Височные подвески — «бараньи рожки» предскифского периода.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.** (Киев). О колесничной упряжи у скифов.
- Шрамко Б. А.** (Харьков). Особенности развития древней техники обработки земли в Восточной Европе.
- Усанов С. А.** (Харьков). К вопросу о развитии кузнечного ремесла среди племен и греческих полисов Северного Причерноморья.
- Бессонова С. С.** (Киев). Находки античной керамики с граффити в скифских курганных погребениях.
- Бабенко Л. І.** (Харків). Хронологія поховань пісочинського курганного могильника.
- Безматерных А. Е.** (Воронеж). Сравнительный анализ состава греческой амфорной тары в курганах Лесостепного Дона и Лесостепного Левобережья Днепра.
- Гречко Д. С.** (Харків). Нові античні матеріали III–II ст. до н. е. з поселень Харківщини.
- Задников С. А.** (Харьков). К вопросу о развитии античного импорта в Лесостепи (по материалам новых исследований Бельского городища).
- Шрамко И. Б.** (Харьков). Об одном типе жилищ скифского времени в Днепропетровской Лесостепи.
- Белозор В. П.** (Киев). О некоторых итогах исследований зольников Бельского городища.
- Буйнов Ю. В.** (Харьков), **Шевченко В. Б.** (Филадельфия, США). Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северодонецкой группы памятников скифского периода.

- Скорый С.** (*Киев*), **Хохоровски Я.** (*Краков*). Оружие из Большого Рыжановского кургана.
- Ворошилов А. Н.** (*Воронеж*). Копья в системе вооружения населения Среднего Дона в скифское время (VI—начало III вв. до н. э.).
- Прокопенко Ю. А.** (*Ставрополь*). Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V—начала II вв. до н. э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья.
- Краснова Т. Н.** (*Харьков*). Актуальные вопросы полевой консервации изделий из керамики.

Секция: АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

аудитория V—53

Руководители секции: доктор исторических наук, профессор **В. И. Кадеев**
доктор исторических наук, профессор **В. В. Дементьева**
доктор исторических наук **А. А. Масленников**

Секретарь секции: кандидат исторических наук **С. Д. Литовченко**

- Селиванова Л. Л.** (*Москва*). «Златотронная Гера». Формирование олимпийского пантеона.
- Филиппов А. М.** (*Харьков*). О роли наёмничества в политической истории Спарты конца V в. до н. э.
- Нефедов К. Ю.** (*Харьков*). К вопросу о коронации Антигона Одноглазого.
- Литовченко С. Д.** (*Харьков*). Армянский поход Гнея Помпея.
- Гарбарь Е. В.** (*Донецк*). Цицерон и Помпей: две точки зрения на римскую армию.
- Акимов А. Б.** (*Харьков*). О вольноотпущенниках в римской Дакии.
- Бандровський О. Г.** (*Львів*). Маркоманські війни і характер зовнішньої політики Римської імперії в II ст. н. е.
- Сергеев И. П.** (*Харьков*). Всадничество в политической жизни Римской империи периода кризиса III века.
- Зубарь В. М.** (*Киев*). По поводу некоторых особенностей религиозного мировоззрения жителей Херсонеса Таврического.
- Ручинская О. А.** (*Харьков*). О системе ценностей в гражданских коллективах античных городов Северного Причерноморья.
- Шевченко Т. М.** (*Київ*). Питання виділення культурв родинного характеру в античному Херсонесі.
- Габелко О. Л.** (*Казань*). Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны).
- Ильина О. М.** (*Харьков*). Культ Великого бога в западнопонтийских полисах в I в. до н. э.—III в. н. э.
- Смирнова И. Е.** (*Донецк*). Гражданские общины в Боспорском царстве в I—середине III вв. н. э.
- Зубарев В. Г.** (*Тула*). Европейский Боспор во II—V вв. н. э. (археология и опыт исторической реконструкции).
- Масленников А. А.** (*Москва*). Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства.
- Бутягин А. М.** (*Санкт-Петербург*). К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия.
- Былкова В. П.** (*Херсон*). Белозерское поселение в контексте синхронных памятников.
- Болгов Н. Н.** (*Белгород*). О сирийских культурных влияниях в позднеантичном Северном Причерноморье.
- Чиглинец Е. А.** (*Казань*). Гай Цильний Меценат и меценатство: античные истоки позднейшего социокультурного феномена.
- Красюк Е. С.** (*Донецк*). Вклад Общества дилетантов в становление античной археологии в Англии в эпоху Просвещения.
- Мартемьянова Н. С., Мартемьянов А. П.** (*Харьков*). Античные сюжеты в художественной культуре Болгарии второй половины XX в.
- Туманс Х.** (*Рига*). Концепция преподавания истории древнего мира в средней школе Латвии.

Секция: ВИЗАНТИЯ. КОЧЕВНИКИ. СЛАВЯНЕ

аудитория II-49

Руководители секции: доктор исторических наук, профессор **С. Б. Сорочан**,
доктор исторических наук, профессор **В. К. Михеев**,
доктор исторических наук, профессор **Ю. М. Могаричев**
Секретарь секции: **А. Н. Домановский**

- Заморяхин А. В.** (*Пермь*). Проблемы ранней церковной истории Готии в дореволюционной отечественной историографии.
- Домановский А. Н.** (*Харьков*). Об отношении к ростовщичеству в раннесредневековой Византии.
- Алексеев Н. А.** (*Севастополь*). Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике.
- Бардола К. Ю.** (*Харьков*). Была ли в Византии VI–IX вв. «секретная служба»?
- Сорочан С. Б.** (*Харьков*). Общественные афедроны в ранневизантийском Херсоне.
- Фомин М. В.** (*Харьков*). О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса.
- Гринченко А. В.** (*Харьков*). Херсонесские стациональные шествия как особенность византийского богослужения.
- Могаричев Ю. М.** (*Симферополь*). Тепе-керменский «храм с баптистерием» и проблемы хронологии и интерпретации пещерных церквей Крыма.
- Любичев М. В.** (*Харьков*). Поселения черняховской культуры Шлях и Халимоновка (Восточная Украина).
- Медведев А. П.** (*Воронеж*). Об этнокультурной принадлежности памятников гуннского времени на Верхнем Дону.
- Горбаненко С. А.** (*Київ*). З приводу використання різних типів знарядь для обробітку ґрунту (на прикладі матеріалів останньої чверті I тис. н. е.).
- Скирда В. В.** (*Харків*). Нові дослідження на Донецькому городищі.
- Колода В. В., Фоменко Г. Н.** (*Харьков*). Остеологические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач.
- Аксенов В. С.** (*Харьков*). Бронзовые зеркала из грунтовых могильников салтовской культуры бассейна Северского Донца.
- Хоружая М. В., Аксенов В. С.** (*Харьков*). Семантика жилого пространства в катакомбе № 72 Верхне-Салтовского могильника.
- Майко В. В.** (*Симферополь*). К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар таврики VIII–X вв.
- Тортика А. А.** (*Харьков*). Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации.
- Дьячков С. В.** (*Харьков*). Башня № 8 консульского замка генуэзской крепости Чембало.
- Гинькут Н. В.** (*Севастополь*). Византийские поливные чаши с монограммами из раскопок крепости Чембало.
- Савченко С. В.** (*Львів*). Давньоруська християнська спадщина в католицькій полемічній літературі кінця XVI–XVII століття: загальна характеристика.
- Белик Ю. Л.** (*Керчь*). Фортификационные особенности Еникале.

Секция: ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

аудитория V–58

Руководители секции: кандидат исторических наук, профессор **С. И. Посохов**
доктор исторических наук, профессор **К. М. Ячменихин**
кандидат исторических наук, профессор **С. М. Куделко**

Секретарь секции: **Ю. А. Жукова**

- Аксёнова Н. В.** (Харків). До питання про вживання термінів «Слобожанщина» і «Слобідська Україна».
- Голубева І. В.** (Харків). Періодизація археологічних досліджень пам'яток козацької доби на Харківщині.
- Дедурін Г. Г.** (Харків). Висвітлення національної політики Польщі щодо Західної Білорусі у 1926–1927 роках на сторінках харківської преси.
- Жукова Ю. А.** (Харьков). Основание Харьковского университета в постсоветской историографии.
- Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.** (Харків). Забуті і викреслені з історії імена.
- Кашаба О. Ю.** (Харків). Підготовка вчителів-краєзнавців у 20-х рр. ХХ ст. в УСРР.
- Коврижных А. С.** (Харьков). Вклад харьковского духовенства в развитие нумизматики во второй половине XIX—начале XX вв. (К 200-летию со дня рождения архиепископа Филарета).
- Колеватов О. О.** (Чернігов). Розвиток торгівлі в Слобідсько-Українських військових поселеннях до їх реорганізації в 30-х рр. ХІХ ст.
- Куделко С. М.** (Харьков). Сколько лет Харьковскому национальному университету им. В. Н. Каразина?
- Марков О. В.** (Харків). Перші приватні установи комерційного кредиту в м. Харкові.
- Маслійчук В. Л.** (Харків). Основні питання у висвітленні історії Балаклійського полку (1669–1677 рр.).
- Маслюченко С. В.** (Харьков). Новые факты в истории заселения Слободской Украины (по этнографическим материалам Харьковской области).
- Мозговський М. В.** (Харків). Наукова генетика — жертва тоталітарного режиму у повоєнний період в Україні (1946–1953 рр.).
- Острон И. И.** (Харьков). Изучение Слободской Украины учеными Харьковского университета в начале XX века.
- Наумов С. О.** (Харків). Харківська організація УСДРП у роки Першої світової війни.
- Павлова О. Г.** (Харків). Роль Харківського художньо-промислового музею у розвитку мистецтва в кінці ХІХ—початку ХХ ст.
- Посохова Л. Ю.** (Харків). З історії шлюбів священників Слобідської України ХVІІІ ст.
- Скирда І. М.** (Харків). Внесок Харківського Попереднього комітету в підготовку ХІІ Археологічного з'їзду.
- Філіппенко Р. І.** (Харьков). До питання дослідження Є. К. Редіним історії Харківського університету.
- Фролов С. В.** (Харків). Исторична наука у м. Харкові (1945–1955 рр.).
- Хвостенко О. Н.** (Краснодар). Украина в историко-литературной деятельности Прокофия Петровича Короленко.
- Шаманаев А. В.** (Екатеринбург). Представители Одесского общества истории и древностей на ХІІ Археологическом съезде в Харькове.
- Шульга И. И.** (Саратов). Эльтонские чумаки.
- Эпштейн А. И.** (Харьков). Харьков — любимый город (краеведческие этюды).
- Яценко В. Б.** (Харків). Російська імперська інтеграційна політика і слобідське козацтво в ХVІІІ ст.: етапи та перебіг.
- Ячменихин К. М.** (Чернигов). Слободско-украинские военные поселения в первой половине XIX в.

6 НОЯБРЯ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

13³⁰–14³⁰

1. Отчет руководителей секций. Подведение итогов работы секций (аудитория V–58).

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Сніжко І. А. (Харків)

ІСТОРІЯ ДОСЛІДЖЕННЯ УТИЛІЗАЦІЇ МИСЛИВСЬКОЇ ЗДОБИЧІ В ПІЗЬНОМУ ПАЛЕОЛІТІ

Дослідження процесу утилізації здобичі первісними мисливцями та висвітлення його у науковій літературі має досить довгу історію.

Перша у світовій археологічній практиці спроба вивчення процесу розбирання туш тварин за археологічним матеріалом належить російському вченому М. Ф. Каценку. Ще в 1896 р. він дослідив рештки скелету мамонта, що був знайдений разом з крем'яними знаряддями біля м. Томська. Він не тільки визначив це місцезнаходження як місце вдалого полювання палеолітичної людини, але й описав спосіб та знаряддя розбирання. Велику увагу комплексному вивченню фауністичних решток приділяв Г. А. Бонч-Осмоловський. Переглянувши фрагменти кісток тварин з кримських стоянок, він відзначив на 80 % з них нарізки, інтерпретувачи їх як сліди розбирання туш за допомогою крем'яних знарядь. В. А. Городцов констатував наявність нарізок на кістках бика з Ільської стоянки.

Найбільш повний опис основних етапів розбирання мисливської здобичі та слідів на кістках, що їм відповідають, знаходимо в роботах В. І. Громова. У статті, присвяченій матеріалам палеолітичної стоянки Афонтова Гора II, він проаналізував способи розбирання трубчастих кісток, дійшовши висновку, що метою цих операцій було добування кісткового мозку. Нарізки на кістках, у залежності від місця їх розташування, автор пов'язав з членуванням туші, зняттям шкури, зрізанням м'яса та підготовкою до розбирання. Ці процеси він моделював, спираючись на етнографічні свідчення.

У роботі, присвяченій дослідженню обробки кістки та кістяним виробам Авдєєвської стоянки, М. Д. Гвоздовер відзначила, що на більшій частині кісток тварин присутні подряпини, надрізи та потертості різного походження. Їх вивчення дало змогу відтворити у загальних рисах процес утилізації туш тварин. Авторка наводить сліди різання на різних категоріях кісток, пов'язуючи їх з певними операціями з розбирання, а також описує ламання кісток для вилучення кісткового мозку. На наявність нарізок на кістках як слідів розбирання

вказували також деякі інші дослідники — О. О. Вежілова, Л. М. Тарасов, С. М. Бібіков.

Але, на жаль, на більшості пізньопалеолітичних пам'яток стан збереженості фауністичного матеріалу виключає можливість дослідження процесу утилізації шляхом вивчення його свідств безпосередньо на кістках. Єдиний прийнятний у цьому випадку шлях — спостереження за планіграфічним розподілом та відносною кількістю різних груп скелетних елементів. Роботи в цьому напрямку були проведені на відомих пам'ятках: у першу чергу на дуже цікавій стоянці Анетівка II під керівництвом В. Н. Станко, а також на Кам'яній Балці II під керівництвом Н. Б. Леонової. Це дало змогу реконструювати послідовність операцій по обробці мисливської здобичі, а також локалізувати на площі пам'ятки місця, де така діяльність відбувалась. Безпосередньо до питання розбирання здобичі звернувся Г. Є. Краснокутський, торкнувшись цієї теми в загальному контексті реконструкції способу життя пізньопалеолітичних мисливців степової зони.

Серед пам'яток з фауністичними рештками в культурному шарі, що дають можливість відтворювати процеси розбирання здобичі, особливе місце займає Амвросіївське кістковище. На сьогодні це єдиний об'єкт на нашій території, де стан збереженості кісток дозволяє безпосередньо на них вивчати свідчення утилізації.

У 1940–1950 рр. на пам'ятці велись дослідження під керівництвом І. Г. Підоплічка та П. Й. Борисковського. Їх результати, а також погляди авторів на інтерпретацію кістковища, було викладено у серії статей. І. Г. Підоплічко наголосив, що в Амвросіївському комплексі відображено сліди діяльності давньої людини, тісно пов'язані з полюванням. Дослідження кісткової брекчії методом повного підрахунку визначених кісток та наявності анатомічних груп свідчать, що в кістковище потрапили цілі тварини, а не їх частини. Вивчення кісток засвідчило, що вони перебували непохованими якийсь час — це давало змогу давнім мисливцям використовувати кістковище для господарських потреб.

П. Й. Борисковський вважав кістковище культовим місцем, куди мешканці розташованої поблизу стоянки скидали кістки забитих на полюванні бізонів. Він дав характеристику особливостям розташування кістковища і вперше відзначив наявність тут кісток зі слідами різання. Підсумки досліджень Амвросіївського комплексу були викладені П. Й. Борисковським у монографії «Палеоліт України» та Зводі археологічних джерел, присвяченому палеоліту Дніпра та Приазов'я.

Під час досліджень 1980–1990 рр. під керівництвом О. О. Кротової на пам'ятці проводився цілеспрямований пошук особливостей культурного шару та кісток зі слідами утилізації мисливської здобичі. Роботи, що велися в цьому напрямку, ґрунтувались на використанні комплексу методів, розроблених вітчизняними та американськими фа-

хівцями. Опис конкретних методів роботи з археозоологічним матеріалом під час польових та лабораторних досліджень, методика моделювання процесу утилізації та використання результатів подібних досліджень для історичних реконструкцій викладено в роботах І. А. Сніжко. Дослідження О. О. Кротової та І. А. Сніжко були спрямовані на розгляд свідчень утилізації, що походять з Амвросіївського кістковища: слідів нарізок та давніх зламів на кістках бізонів, дослідження особливостей планіграфічного розміщення свідочтв розбирання бізонів у культурному шарі кістковища. Отримані результати дозволили дійти висновку, що Амвросіївське кістковище було не тільки місцем забою бізонів під час полювання, але й місцем розбирання, а також запропонувати модель утилізації мисливської здобичі.

Смольянинов Р. В. , Ивашов М. В. (Липецк)

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА С НАКОЛЬЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ ВЕРХНЕГО ДОНА

До последнего времени наиболее древними на Верхнем Дону считались неолитические стоянки среднедонской культуры, выделенной А. Т. Синюком, давшие керамику, украшенную различными видами наколов, среди которых доминирующее положение занимает треугольный.

Керамика этой культуры характеризуется относительной тонкостенностью, плотным тестом и лишь в единичных случаях — добавлением в него какого-то органического вещества. Лепка сосудов производилась ленточным способом, при котором нижний край ленты накладывался на предыдущую ленту изнутри, т. е. использовался прием косой стыковки лент. Ширина их варьирует в зависимости от диаметра той или иной части сосуда. При обработке поверхностей образовывалась мелкая, часто беспорядочная штриховка, но затем внешняя сторона еще раз дополнительно сглаживалась вплоть до лощения. Фиксируется и прием ангобирования сосудов.

Господствует форма цилиндрических сосудов с относительно плавным переходом стенок к острому дну. Есть сосуды и конические, тоже с острым дном. Днища «незаполненные», по толщине почти не отличаются от стенок. Верх сосудов скруглен или плавно приострен. Диаметры сосудов от 10 до 30 см.

При единстве формы и технологии изготовления сосуды наделены еще одним общим признаком: орнамент их, за единичным исключением, выполнен в отступающей, накольчатой манере. Ввиду этого, основным элементом орнамента выступает различного вида накол, от мелкого треугольного до крупного ямчатого. Если даже последнему отвести статус самостоятельного орнаментального элемента, то остальные виды наколов украшают около 90 % всей керамики. Среди нее свыше 60 % покрыто на-

колами треугольной формы. Далее идут скобковидные, спаренные наколы, наколы в виде подковок и округлые. Нередко фиксируется взаимовстречаемость различных видов наколов на одних сосудах.

Интересно отметить, что все многочисленные виды наколов, включая аморфные, создавались вдавливанием и поворотом конца поставленного под разным углом одного и того же орудия. Так, при более глубоком его нажиме спаренные наколы преобразуются в скобки и подковки; одним и тем же орудием наносились треугольные и скобковидные наколы, а также ямчатые вдавления. Тем самым устанавливается культурно-хронологическое единство всех видов наколов, а их разнообразие отражает яркую специфику керамики местной неолитической культуры.

Обязательным признаком сосудов являются ямки под венчиком в один горизонтальный ряд. Они глубокие, округлые, довольно крупные, иногда делались в «отступающей» манере. Кремнёвый комплекс пластинчатый (Синюк, 1986).

После раскопок в 2001–2003 гг. поселений Карамышево 9 (724 кв. м) и Карамышево 5 (64 кв. м) стало возможным говорить о присутствии на стоянках лесостепного Подонья и, в частности, Верхнего Дона, иных ранне-неолитических материалов, в целом не характерных для среднедонской культуры. На поселении Карамышево 9 они преобладают (Смольянинов, в печати), а на стоянке Карамышево 5 иных неолитических материалов не выявлено (Смольянинов, 2003). Данная керамика изготовлена из ила, светло-коричневого цвета снаружи, изнутри и в изломе с хорошим равномерным обжигом. Всегда внешняя, а иногда и внутренние поверхности несут на себе следы ангоба и лощения. Керамика тонкостенная, не более 0,7 мм, изготовлена ленточным способом. В ке-

рамических коллекциях большой процент черепков не имеет орнамента.

На сосудах этой группы преобладала орнаментация отдельным овальным наколом, реже они наносились в виде ложного шнура (выполнены овальным наколом, поставленным в строчку), отмечены также точечные, редко треугольные и аморфной формы наколы. Иногда они дополнялись прочерченным орнаментом. Края некоторых венчиков гофрированы, в верхней части на многих горшках наносились ямочные вдавления, редко — жемчужины. Часть посуды не имела орнамента. Округлые и овальные наколы, как правило, располагались горизонтальными рядами. В единичных случаях встречаются более сложные орнаментальные композиции: мотив «висячего треугольника», или овальные вдавления, составленные в строчки, образующие горизонтальные елочные композиции. Делителем орнаментальных зон между рядами наколов служили либо ямочные вдавления, либо более крупные овальные наколы. Диаметр сосудов колеблется от 12 до 24 см. Преобладали сосуды открытой или закрытой формы, гораздо реже венчик занимал вертикальное положение. Доминировали горшки с округлым краем, реже с приостренным и еще реже с плоскосрезанным. Все выявленные днища данного типа керамики незаполненные, остродонные. Кремнёвый комплекс видимо характеризуется отщеповой технологией. С поселения Карамышево 5, где не выявлены иные керамические материалы, кроме как карамышевского типа, на 96 кремнёвых находок приходится только 2 пластины.

Главное своеобразие керамического комплекса карамышевского типа, по сравнению с другими раннеолитическими материалами Верхнего Дона, заключается в значительном преобладании орнаментации овальным наколом. Поиск аналогий ему, на наш взгляд, исключает территории Среднего Дона, Нижнего Дона, Подесенья, Марийского Поволжья, Днепро-Донецкого междуречья из возможных генетических подоснов, так как на всех отмеченных территориях раннеолитическое население украшало посуду орнаментами, среди которых доминировал не овальный, а треугольный накол или в отдельных случаях — гребенчатые отпечатки. По ряду таких признаков как наличие в коллекции неорнаментированной посуды, лощения ее поверхности, украшения жемчужинами, гофрировки венчиков, просверленных отверстий, прочерченных линий,

присутствие мотива висячих треугольников, а также сходство топографических условий расположения стоянок с рассматриваемыми материалами, керамика карамышевского типа наиболее близка елшанским или древностям средневожской культуры. Хотя при этом следует признать, что полностью соотнести эту керамику с этими комплексами нельзя, так как на карамышевской керамике нет орнаментации гладкой качалкой, отсутствуют плоские днища, а прочерченный орнамент, профилировка сосудов, просверленные отверстия встречаются в единичных случаях. Некоторые аналогии материалам карамышевского типа мы находим в древностях верхневожской культуры, раннему этапу которой соответствует неорнаментированная или же украшенная тычковыми вдавлениями посуда, а в конце этого этапа — ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом. Сходство также проявляется в обработке поверхности лощением, преобладании плоских и округлосрезанных краев венчика. Всего материалы карамышевского типа выявлены на восьми верхнедонских стоянках: Карамышево 1, Карамышево 5, Карамышево 9, Липецкое Озеро, Университетская 3, Курино 1, Чернавский мост, Подзорово.

Особняком среди всех известных нам поселений с накольчатой керамикой на Верхнем Дону стоит керамический комплекс поселения Студёновка 3 на р. Воронеж. Самой древней посудой, полученной с этой стоянки (12 фрагментов от 6–7 сосудов), являлась керамика украшенная короткими гребенчатыми отпечатками, которые располагались в горизонтальные, вертикальные и косовертикальные ряды, в двух случаях венчик не имел орнамента, на двух стенках сосудов наносили насечки, составленные в косовертикальные ряды, на двух — отдельные треугольные наколы, в одном случае мелкие наколы были нанесены в скорописной манере, имитирующей отпечатки шнура, на одной из стенок нанесён горизонтальный ряд глубоких ямочных вдавлений. Венчики горшков, в четырех случаях, прямостенные с приостренным или, в двух случаях, с округлым краем. Керамика серого цвета, лощеная снаружи и изнутри, изготовлена из ила. Искусственные примеси не выявлены. На Дону материалы с этой стоянки некоторые аналогии находят среди керамики карамышевского типа. Вероятнее всего, данная посуда относится ко второму этапу верхневожской культуры.

Берестнев С. И. (Харьков)

О НАСЕЛЕНИИ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (по материалам погребений)

1. Вопрос об этническом и культурном составе населения восточноукраинской лесостепи в начале эпохи раннего металла далек от окончательного ре-

шения. В современных культурно-хронологических схемах южная лесостепь, в пределах днепро-донецкого междуречья, рассматривается в системе пост-

мариупольской культуры, к востоку от них и в Днепро-Донецком Левобережье локализуются памятники среднестоговской общности, в глубинных районах лесостепи фиксируются памятники ямочно-гребенчатого неолита. Имеющиеся к настоящему времени материалы дают основания предполагать более сложную этнокультурную мозаику в пределах рассматриваемого региона, отражающую особенности культурно-исторических процессов в энеолите.

2. Не выглядит внутренне однородной совокупность подкурганных захоронений с «вытянутыми» костяками, обычно объединяемых в рамках постмариупольской культуры. В лесостепи они представлены тремя территориальными группами, различающимися по ориентировке покойников и другим обрядовым показателям. «Классические» постмариупольские комплексы с вытянутыми на спине, обильно окрашенными красной охрой и ориентированными головами в восточном секторе горизонта погребенными концентрируются в основном в пограничье лесостепи и степи между Днепром и Северским Донцом. По основным обрядовым показателям они вписываются в систему постмариупольской культуры, охватывающей Орельско-Самарское междуречье и прилегающие районы Азово-Черноморского региона.

3. Вторая территориальная группа локализуется в бассейне р. Ворсклы и нижнем течении р. Орели. Для нее также характерны мелкие грунтовые могилы, часто — без перекрытий, под курганными насыпями, но вытянутые на спине костяки ориентированы в меридиональном направлении, с хорошо прослеживаемым принципом антитезы в расположении покойников. В обряде, наряду с охровыми подсыпками, широко использовались продукты горения — зола и древесные угли. Есть основания говорить о достаточно раннем обособлении этой группы, поскольку сосуд из основного захоронения в кургане № 2 у с. Орлик, представляющий два соединенных вершинами полых конуса, находит прямые аналогии в материалах нео-энеолитических культур карпатского региона — полгарской, Тисса, расписной керамики и др., в основном предшествующих раннему Триполью. Генетически эта группа может быть связана с населением предшествующего периода, оставившим грунтовые могильники типа Чапли — Собачки.

4. В бассейне среднего течения Северского Донца выделяется еще одна группа погребений с «вытя-

нутыми» костяками. Для нее характерна западная ориентировка покойников, распространенность органических подстилок в могилах, ограниченное использование охровых подсыпок. Погребальные комплексы этой группы известны также на территории Центрального Донбасса. Генетически она, как и классические постмариупольские памятники, может быть связана с населением, оставившим грунтовые могильники мариупольского типа.

5. Имеются данные о параллельном развитии в лесостепи групп населения, исповедывавших иные погребальные традиции. Одна из них представлена немногочисленными пока захоронениями в составе грунтовых могильников (Александрия) или под курганными насыпями (Верхняя Самара 1/1, Грушеваха 1/1–2 и др.), в мелких, часто неправильной формы могильных ямах, преимущественно без перекрытий, с покойниками, уложенными на спине в слабой степени скорченности и ориентированными головами в северном или восточном секторах горизонта. Наличие в составе сопровождающего инвентаря костяных фигурных пронизей и мелких медных бусин-пронизей позволяет синхронизировать эту группу с памятниками постмариупольской общности. Выявление погребений с аналогичными обрядовыми признаками на территории поселений дает основания генетически связывать с населением, оставившим синкретические памятники типа Засухи.

6. В некоторых подкурганных захоронениях (Богуславка 1/1, Залиман–1 1/2 и др.) отчетливо прослеживаются черты, присущие среднестоговской погребальной традиции (положение на спине в сильной степени скорченности, восточная ориентировка, спорадическое использование охры) и выразительно представленные в среднестоговских грунтовых могильниках Деревивка, Александрия, Игрень VIII и др. Возможность синхронизации с памятниками постмариупольской общности подтверждается фактами курганной стратиграфии (Старомажарово–2, курган № 1).

7. В целом, население восточноукраинской лесостепи в энеолите представляло сложное и многокомпонентное образование, в котором сочетались автохтонные и пришлые элементы. Культурная и этническая эклектика, характерная для периода раннего металла, отразилась на составе населения региона и в начале эпохи бронзы.

Тесленко Д. Л. (Днепропетровск)

ПОСТМАРИУПОЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ГРОБНИЦАХ

Проблема культурной принадлежности степных энеолитических памятников остается одной из остро дискуссионных, о чем свидетельствует динамика предлагаемых в последнее время интерпретаций. Се-

годня вряд ли вызовет серьезные возражения тезис о присутствии погребений в каменных гробницах среди памятников всех известных степных энеолитических культурных групп. Однако вопрос появ-

ления данной черты обряда, безусловно, требует исследования. В настоящей работе я считаю необходимым остановиться на немногочисленной группе энеолитических «вытянутых» захоронений, отличительной чертой погребального обряда которых являются каменные ящичные гробницы.

Сегодня известны 7 подобных захоронений, сосредоточенных в междуречье Буга и Днестра. Правда, в сводке постмариупольских/квитянских погребений Ю. Я. Рассмакиным учитывается также и ограбленная гробница из кургана 1 у с. Константиновка на Мелитопольщине.

Несмотря на разную степень сохранности гробниц, существует возможность сделать некоторые наблюдения об их архитектуре. Количество плит, использованных при сооружении стен, колеблется от шести до девяти. Последние вкапывались в грунт или устанавливались на поверхности. Щели между плитами заполнялись мелкими камнями, иногда замазывались. Плита поперечной стены гробницы погребения № 7 кургана 14 у с. Марьевка имела паз для соединения с плитой продольной стены. Особенность рассматриваемых гробниц — принцип поперечного перекрытия, включающего 3–5 подпрямоугольных плит, среди которых встречаются и стеловидные камни. Однажды (Валовое 1/7) зафиксирован куполовидный заклад, состоящий из 3–4 слоев плит, воздвигнутый над гробницей. Наконец, дно гробницы погребения № 35 кургана 1 у Висунска представляло собой прямоугольную известняковую плиту. Помимо архитектурных особенностей постмариупольские/квитянские гробницы отличаются от подобных энеолитических степных памятников и окраской внутренней поверхности стен охрой. Правда, сегодня известны только два таких случая (Марьевка 14/7, Висунск 1/35).

В шести гробницах сохранились вытянутые на спине скелеты, однако только троих погребенных уложили с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми по всей длине ногами. В погребении № 7 кургана 1 у с. Валовое кости ног скелета были слегка согнуты в коленных суставах и расставлены в стороны. В погребении № 3 кургана 2 у Богдановского карьера правая рука погребенного была отведена в сторону в плечевом суставе, а в погребении № 17 того же кургана кисть левой руки находилась на тазовых костях.

Окраска костей варьируется от интенсивной (Богдановский карьер, Марьевка) до посыпки отдельных частей скелета (Висунск, Валовое). На нижней челюсти скелета из погребения № 7 кургана 14 у с. Марьевка обнаружены остатки смолы. Также охра отмечалась на дне гробниц, в том числе в виде пятен и традиционных для «вытянутых» погребений формованных «цилиндров». Инвентарь найден в трех погребениях и представлен: бронзовым листовидным ножом (Богдановский карьер 2/3) ямного типа; амфиболитовым молотом с парой попе-

речных ободков, выполненных в технике нервюры, кремневым ножом и небольшой металлической пластиной (Валовое 1/7); а также лепным округлодонным горшком с невысоким отогнутым венчиком и округлыми плечиками, каменным молотом-клевецом, двумя кремневыми наконечниками стрел и кремневым орудием (Константиновка 1/1).

В курганах рассмотренные погребения занимали преимущественно основное положение, лишь в кургане 1 у Шевченковского карьера гробница погребения № 1 была установлена на вершине насыпи, возведенной над основным однокультурным захоронением. Обращают на себя внимание следующие факты. В курганах с постмариупольскими гробницами неизвестны, пока, во всяком случае, погребения других энеолитических культурных групп. В стратиграфии за ними следуют позднеямные захоронения. Все погребения в гробницах сопровождалась насыпью или досыпкой, которые в четырех случаях были окружены кромлехами.

Показательно также то, что, исключая сооружение гробницы, остальные черты ритуала — положение скелета, оформление дна могилы, использование охры — не выходят за рамки представлений о погребальном обряде постмариупольских/квитянских захоронений Правобережья Днепра.

Сказанное в полной мере относится и к находкам из «вытянутых» погребений в гробницах. Отвечая в стороне проблемы происхождения тех или иных категорий инвентаря постмариупольских/квитянских памятников, отметим, что имеющиеся артефакты свидетельствуют об относительно позднем (конец Триполья С 2) хронологическом положении рассмотренных захоронений. Бронзовый нож имеет ближайшие аналогии в позднеямных памятниках Поднепровья, а амфиболитовый молот дает основания для синхронизации с Софиевкой, датирующейся по радиоуглеродным калиброванным датам первой четвертью III тыс. до н. э. Да и архитектура гробниц, включающая наличие пазов на стенах, плит на дне, равно как и окраска стен, близки уже стандартам ямного времени.

Возвращаясь к вопросу о появлении каменных гробниц в обряде «вытянутых» энеолитических погребений, я позволю себе высказать некоторые замечания. Материалы рассмотренных памятников не дают оснований считать появление гробниц показателем формирования в Буго-Днепровском междуречье синкретической группы энеолитических памятников. Наоборот, очевидна определенная «чистота» постмариупольского обряда. В то же время престижные находки, попытки моделирования лица, значительные трудовые затраты на устройство погребения и насыпи традиционно рассматриваются как показатель социальной неординарности погребенных. Исходя из сказанного, можно предположить существование, в первую очередь в Буго-Днепровском междуречье, «этнически чистых» постмариупольских

могильників с захороненнями індивидов, польуючихся високою степеню уваження колектива. А появлення гробниц как составляющей погребального ритуала является, таким образом, не результа-

том механических межплеменных контактов, в том числе и на семейно-брачном уровне, а целенаправленным заимствованием социально-престижного стандарта из инокультурной среды.

Литвиненко Р. О. (Донецьк)

ЗАХІДНА ПЕРИФЕРІЯ БАБИНЬСЬКОГО ОСЕРЕДКУ КУЛЬТУРОГЕНЕЗИ

Раніше вже було проведено дослідження по обґрунтуванню та визначенню кордонів первинного осередку культуuroгенези пам'яток типу Бабине III. В основу його було покладено методику кореляції даних картографії найдавніших поховальних комплексів, розподілених на групи, у залежності від категорій датуючих речей: гачкових пряжок, кільцевих медальйонів («пряжок»), точильних брусків, випростувачів древків стріл, сагайдачних наборів, ріжкового і бородавчастого намиста. Отримані результати дозволили досить впевнено і чітко окреслити область початкового формування культурного феномену Бабине в регіоні між Сіверським Дінцем, Дніпром і Азовським морем (Литвиненко, 1996; 2001). Однак виділення первинного осередку бабинської культури (БК) водночас ставить питання про його оточення або периферію, а надалі про характер змін в самому вогнищі культуuroгенези, сутності процесів та напрямках його розширення до тих максимальних кордонів від Нижньої Волги до пониззя Дунаю, що відомі нам зараз. Східний вектор динаміки бабинської ойкумени певною мірою вже окреслений у ряді робіт (Шарафутдинова Э., 1996; Литвиненко, 1996; 1998; Отрошенко, 2001). Почало вимальовуватися й оточення БК у басейні Середньої Донщини, Доно-Волзькому межиріччя та Степовому Передкавказзі (Кияшко А., 2004; Литвиненко, 1999; 2000; 2002; Мимоход, 2002; 2004; Шарафутдинова Э., 2001).

Що ж стосується західної периферії первинного осередку БК, то вона до недавнього була майже незрозумілою. Як простежується в самому осередку культуuroгенези БК, а також в паралельних йому утвореннях на сході, культури перехідного від середньої до пізньої бронзи періоду, поряд з новаціями, зберігають у собі наочний спадок попередньої катакомбної доби, враховуючи її локальні особливості: *дніпро-донська БК* — правобережної середньодонської та пізньодонецької (бахмутський тип) катакомбних культур (КК), *лолинська культурна група* — східноманицької (можливо й батуринської) катакомбної, *киволюкська культурна група* — лівобережної середньодонської та волго-донської КК (Кияшко А., 2004; Литвиненко, 2002а; Мимоход, 2002; 2004). За логікою, у чомусь схожа ситуація могла б очікуватися і на захід від області первинного осередку БК, де в пізньокатакомбний час була розповсюджена своєрідна інгульська (дніпро-азовська) КК.

Свого часу С. Ж. Пустоваловим було проведено роботу по уточненню (деталізації) періодизації катакомбних пам'яток Степової Наддніпряниці, у результаті якої було намічено виділення «особливої хронологічної групи», яка на підставі курганної стратиграфії змінювала в часі типові пізні комплекси інгульської КК, позначені катакомбами з круглими шахтами, овальними та квасолеподібними камерами і випростаними положенням померлих. Виокремлена група, з одного боку, зберігала традиції передуючої інгульської КК (головним чином, у типі поховальних конструкцій і керамічному наборі), а з іншого, набувала змін, що характеризуватимуть наступну пізньобронзову добу (особливості трупопокладення). Перелічені обставини дозволили датувати виділену групу пам'яток безпосередньо «передбагатоваляковим часом» і поставити питання про формування КБК Степової Наддніпряниці на місцевому катакомбному підґрунті за умов притоку сюди «чужорідних етнічних елементів» (Пустовалов, 1979). Об'єктивність наведених спостережень підтверджується тим, що аналогічна нижньодніпровській послідовність груп катакомбних пам'яток зафіксована також для регіонів Степового Криму, де дослідники виділяють після горизонту випростаних катакомбників пам'ятки перехідного від КК до КБК періоду (Нечитайло, 1984; Тоцев, 1990; Отрошенко, 2001).

Саме на горизонт цих «перехідних» пам'яток ми звернули особливу увагу в пошуках на заході хронологічного відповідника найдавнішій БК, яка склалась у своєму первинному осередку — Донецько-Дніпро-Азовському. Перше, що давало підстави для співвіднесення в часі цих двох культурних груп, була їх тотожна, а саме більш пізня (безпосередньо перебиваюча), стратиграфічна позиція в курганах по відношенню до інгульських катакомб з випростаними кістяками. Другим, нехай посереднім, фактором на користь синхронності ранньобабинських і пережитково-катакомбних інгульських старожитностей є їхнє просторове неспівпадіння, а разом з тим межування в районах Нижньої Наддніпряниці. Збільшення джерельної бази дозволило не тільки кількісно наповнити групу перехідних постінгульських пам'яток, а й об'єктивно розширити її ареал, який тепер, крім Нижньої Наддніпряниці та Криму, охоплює також степове Дніпро-Дністровське межиріччя. Доповнюючи вищенаведені характеристики цих комплексів, зазначимо, що: 1) крім типових

«інгульських» поховальних споруд, серед них зустрічаються і модифіковані катакомби, у яких зберігаються круглі шахти, а також конструкції, наближені до підбоїв; 2) інгумації характеризуються правопо-лівобічними позами з підведеними до обличчя руками, частим положенням небіжчика спиною до входу; 3) в орієнтації вагомим є західний сектор, значущість якого, крім статистики, підтверджується намаганням забезпечити його навіть в супереч нормам розташування тіла в камері катакомби (скажімо, ногами до входу); 4) випадки супроводу померлих похідними від інгульських та новими керамічними формами є порівняно рідкісними на фоні значної кількості безкерамічних та взагалі безінвентарних комплексів. Особливе значення в дослідженні цих пам'яток мають катакомби багатозаповненого використання — склепи, де можна простежити від двох до чотирьох послідовних актів поховань. З одного боку, вони засвідчують генетичну спадкоємність з інгульською КК не тільки комплексів перехідного етапу, а й похідних від них бабинських (*дніпро-дністровських*). З другого — вони показують тривалість у часі цього процесу, його поетапність і демонструють певний хронологічний розрив між інгульською КК і місцевою БК (пізньою у своїй масі), заповнений пам'ятками періоду трансформації, які й є одночасними ранньобабинським східних територій.

У пошуках причин тих змін, що охопили інгульську КК, звернемо увагу на характер і напрямок трансформації її поховального обряду: перехід до зібганого, у більшості лівобічного положення небіжчиків з адоративною позицією рук, виражений західний сектор орієнтації, часта безінвентарність могил. Але ж ці ознаки є визначальними для найдавніших пам'яток *дніпро-донської БК* (її чоловічої обрядової групи). І такі аналогії не здаватимуться випадковими, коли взяти до уваги, що наприкінці раннього етапу *дніпро-донської БК* чітко простежується її виплеск

на захід, у степ Правобережної України, де з'являються не чисельні, але виразні комплекси поховань чоловіків-воєнів (часто в кам'яних скринях, з керамічними корчами, дерев'яними чашами та кільцевими «пряжками»), що розташувалися ланцюжком вздовж чорноморського узбережжя від Інгульця до Північно-Західного Причорномор'я. Очевидно, цим імпульсом ранньої *дніпро-донської БК* на захід і була викликана деструкція інгульської КК. Показово, що пережиточні постінгульські пам'ятки та успадковуюча їх *дніпро-дністровська БК* (з підбійними могилами, південно-східним сектором орієнтації небіжчиків та овальними дводірчастими «пряжками») у поховальному обряді демонструють майже повний занепад курганного будівництва, вкрай низький рівень соціальної диференціації, рідкість і невиразність т. зв. престижних комплексів (Отрощенко, 2001, с. 109–110), що може бути розцінене як ознаки соціокультурної стагнації або кризи. Доступні факти дозволяють, хоча й з великою обережністю, припускати сценарій, відповідно до якого розвинена потестарна структура інгульської КК з її виразною системою лідерства була суттєво підірвана чи навіть зруйнована носіями *дніпро-донської БК*. Такий сюжет не здаватиметься надуманим, якщо врахувати, що процес становлення та розповсюдження БК виступає як своєрідне відродження автохтонних ямних традицій, перерваних катакомбною добою (Братченко, 1995; Дергачев, 1986; Ковалева, 1987; 1997; Писларий, 1983; Тощев, 1982; Черняков, 1985; та ін.). Інгульська ж культура на фоні інших катакомбних утворень виглядає найбільш чужорідною, а тому процес її зміни та його наслідки мали свої особливості. Зокрема, цей потужний чужорідний субстрат так і не дозволив відновитися ямним традиціям у тій мірі, як це простежується для Дністровсько-Прутського, Дніпро-Донського (*бабинські культурні групи*) та Доно-Волзького (*криволукська культурна група*) регіонів.

Отрощенко В. В. (Київ)

СЮЖЕТ ДВОБОЮ У ЗНАКОВІЙ СИСТЕМІ ЗРУБНОЇ СПІЛЬНОТИ

Вивчення знакової системи зрубної спільноти, що активізувалося впродовж останніх років, дає нові сюжетні лінії, варті найпильнішої уваги. Динамічне зображення людини з сокирою поряд з колесом було знайдено на поселенні Безіменне II у Надазов'ї (Горбов, Мимоход, 1999). Фрагментарність цього сюжету на уламку стінки посудини дозволяє нам лише робити припущення, що тут могло бути зображення двобою чи ще ширшої батальної сцени. Проте ця знахідка змушує нас придивитися уважніше до знакових композицій на інших горщиках, позначених елементами динаміки.

З огляду на обставини, зазначені вище, нашу увагу привернула багатофігурна композиція на стінці слоїка, виявленого під час розкопок поселення зрубної спільноти Таранцеве II на Харківщині (розкопки В. І. Берестнева 1978 року, шифр 1416/І). Замальовка цієї композиції прикрасила обкладинку монографії С. І. Берестнева «Востоchnоукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы» (Харьков, 2001), а фото слоїка відтворено на заставці до розділу 5 цієї ж книги. Висловлюю С. І. Берестневу подяку за люб'язно надану авторові розгортку зображення з Таранцевого II.

Багатофігурна композиція, відтворена на фотознімку в книзі та розгортці, вимагає уважного аналізу. Загалом вона вписується до знакової системи населення зрубної спільноти (Отрощенко, Формозов, 1988; Буров, 1997; Захарова, 2000 та ін.). Збереглася приблизно половина слоїка з численними знаками, розміщеними трьома ярусами. Вже доводилося відзначати, що ярусне розміщення знаків у складних композиціях відповідало уявленням людей доби бронзи щодо трійстої структури устрою світу з підземною, наземною та небесною сферами (Отрощенко, 1990; 1995). Нижній ярус відокремлено чіткою горизонтальною лінією на висоті 1,5 см від плаского дна. Від неї відходять донизу 4 чи 5 знаків-гаків, загнутих вправо. На своєрідному подіумі, утвореному горизонталлю, розташовано три знаки: пагонець, заломлений вліво в центрі, та дві антропоморфні фігури обабіч від нього. Здається, що фігурки знаходяться у стані динамічного двобою поміж собою. У лівій фігурки в піднятій руці спис, а у правій — келеп, на зразок безименського. Тобто,

ми маємо унікальний епізод збройного поєдинку антропоморфних істот біля надто важливого для них об'єкту. Вліво від центральної композиції позначено фігуру у формі прямого хреста, що перериває нижню горизонталь. Такий знак присутній і в інших композиціях з антропоморфними фігурами й трактований як знак Бога (Отрощенко, 1998, с. 96, рис. 4, 3–4). Він ніби виступає вищим арбітром. Верхню сферу передано складним зигзагом, що заломлюється вгору якраз понад місцем двобою. Над та під зигзагом прокреслено ще декілька знаків-рамок та пара знаків, що утворюють сполучення ТУ. Всі знаки на слоїку передано легким дотиком загостреної палички по сирій глині ще до випалу її майстром.

Слід гадати, що перед нами фрагмент епічного сюжету, якимось пов'язаного з темою Царя лісу (священного гаю), блискуче проаналізованого Д. Фрезером. На часі публікація цієї унікальної знахідки з гранично точним відтворенням кожного окремого знаку та композиції загалом, що відкриє можливості до глибшої інтерпретації позначеного вище сюжету.

Сергеева М. С. (Київ)

АНТРОПОЗОМОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

1) Хвостатые персонажи. Три изображения на поверхностях двух каменных антропоморфных стел эпохи ранней бронзы — керносовской (Днепропетровская обл.) — дважды и федоровской (Полтавская обл.).

Контекст: Изображение частей скелета позволяет связывать основных персонажей, представляемых обеими стелами, с миром мертвых. Возможные варианты их интерпретации: 1) подчеркивалось, что представлен уже умерший персонаж, обитатель «мира мертвых»; 2) подразумевались сакральные деятели, которым приписывалась способность осуществления связи с потусторонним миром при жизни. Сюжетные сцены на стелах должны передавать относящиеся к ним сакральные ситуации. Фигурирующие в них хвостатые антропоморфы, соответственно, могли выступать или как их воплощение, или как связанные с ними существа.

Иконографические аналогии имеются в наскальном искусстве Евразии, где хвостатые персонажи фигурируют в батальных, ритуальных, охотничьих сценах. Возможен общеевразийский контекст генезиса этого образа.

2) Рогатые антропоморфные существа. Антропоморфные персонажи, изображенные отрезками прямых линий на тулове сосуда, происходящего из катакомбного погребения (с. Вознесенка Мелитопольского района Запорожской обл.). Голова имеет форму буквы V, что может передавать рога или рогатый головной убор.

Контекст: Персонажи показаны между деревьев и вертикальных зигзагообразных линий с вероятной космологической символикой. Сосуд с изображениями имеет не утилитарное назначение (погребальный инвентарь).

Рогатые персонажи фигурируют в различных образных системах Евразии и Америки, общности между ними не прослеживается. Стилистические особенности катакомбных изображений соответствуют традициям орнамента катакомбной керамики, что предполагает воплощение какой-то местной мифоритуальной идеи.

3) Антропоорнитоморфные существа.

А) Схематичные антропоморфные фигуры с туловищем в виде отрезка прямой линии и такими орнитоморфными признаками, как форма раскинутых в стороны рук-крыльев и имитация перьев черточками. Изображены на двух срубных сосудах с разных территорий (Донская и Волго-Уральская лесостепь).

Контекст: сочетание антропоорнитоморфной фигуры с нефигуративными символами космологического содержания (зигзаг, свастика), входящими в арсенал срубной знаковой системы. В рассматриваемом контексте, возможно, маркируют сакральное пространство.

Аналогии имеются в различных изобразительных системах Евразии и Америки. Единая генетическая подоснова для них возможна, но остается под вопросом. Иконографию, несмотря на имеющиеся

евразийско-американские аналогии, нельзя считать заимствованной. Форма могла диктоваться общими тенденциями, формировавшими срубную изобразительную традицию.

Б) Изображение лыжника на абашевском сосуде из святилища на Шиловском поселении под Воронежем. Имеет предположительные орноморфные черты в трактовке головы, однако из-за схематизма изображения указанный персонаж причисляется к антропоорноморфам условно.

Контекст: Выше изображения лыжника прочерчена пиктограмма. Сосуд с изображением относится к посуде неутилитарного назначения. Очевидно, представлен персонаж, типологически близкий герою североевразийских космогонических мифов — охотнику-лыжнику, преследующему космического лося или оленя. Иконография аналогий не имеет.

В целом, исходя из иконографии, можно выделить два варианта изображений антропозооморфов: достаточно реалистичные изображения (стелы эпохи ранней бронзы, абашевский сосуд) и схематизированные изображения, оформленные посредством сочетания отрезков прямых линий. В этом случае они превращаются в знак изображаемого существа. Все рассмотренные антропозооморфные персонажи в графике эпохи бронзы напрямую связаны с ритуальным контекстом: они изображались на предметах неутилитарного назначения и связаны или с сюжетами, отображающими сакральные ситуации, или со знаками, которые могли маркировать сакраль-

ное пространство. Контекст изображений подчеркивает их причастность к «иному» миру.

Возможная интерпретация изображений и ее социальная подоснова. Все рассмотренные варианты антропозооморфов представляют собой персонажей в целом антропоморфных, но с отдельными зооморфными признаками. Точки зрения о сверхъестественной или человеческой природе антропозооморфных образов в архаическом искусстве не исключают друг друга: в ритуальном контексте маскированные люди и воплощаемые ими мифические существа тождественны. Изменив облик, сакральный деятель — человек — преодолевает границу между своим и «иным» мирами и осуществляет свое основное назначение в любой ритуальной практике, а именно, посреднические функции между человеческим миром и миром сверхъестественного.

Антропозооморфизм восходит к наиболее архаическим пластам мифологии и ритуальной практики. Для культур с развитым шаманским комплексом изображения аналогичных персонажей обычно принято связывать с шаманскими образами. Относительно восточноевропейской степи вопрос о шаманизме окончательного разрешения не получил. На уровне предположения представляется возможным считать «шаманское» (в широком смысле этого термина) мировидение генетической подосновой антропозооморфных образов. При этом, однако, следует признать, что вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

Буйнов Ю. В. (Харьков)

ДРЕВНЕБАЛТСКИЕ ГИДРОНИМЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В результате многолетних исследований В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, А. С. Стрыжака, В. В. Седова и В. Э. Орла, а также автора доклада в Левобережной Лесостепной Украине выделено более 20 древних балтских названий рек и водоемов. К таковым специалисты относят гидронимы Голтва, Лтава, Олава, Смож, Ромен, Локня (всего 8 притоков Псла, Сулы и Сейма), Лопань, Мосея, Ольшанка, Уды (Уда), Яндоля (Ендоля) и Казинка.

Изучение словообразовательных типов гидронимии в интересующем нас регионе позволяет расширить этот перечень. В частности, древнебалтские гидронимические форманты *-ея* и *-ейка* представлены в водных названиях Галейка, Гордейка и Шумейка. В гидрониме Гордейка также содержится и балтский апеллатив «gard». Гидронимы Можалея и Мжа (Мож) роднятся с балтским «maža» («малая»).

Примечательно, что упомянутая выше лесостепная водная номенклатура чрезвычайно близка к гидронимам Верхнего Поднепровья, Подесенья и Посеймья, где издревле обитали различные балтоязычные этносы. Недавние изыскания В. Н. Топорова

и О. Н. Трубачева (1997) завершились выделением не менее 30 балтских элементов в гидронимии Верхнего Подонья (от истоков до реки Воронеж) и Среднего Поочья, что позволяет перенести юго-восточную границу расселения древнебалтских племен от Сейма до пограничья лесостепи и степи.

Закономерно возникает вопрос о времени возникновения этих гидронимов и их культурной атрибуции. В поисках ответа на него необходимо провести сопоставление лингвистических и археологических карт. Общеизвестно, что в бассейнах рек Сула, Ворскла и Северский Донец от неолита до раннего средневековья обитали племена 17 археологических культур. Наиболее полное территориальное совпадение, при наложении упомянутых карт, обнаруживается между древнебалтским гидронимическим ареалом к юго-востоку от Сейма с территорией распространения бондарихинской культуры финального этапа позднего бронзового века. Этот вывод подкрепляется еще и тем, что такое же совпадение наблюдается и за пределами Левобережной Лесостепной Украины — в Лесостеп-

ном Подонье и Среднем Поочье. Следовательно, появляется возможность поставить под сомнение реальность гипотезы о финно-угорской этнической принадлежности носителей бондарихинской культуры, выдвинутой В. А. Ильинской, С. С. Березанской, поддержанной С. И. Воловиком и др.

Противоположная попытка связать воедино ареалы бондарихинской культуры и финно-угорских гидронимов является малоубедительной. Еще П. Д. Либеров утверждал, что к западу от Северского Донца финно-угорская топонимия и гидронимия «в сколь-нибудь выразительной форме не обнаружена». По общему признанию, более аргументированными являются выводы А. С. Стрыжака о принадлежности названия Ворскла и производного от него Ворсклицы к иранской гидронимии. Вызывает удивление дополнительный список якобы финно-угорских речных названий, предложенный С. И. Воловиком. Дело в том, что гидронимы Лопань, Мжа, Ольшанка и Цна лингвисты однозначно относят к древнебалтским названиям. Нет никаких оснований относить к финно-угорским гидронимам р. Кодиму. по всей видимости, он датируется XVI–XVIII вв. и хорошо известен по топонимам в Херсонской и Одесской областях, где обозначает местность вдоль реки. За пределами бондарихинского ареала протекают реки Воргол и Ворожба.

Важно отметить, что скрупулезный анализ топонимов в границах Среднего и Верхнего Подонья, проведенный А. П. Медведевым, позволил ему оставить в этом регионе всего 5–6 финно-угорских названий, да и то совпадающих с ареалом городецкой культуры раннего железного века. С ней же связаны все аналогичные гидронимы в бассейне Средней Оки. Весьма вероятно, что и такие гидронимы, как Балаклея, Нежеголь, Оха и Чепель имеют позднее происхождение, поскольку в них полностью отсутствуют древнейшие финно-угорские топоформанты *-кса* и *-кша*, широко представленные в междуречье Волги и Оки и в мордовских землях. Не просматриваются какие-либо финно-угорские формантные основы у гидронимов Олега и Тетлега. Первый из них вообще появился в XVIII в. (варианты: Олег—Олех), а в середине XVII в. именовался как р. Ольховая. Приведенные нами данные, с учетом интерпретации общеисторической обстановки в Днепро-Донском лесостепном междуречье от эпохи неолита до раннего средневековья, указывают не на финно-угорскую, а на древнебалтскую этническую атрибуцию большинства носителей бондарихинской культуры. Об этом же свидетельствует значительное сходство между синхронными археологическими комплексами бондарихинской и лебедовской культур.

Титова О. М., Кенін Д. В. (Київ)

ВИКОРИСТАННЯ ЕТНОГРАФІЧНИХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ПОБУДОВІ МУЗЕЙНОЇ ЕКСПОЗИЦІЇ З ІСТОРІЇ ПЕРВІСНОГО СУСПІЛЬСТВА

Музейна експозиція як комунікативна система здійснює діалог між відвідувачами, з одного боку, та музейними предметами, науково-допоміжним матеріалом та експозиціонерами — з іншого.

Значні труднощі пов'язані з побудовою музейної експозиції з історії первісного суспільства. Одним з найкращих експозиційних засобів демонстрації культури стародавніх суспільств є створення тематико-експозиційних комплексів, складовою частиною яких повинно стати залучення етнографічних аналогій по традиційним «первісним» (синполітейним, за А. І. Першицем) суспільствам ойкумени.

Під етнографічною моделлю традиційних «первісних» суспільств розуміємо узагальнену характеристику певного соціуму, яка базується на аналізі етнологічних джерел, що відбивають їхній спосіб життя. Поєднання етнографічної моделі та археологічної, створеної на аналізі речових джерел зниклого «первісного» (аполітейного, за А. Першицем) суспільства, яке існувало до виникнення цивілізацій, дозволяє більш вірогідно реконструювати той чи інший «фрагмент» культури зниклого соціуму.

Запропоновані поняття «господарсько-культурний тип» (далі ГКТ) та «історико-культурна спільність» у середині 50-х рр. XX ст. російськими антропологами та етнологами М. Г. Левінін та М. М. Чебоксаровим стали складовою частиною

концепцій російських етнологів 70–80-х рр. XX ст. (Л. О. Файнберг, В. Р. Кабо, В. О. Шнірельман та ін.) при історичній реконструкції синполітейних суспільств ойкумени. Що стосується аполітейних суспільств, то, на нашу думку, етнологи при їх реконструкції залучають археологічні свідчення в самих загальних рисах (вибірково).

М. М. Чебоксаров та І. О. Чебоксарова на матеріалах вивчення синполітейних суспільств та із залученням даних по аполітейним суспільствам, розробили класифікацію ГКТ населення земної кулі, що надає можливість наблизитись до розуміння становлення та розвитку господарських систем у різних суспільствах. Для неосілого населення ойкумени розроблена концепція ГКТ Б. В. Андріановим. Заслугує на увагу також і узагальнююче дослідження Г. Е. Маркова (Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова І. А., 1985; Андріанов Б. В., 1985; Марков Г. Е., 1979.).

Докладніше розроблена методика реконструкції «первісних» суспільств з привласнюючою економікою. За В. Р. Кабо, реконструкція аполітейних суспільств складається з двох етапів: залучення археологічних та етнологічних даних, які відносяться до певних локальних культур як археологічні та етнологічні типи або як локальні історичні типи, що піддаються певній локалізації і датуванню та аналізу подібності соціально-економічних структур ар-

хеологічних та етнологічних типів. Це дає можливість об'єднувати їх у загальний історичний тип.

На сучасному рівні нашого знання про аполітейні та синполітейні суспільства ми можемо реконструювати лише тенденції розвитку тих чи інших соціумів. Навідміну від переважної більшості дослідників (С. П. Толстов, А. Першиц та ін.) В. Кабо вважає за можливе реконструювати соціальну організацію не тільки пізньопалеолітичних та мезолітичних суспільств, але і деякі ранньопалеолітичні суспільства ашело-мустьєрського часу. Аналіз соціально-економічних відносин та ведучих тенденцій при вивченні синполітейних суспільств надає можливість відтворити модель, необхідну для реконструкції способу життя людей палеоліту, мезоліту та раннього доземлеробського неоліту. На думку А. Першица, етнографічні аналоги можливо залучати лише для реконструкції суспільств мезолітичної епохи та раннього неоліту. Критичну позицію стосовно залучення етнографічних паралелей з метою пізнання аполітейних суспільств займає Л. О. Файнберг. Для суспільств фінального палеоліту–мезоліту етнографічні аналоги потрібно залучати дуже обережно. Модель європейських мисливців фінального палеоліту–мезоліту досить спірна.

В. О. Шнірельман на основі етнографічних даних запропонував моделі розвитку кочівництва в різних частинах ойкумени та зробив спробу їхнього співставлення з археологічними даними. Водночас дослідник зазначає, що за археологічними даними вдається виявити рухливі форми скотарства, проте не вдається реконструювати спосіб життя населення, яке ним займалося (Кабо В. Р., 1975, 1986; Першиц А. И., 1979; Файнберг Л. А., 1986; Шнірельман В. А., 1988.).

Отже, аналіз поглядів етнологів стосовно можливостей реконструкції аполітейних суспільств із залученням етнографічних паралелей за синполітейними суспільствами ойкумени дозволяє нам стверджувати, що у повному обсязі реконструювати спосіб життя зниклого соціуму неможливо. Адже, як показують етнологічні свідчення по різних традиційних «первісних» суспільствах, після виникнення цивілізацій не збереглося жодного суспільства, яке можна було б комплексно співставити з відповідним суспільством, відомим за археологічними матеріалами.

Нам видається методично найбільш виправданим музейну експозицію з історії первісного суспільства території України розподіляти на два типи при демонстрації певних тем способу життя населення епох палеоліту–бронзи. У першому типі експозиції відвідувачу необхідно дати уявлення про ту чи іншу епоху історії первісного суспільства. Тут можливе створення тематико-експозиційних комплексів, які характеризують певні епохи. У таких комплексах можна застосовувати етнографічні моделі (реконструкції) по синполітейних суспільствах ойкумени, які донедавна жили в різних природно-географічних зонах.

У другому типі експозиції відвідувачу повинна бути надана можливість на конкретному речовому

матеріалі досліджених пам'яток території України уявити місцеві особливості способу життя зниклих суспільств. Тут необхідно створення тематико-експозиційних комплексів з використанням археологічних моделей, побудованих на досліджених пам'ятках України у поєднанні з етнографічними, які за своєю сукупністю ознак більш вірогідно відповідали локальним проявам культури зниклих суспільств. При цьому зазначимо, що при реконструкції способу життя давніх суспільств території України залучені етнографічні паралелі по традиційних «первісних» суспільствах можуть бути використаними при інтерпретації окремих сторін життя стародавнього населення в межах декількох епох.

Реконструкція способу життя давнього населення України (зокрема, кам'яного віку) більш повно проведена для північної та степової зон території України (див. зокрема: Березанська С. С., Гладилін В. М., Гладких М. І. та ін., 1997; Станко В. Н., Гладких М. І., Сегеда С. П., 1998; Залізняк Л. Л., 1999; Сапожников І. В., 2003.).

Найбільш складним завданням є реконструкція способу життя мисливців на мамутів, адже цей ГКТ зник ще наприкінці пізнього палеоліту разом із об'єктом полювання. Як вважає російський біолог та етнолог І. І. Крупнік, для реконструкції цього ГКТ можливо використовувати етнологічні дані по осілих морських звіробоях — ескімосах Арктики, які добувають китів та моржів по берегах Берингової протоки. Етнографічне моделювання дозволяє реконструювати практику добування та розділки деяких видів тварин, способи консервації та приготування їжі, прийоми матеріально-побутового виробництва, способи будівництва житла (Крупнік І. І., 1989).

Таким чином, музейна експозиція з історії первісного суспільства території України може мати два типи:

1. Екоетнологічний, в основі якого тематико-експозиційні комплекси по синполітейних суспільствах ойкумени.
2. Екоетноархеологічний, збудовані тематико-експозиційні комплекси якого створені на основі археологічних та етнологічних матеріалів.

Важливим при організації таких типів експозицій є використання діорам та макетів.

Отже, побудована музейна експозиція з історії первісного суспільства території України матиме фрагментарний характер, що обумовлено характером джерельної бази та рівнем її інтерпретації.

Підсумовуючи вищевикладене, зазначимо, що моделювання історії культури давнього населення території України музейними засобами потребує створення нових типів музеїв. Повне розкриття певних тем способу життя давнього населення доцільно проводити в Музеї історії первісного суспільства, а також етноархеологічному. Відтворені інтер'єрні тематико-експозиційні комплекси, основою яких повинно стати реконструйоване житло, доцільно експонувати в «археопарках» різних підтипів.

Кенін Д. В. (Київ)

МУЗЕЄФІКАЦІЯ ПАМ'ЯТОК ПЕРВІСНОЇ АРХЕОЛОГІЇ ЯК ТЕХНОЛОГІЧНИЙ ПРОЦЕС

Створення «археопарків» *in situ* передбачає розробку відповідних охоронних зон та методик по збереженню відкритих під час археологічних досліджень об'єктів та комплексів. З другої половини ХХ ст. у країнах Євроазійського континенту, Африки, Австралії та Латинської Америки накопичений певний досвід з методики створення археологічних експозицій *in situ*, що передбачає проведення музеєфікації відкритих пам'яток, зокрема епох палеоліту — бронзи. Саме у цей час набуває свого активнішого розвитку новий науковий напрям у пам'яткоохоронній справі — археологічна скансенологія.

У 80–90-х рр. ХХ ст. професором Є. М. Пашкіним, О. Є. Вязковою та А. А. Никіфоровим у науку введено поняття «геоекологічний моніторинг» стосовно об'єктів культурної спадщини, у тому числі і пам'яток первісної археології. Геоекологічний підхід дозволяє комплексно характеризувати стан культурного шару і його змін, встановлення негативних тенденцій та формалізації інформації. Це дає можливість своєчасно адекватно приймати рішення щодо вироблення комплексу заходів по збереженню об'єктів первісної археології. Під геологічним середовищем розуміють будь-які гірські породи та ґрунти, що складають верхню частину земної кори. Вони розглядаються як багатоаспектні системи і як ті, що знаходяться під впливом інженерно-господарської діяльності людини. Це призводить до змін природних, геологічних і виникнення нових антропогенних процесів, що у свою чергу викликає зміну інженерно-геологічних умов певної території. Це та частина літосфери, у межах якої існує людина, на яку впливає і яка визначає характер її діяльності. За В. Ф. Котловим та Г. Л. Коффом, інженерно-геологічні умови поділяються на компоненти за наступним принципом: структурно-тектонічний, гідрогеологічний, ґрунтовий. Оціночна значущість кожного з цих компонентів залежить від регіонально-геологічних та зонально-кліматичних умов.

Під моніторингом навколишнього середовища (за Р. Менном) розуміємо систему повторюваних спостережень одного і більше елементів навколишнього природного середовища у просторі і часі з певною метою відповідно до заздалегідь підготовленої програми. Повніше розуміння поняття «моніторинг» стосовно геологічного середовища дано професорами Г. К. Бондариком та Л. А. Ярг, які під моніторингом розуміють систему інформаційного забезпечення процесу управління природно-технічною системою (ПТС), що дозволяє оптимізувати її функціонування у заданому (заданих) аспекті (-ах): екологічному, економічному, технічному, моральному. За своїм змістом моніторинг — це система спостережень за режимом функціонування та прогнозу функціонування ПТС. Під ПТС розуміють упорядковану у просторово-часовому відношенні сукупність взаємодіючих компонентів, яка містить

знаряддя, продукти і засоби праці, природні і штучно змінені тіла, а також природні і штучні поля. Літомоніторинг є підсистемою моніторингу середовища мешкання людини, яка включає техносферу. Розрізняють наступні види моніторингу навколишнього середовища: геологічний, географічний, біологічний, соціальний, кожний з яких може мати різновиди (Котлов В. Ф., Кофф Г. Л.).

У середині 90-х рр. ХХ ст. А. Г. Купцовим та О. І. Романовою запропонована концепція виділення «підземної охоронної зони» стосовно пам'яток архітектури. Вважаємо, що ця відповідно зкорегована програма може бути використана і при розробці концепцій охоронних зон пам'яток первісної археології України, зокрема печер, гrotів та поселень з рештками об'єктів з різних порід каменю доби неоліту, енеоліту, бронзи. О. І. Романовою та Л. Г. Борейком розроблений комплексний моніторинг «Рязанський кремль», який також є у комп'ютерних версіях. З відповідними корегуваннями такий моніторинг може бути запроваджений для інженерно-геологічної оцінки стану збереженості пам'яток первісної археології України *in situ* на етапі розробки програм їхньої музеєфікації, під час проведення музеєфікації та в режимі вже створеного «археопарку».

О. Вязковою запропоновано розглядати археологічні пам'ятки як елементи природно-археологічних систем (ПАС), що є складовою частиною ПТС (Вязкова О. Е., 1995).

Виходячи з цього положення, «археопарк» *in situ* може бути визначений як елемент ПАС — історико-культурний музей-заповідник (музей «під відкритим небом» — «скансен»), який створюється на основі нерухомих пам'яток археології, зокрема епох палеоліту–бронзи різного виду та типу.

Таким чином, музеєфікація пам'яток первісної археології — це вироблення відповідної програми (комплексу заходів), кінцевою метою якої є забезпечення збереження відкритих об'єктів та комплексів *in situ* в режимі «археопарку». Ця програма повинна включати: проведення інженерно-геологічної оцінки стану збереженості навколишнього середовища, зокрема геологічного, до проведення археологічних досліджень, інженерно-геологічну оцінку стану збереженості відкритих під час археологічних розкопок пам'яток, які передбачено експонувати *in situ*, розробку відповідно до матеріальної структури відкритих об'єктів (палеонтологічна кістка, порода каменю тощо) консервантів, при необхідності часткову реставрацію та реконструкцію пам'яток та створення експозиції з нерухомих та рухомих пам'яток як просто неба, під навісами, так і у відповідних стаціонарних павільйонах, які повинні бути обладнаними портативними та стаціонарними пристроями, багатоканальними системами контролю та вологісного режиму, а також інженерний благоустрій території «археопарку».

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Вальчак С. Б. (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАКОНЕЧНИКОВ СРЕЛ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА

Комплекс наконечников стрел из кургана Малая Цимбалка представляет собой набор форм, наиболее характерных для предскифских памятников, особенно для степной зоны юга Восточной Европы. Обычно такие наконечники датируются IX–VIII вв. до н. э.

Наибольшее сходство форм ряда бронзовых и костяных наконечников стрел из Малой Цимбалки наблюдается с колчанным набором из п. 5 кургана Высокая Могила, а бронзовых — с находками из впускного погребения мог. Первомайский в Прикубанье. В этих наборах на бронзовых двухлопастных наконечниках присутствуют рельефные пояски на втулке у основания пера, а также имитация спиральной обмотки ребра жесткости выше втулки. Аналогичная имитация обмотки имеется на одном из наконечников новочеркасского типа из погребения 1 кургана 1 у Ольшаны, который считается одним из позднейших предскифских памятников Лесостепной Украины и датируется 1-й половиной VII в. до н. э. Представляется, что сходство в оформлении наконечников стрел не позволяет так далеко разносить по времени комплекс из Ольшаны и погребения из Малой Цимбалки, Высокой Могилы, Первомайского. Стилистически близкими являются и знаки на различных типах костяных четырехгранных наконечников стрел из Малой Цимбалки и Высокой Могилы. Процарапанные фигуры в виде «углов» размещены здесь на одной или двух гранях некоторых изделий.

Некоторые из перечисленных знаков присутствуют на бронзовых наконечниках стрел из п. 3 Большого Гумаровского кургана, маркирующего финал предскифского периода в степях Южного Приуралья (первая половина VII в. до н. э.) и бронзовых новочеркасских наконечниках из Волго-Уральской пустыни. Например, некоторые бронзовые наконечники стрел новочеркасского типа из гумаровского погребения имеют литые пояски на втулках и знаки «углы» («птичья лапа») на ребрах жесткости и на втулке у основания пера. Часть бронзовых двухлопастных наконечников стрел новочеркасского типа, а также близких типу Енджа из Гумарово имеет процарапан-

ные на лопастях знаки в виде параллельных «линий», серии «углов» и т. п. Имеются такие метки и на бронзовых трехлопастных черешковых наконечниках стрел из этого комплекса. Некоторые из этих знаков очень близки меткам на костяных наконечниках стрел из Малой Цимбалки и Высокой Могилы.

Несмотря на различие типов наконечников стрел, можно констатировать наличие традиции нанесения литых (рельефных) и процарапанных меток и сходство таких меток в различных регионах Европы.

Несколько бронзовых наконечников из малоцимбальского колчанного набора интересны наличием преднамеренных надпилов (выемок) на уже готовых изделиях. Эти особенности наконечники стрел приобрели еще в древности, перед включением (или в процессе включения) их в состав погребального инвентаря. Одинаковая патинизация поверхностей бронзовых наконечников и граней надпилов сомнений в этом не оставляет. Подобные выемки имеются на четырех бронзовых наконечниках стрел из Гумарово, относящихся к другим формам, отличающимся от малоцимбальских.

Объяснить наблюдаемое явление функциональной целесообразностью надпилов затруднительно. Заточенная часть наконечника стрелы предназначена для беспрепятственного проникновения в тело противника. Любая зазубрина на ударной головке может привести к застреванию стрелы в kostюме, тем более в доспехе врага.

Еще сложнее понять необходимость «выемок»-надпилов на нерабочих, зашлифованных (нижних) гранях лопастей наконечников стрел из Малой Цимбалки. Обычно приостренность нижней части лопастей или наличие шипов объясняется необходимостью затруднить извлечение наконечника из тела противника. Но это иной случай, ведь на втулке одного наконечника из Малой Цимбалки имеется шип, делающий абсолютно ненужным надпил на нерабочей грани лопасти.

Наряду с другими специфическими особенностями «цимбальских» и «новочеркасских» форм, факты присутствия надпилов и одинаковых меток могут рассматриваться как свидетельство хроноло-

гической близости двух типов колчаных наборов, а также синхронности на некотором временном отрезке «цимбальских» и «новочеркасских» форм.

Впрочем, вполне вероятно и то, что здесь мы видим отражение какого-то редкого, но устойчивого во времени ритуального действия. По крайней

мере, мне известен надпил на заточенной грани бронзового четырехгранного наконечника стрелы VI в. до н. э. из могилы 12 (1910 г.) архаического некрополя Ольвии. Кроме того, литые метки в виде «птичьей лапы» известны и на бронзовых трехлопастных наконечниках стрел «раннескифских» форм.

Тарасова Н. В. (Москва)

ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ — «БАРАНЬИ РОЖКИ» ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА

В предскифских памятниках Северного Причерноморья изредка встречаются золотые (электровые) или обтянутые золотом бронзовые подвески в виде закрученного бараньего рога. Один конец подвесок закруглен, другой завершается дисковидной шляпкой. На ее боковой поверхности имеются один или два неглубоких желобка, а наружная плоскость орнаментирована тремя углубленными линиями, расходящимися от центра к краям шляпки.

Из курганных погребений степной зоны Украины происходят 9 экземпляров подвесок-«бараньих рожек» (Высокая Могила, Львово, Чечелиевка, Дмитрово, Целинное). Подвески лежали у черепа попарно. Исключение представляет найденная в единственном числе подвеска из кургана Высокая могила.

Такая же бронзовая подвеска со следами обтяжки золотом хранится в Краснодарском музее среди группы блях-украшений неизвестного происхождения. Две подобные, но не аналогичные, бронзовые (?) подвески, упомянутые В. А. Фоменко, происходят из могильников Кисловодской котловины. Находки других подобных подвесок в погребальных комплексах Кавказа пока не известны.

Сходная со степными находками бронзовая, обтянутая золотом, подвеска найдена на костях ступни скелета в групповом погребении Старшего Ахмыловского могильника. По всей вероятности, здесь она украшала обувь погребенного, то есть использовалась не по прямому назначению.

Подвески в виде «бараньих рожек» составляют немногочисленный и удивительно однородный морфологический тип среди других форм височных подвесок. По периодизации О. Р. Дубовской, такие подвески появляются на черноморовском и продолжают существовать на позднечерноморовском этапе предскифского периода, при этом отмечается их полное отсутствие как в позднебронзовых, так и раннескифских памятниках юга Восточной Европы. Наиболее информативными комплексами с рассматриваемыми подвесками являются погребения Высокой Могилы, Чечелиевки и Целинного, содержавшие богатый и разнообразный инвентарь.

Бронзовые и костяные наконечники стрел из п. 5 Высокой Могилы находят ближайšie аналогии среди наконечников из п. «А» кургана Малая Цимбалка, в котором были найдены бронзовые стре-

видные удила с ложновитым рельефом стержней, псалии эпонимного типа и золотая цилиндрическая пронизь. Уздечный комплект из этого погребения имеет ранние морфологические признаки и может быть отнесен к классическому (второму) черноморовскому этапу предскифского периода (по периодизации С. Б. Вальчака) — первой четв.—конца VIII в. до н. э. В п. 5 Высокой Могилы найден бронзовый цельнолитой уздечный комплект с псалиями редкой формы и двурядно-прямоугольным рельефом на стержнях удил. Такой рельеф, по мнению С. Б. Вальчака, появляется на стержнях восточноевропейских удил не ранее середины—третьей четв. VIII в. до н. э., т. е. на втором (предклассическом новочеркасском) этапе развития северокавказских древностей предскифского периода. Цельнолитой способ соединения удил и псалиев считается заимствованным в Закавказье. В памятниках Северного Кавказа такие уздечные комплекты появляются на третьем (классическом новочеркасском) этапе, который датируется В. Р. Эрлихом, С. А. Скорым и С. Б. Вальчаком не ранее конца VIII в. до н. э. Удивительно похожи по форме и каменные оселки из Высокой Могилы и Целинного. Изображение пояса и его застежки на каменной стеле из Целинного очень близки изображениям на стеле из кургана в Белогорце — одном из позднейших памятников предскифского периода.

Скорее всего, комплекс из Высокой Могилы близок по времени к памятникам классического новочеркасского этапа, распространенным как на Северном Кавказе, так и в Причерноморье.

Найденная в погребении из Чечелиевки бронзовая ворворка имеет достаточно широкую датировку, которая, тем не менее, по мнению В. И. Козенковой, не выходит за нижнюю границу VIII в. до н. э. Костяные псалии из Чечелиевки совершенно справедливо сравниваются исследователями с цельнолитым уздечным комплектом из Высокой Могилы. Близость столь редкой для предскифского периода формы не случайна. Тезис о том, что бронзовому комплекту могли предшествовать подобные костяные псалии, не должен рассматриваться как единственно верный. Сходные формы, изготовленные из разного материала, могли существовать в предскифский период одновременно, а костяные псалии — подражать бронзовым. Скорее всего, погребения из Высокой Могилы

и Чечелиевки чрезвычайно близки во времени, а подтверждением этому служат также найденные в них аналогичные подвески-«бараньи рожки».

Перекрестное сходство ряда категорий инвентаря во всех упомянутых ненарушенных комплексах позволяет исключить предположение о длительном бытовании встреченных в этих памятниках наконечников стрел, других предметов вооружения и снаряжения воина, конской узды, а вместе с ними и височных подвесок-«бараньих рожек». При от-

четливо наблюдаемой эволюции практически всех типов вооружения, конского снаряжения и украшений, которые известны на юге Восточной Европы в предскифский период, предположение о бытовании этих подвесок без какого-либо изменения их формы в течение IX–первой половины VII в. до н. э. представляется маловероятным. Скорее всего, комплексы с подобными подвесками следует датировать не ранее второй половины VIII–первой четверти VII в. до н. э.

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. (Киев) О КОЛЕСНИЧНОЙ УПРЯЖИ У СКИФОВ

О наличии колесного транспорта у скифов сообщают письменные источники, прежде всего, Геродот, а материально подтверждают находки деталей повозок в погребальных сооружениях. Как правило, это колеса и деревянные части разобранных кузовов. Последние обычно использовались в качестве заслонов для размежевания внутреннего пространства могил либо их герметизации. Иначе обстоит дело с колесничной упряжью. Показателями ее присутствия в погребениях киммерийского периода, (наряду с иными деталями) являются бронзовые кольца (Эрлих, 1994).

В этой связи примечательна находка из п. 4 к. 11 Рогачикского курганного поля скифского времени в Запорожской области (раскопки В. Отрощенко и Ю. Болтрика, 1976 г.). Речь идет о погребении двух лошадей и конюшего (колесничего) при них, достаточно известном благодаря находке золотой ажурной пластины сегментовидной формы украшения конского убора (пластина из Пюновки со сценой охоты всадника на оленя). Части кузова повозки служили и в этом погребении заслоном входа в камеру. Они сохранились в виде отпечатков и фрагментов истлевших раскрашенных досок и большого количества железных обойм, скоб и гвоздей. Оба коня помещены в могилу взнузданными. Уздечка главного коня украшена и дополнена золотыми деталями. Оголовье второго коня составляли детали из железа, кожи и, вероятно, несохранившихся органических материалов.

В контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес находка железного кольца, лежавшего справа от голеностопного сустава правой ноги возницы. Кстати, чуть выше, почти под коленом этой же ноги, находилась железная прямоугольная подпружинная пряжка с неподвижным язычком. Замкнутое кольцо в форме вытянутого овала из круглого в сечении железного прута сохранилось во фрагментах. Размеры его 10,0×4,5 см, диаметр в сечении 1,0 см.

Известно более 20 комплексов типа Новочеркасского клада с находками упряжи колесниц или их деталей (Махортых, 2003, с. 49). К числу предметов-индикаторов упряжи колесниц относятся

кольца с подвижными привесками различных типов или без них, так называемые браслетообразные кольца. Все они бронзовые, круглые в сечении, диаметр их от 6,0 до 9,0 см (Эрлих, 1994, с. 46–47). Иногда пару составляли кольца разного диаметра, как, например, в Пшишском кладе (10,2 и 6,8 см). Находка в кургане Уашхиту в Закубанье четверки коней в упряжке колесницы позволила (по расположению упряжи на костях лошадей) уточнить назначение некоторых деталей. Выяснилось, что кольца с подвижными привесками служили для припряжения коренных лошадей к ярму (либо дышлу); в то же время большими браслетообразными кольцами крепили к повозке постромки пристяжных лошадей (Эрлих, 1994а, с. 140–141). Иногда браслетовидные кольца дополнялись гвоздевидными выступами для крепления ремня (Чишхо, Баксан, Герпегеж). По мнению В. Эрлиха, появление деталей упряжи колесниц в Средней Европе связано с импульсом Новочеркасского времени (не ранее конца VIII в. до н. э.) с территории Предкавказья, а доживают они до VI в. до н. э. (Эрлих, 1997, с. 32). С. Махортых настаивает на более ранней дате (уже в IX в. до н. э.) появления колесниц и колесничной упряжи на юге Восточной Европы (Махортых, 1996, с. 225; 2003, с. 49).

Пара близких рогачицкому овальных браслетообразных колец из бронзы происходит из Мошанецкого клада киммерийского типа с территории Среднего Поднестровья (конец IX–первая половина VIII вв. до н. э.). Размеры колец 12,3×8,1 см, в сечении (круглые) 1,0 см. Происхождение мошанецкого набора объясняется контактами степного черноморовского населения с населением культуры Позднего Чернолесья (Смирнова, Войнаровский, 1994, с. 138, 140, рис. 1, 1–2). На основании всестороннего анализа еще пяти (кроме Мошанецкого клада) подобных находок, Н. Бандрицкий отметил, что, во-первых, на территории современной Украины выделяется две локальные группы распространения этих предметов; во-вторых, количество колец в одном комплексе (не более двух) говорит в пользу

пароконной упряжи; в третьих, они не использовались в упряжи позднее конца IX–первой пол. VIII в. до н. э. (времени сокрытия Мошанецкого клада). Возможно, им на смену пришли круглые кольца с привесками (Бандрівський, 2003).

Все приведенные аналогии относятся к предскифскому периоду. Их характерные особенности: 1) отлиты из бронзы; 2) овальная форма; 3) украшены рельефным орнаментом либо имеют выступ. Размеры их различны.

В степных памятниках скифского времени такие кольца не известны, наша находка пока остается единственной. От ранних образцов рогачикское кольцо отличается прежде всего металлом — железом и, соответственно, техникой производства. Кроме того, оно более узкое. Сохранность не позволяет говорить и об орнаментации.

Обстоятельства находки рогачикского кольца позволяют предположить его принадлежность к двуосной

(4-колесной) повозке с пароконной запряжкой, близкой изображенной на урне из Эдинбурга со сценой погребального шествия (Чердниченко, 1976;). Этнографические параллели отводят подобным кольцам место в системе крепления отходящих от шлеи-нагрудника ремней с поперечными, переброшенными через хребет коня (Глушко, 1993, с. 152–153). В археологических реконструкциях, базирующихся на данных Ригведы и вазовой живописи, кольца помещаются в месте крепления тягловых ремней к повозке (Чердниченко, 1976, рис. 9,1; Бандрівський, 2003, с. 14).

Находка рогачикского кольца позволяет сделать ряд предположений. Традиция использования в колесничной упряжи овальных металлических колец не прерывается в скифское время. Плохая сохранность железа (коррозированность и фрагментарность) привела к утрате этой детали упряжи в погребальных комплексах, где они, скорее всего, теряются среди обломков узды и железных частей повозок.

Шрамко Б. А. (Харьков)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ ТЕХНИКИ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Основным орудием для обработки земли у древних земледельцев Восточной Европы было деревянное рало. Древнейшие целиком деревянные рала с парной упряжкой быков, судя по ряду изображений, применялась в Передней Азии еще в 4 тысячелетии до н. э. В 3 тысячелетии деревянные рала, видимо, стали известны и в Европе.

На территории Восточной Европы подлинное целиком деревянное кривоградильное рало с полозом было найдено в торфянике у с. Полесье (Жабичи) в Черниговской области Украины. Благодаря благоприятным условиям, оно сохранилось почти полностью и дает хорошее представление об основных особенностях этого древнейшего в Европе хорошо датированного орудия для вспашки почвы. Радиоуглеродный анализ позволил установить, что его возраст 3340 ± 80 лет (Шрамко, 1964, 1971). Уже древнейшие деревянные рала были весьма разнообразны. К первой половине 2 тысячелетия относится каменная стела с изображением прямоградильных рал, обнаруженная при раскопках кургана кемиобинской культуры у Бахчи-Эли в Крыму вблизи Симферополя (Щепинский, 1966; Коте, 1953; Шрамко, 1964).

С самого начала возникновения пашенного земледелия древнейшие землепашцы старались усовершенствовать рало — свое основное орудие обработки почвы. Мотыжки всегда играли второстепенную роль. Поиски путей совершенствования рала были весьма разнообразны. В большинстве случаев изменения касались укрепления полоза путем снабжения его железными наральниками разных типов. В конце гальштатской эпохи (гальштат D) в Европе

предпринимаются попытки усовершенствовать рало путем наложения на полоз простых железных полос, у одного конца которых делали небольшие выемки или загибы. Однако эти примитивные наральники не получили распространения. В то же время под влиянием переднеазиатских изделий в 6 в. до н. э. в Европе появляются втульчатые наральники (Орнандини, 1965; Пиотровский, 1959; Беранова, 1980), а в латенскую эпоху втульчатые наральники кельтского типа господствуют в Центральной и Западной Европе. В Юго-Восточной Европе в IV в. появились и затем получили широкое распространение иные наральники черенкового типа (гето-дакийские). Ранний образец такого наральника обнаружен на поселении Маслины в Крыму (Латышева, 1985; Шрамко, 1992). Более поздние экземпляры представлены рядом находок в античных поселениях Северного Причерноморья и на территории расселения фракийцев (Стржелецкий, 1961; Кругликова, 1975; Мартемьянов, 1995).

Самый северный экземпляр черенкового наральника обнаружен недавно в Днепровском Правобережье на Мотронинском городище (Бессонова, Скорый, 2001).

К своеобразному результату привели поиски улучшения рала у лесостепных земледельцев скифской эпохи. Археологические материалы показывают, что земледельцы Восточной Европы не позже VI в. до н. э. нашли новый способ совершенствования рала с полозом. Они стали снабжать деревянное рало железным череслом (резаком) (Шрамко, 1961; Беранова, 1980). Это было очень важное изобретение, которое позволило значительно улучшить

рабочие качества рала. Чересло вносило в конструкцию целиком деревянного рала и совершенно новый элемент, который заметно улучшал рабочие качества рала, облегчая разрыхление особенно на плотных почвах или на задернованных участках. Древние земледельцы придавали череслу такое большое значение, что подчас использовали деревянные рала, у которых, кроме железного чересла, не было других металлических частей. Это подтверждает и этнографический материал (Одрикур-Деламарре, 1955; Братанич, 1960; Краснов, 1987 и др.).

Ранние чересла VI–IV вв. до н. э., применявшиеся в деревянных ралах, были обнаружены в ряде курганов скифской эпохи в лесостепной полосе Восточной Европе от Посулья до Среднего Дона. Такие чересла обнаружены в курганах у с. Аксютинцы (Старшая могила и кург. № 469), Броварки (кург. № 503), Блажки (кург. № 11), Волковцы (кург. № 1), Частые курганы (кург. № 11). Найденные в этих курганах железные чересла отличаются массивными рукоятками, наличием крючка или отверстия в верхней части рукояток, что позволяло поддерживать нужный наклон чересла (Шрамко, 1961).

Недавно при раскопках городища скифской эпохи у хут. Городище в Харьковской обл. в слое V–IV вв. до н. э. было найдено необычное орудие (Окатенко,

2003). Первоначально втульчатый наральный был переделан в черенковый. При этом заметно, что переделку осуществлял не кузнец-профессионал: края втулки были сближены, но не закреплены кузнечной сваркой и впоследствии слегка разошлись. Обращает на себя внимание тот факт, что вновь найденные наконечники относятся к числу деталей для малых рал. Длительное сосуществование малых и больших рал, конечно, не случайно и связано не только с особенностями техники обработки почвы в разных регионах, но и с социальными причинами: выделением мелких землевладельцев, малые поля которых целесообразно было обрабатывать именно малыми ралами. Этот вопрос заслуживает специального исследования.

Можно согласиться с Ю. А. Красновым в том, что сейчас нет убедительных доказательств существования в Европе пахотных орудий с каменными или роговыми наконечниками, но все же нельзя полностью отрицать существование попыток использовать камень для улучшения деревянных рал. Пути усовершенствования рал были очень разнообразными и подчас совершенно неожиданными. Об этом наглядно свидетельствуют исследования Г. Лерх, которая обнаружила остатки подлинного рала или даже плуга с полозом, подошва которого была защищена вставками из мелких камней (Лерх, 1994).

Усанов С. А. (Харьков)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА СРЕДИ ПЛЕМЕН И ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В хозяйстве степных скифов видное место занимала металлургия и металлообработка железа. Развитие этой отрасли давало возможность оснастить вооруженные силы качественным вооружением, развивать различные отрасли хозяйства.

Однако не во всех областях Северного Причерноморья кузнечное ремесло развивалось одинаково. Так, например, в степной Скифии был более низкий уровень развития кузнечного производства, чем у племен лесостепной Скифии и Северного Кавказа.

Более низкий уровень развития кузнечного ремесла в степной Скифии, по сравнению с лесостепью или Кавказом, обусловлен хозяйственно-культурным типом кочевников, которые осуществляли производство кузнечной продукции. Еще одной причиной может быть относительная «молодость» ремесленного производства на Каменском городище. Традиция ремесленного производства на этом городище прослеживается не более трех поколений, что не может обеспечить высокий уровень преемственности занятий ремеслом, сохранение, накопление и развитие навыков мастеров Каменского городища.

Крупный ремесленный центр степной Скифии — Каменское городище, расположенное вблизи поймы реки, заболоченные участки которой имели запас бо-

лотной руды. Но вряд ли они могли обеспечить потребности скифских мастеров. Однако в районе Каменского городища не обнаружено залежей какой-либо руды. Кузнечное ремесло вполне могло основываться на привозном сырье, подобно бронзолитейному производству, с которым оно размещалось в одних и тех же производственных комплексах. Недостаток рудного сырья для развития черной металлургии мог существенно ограничить этот вид производства.

Но не во всех регионах степной Скифии наблюдалась такая ситуация с кузнечным ремеслом. По изученным материалам Северного Кавказа видно, что при изготовлении железных предметов, найденных в скифских погребениях, применялась более сложная технология. Так, например, при изготовлении железных предметов очень часто применялась сталь и метод цементации, даже для таких предметов, как конские удила. Это связано с большим влиянием на кузнечное ремесло скифов Северного Кавказа местных племен. Подтверждением этого служат находки в скифских захоронениях железных предметов со следами термообработки и наклепа. Эта технология типична для кавказских мастеров, но среди материалов степной Скифии не встречается. Скифы могли получать некоторые изделия кузнечной

продукции и от, собственно, кавказских мастеров. Кавказские мастера к этому времени, судя по материалам Тлийского могильника, уже освоили некоторые виды скифского вооружения. Таких, например, как скифский меч-акинак.

Утверждения некоторых авторов о большом влиянии античных мастеров греческих полисов Северного Причерноморья на развитие кузнечного ремесла степных скифов и о более высоком уровне кузнечного производства вызывает сомнение. К сожалению, небольшое количество исследованных предметов из Ольвии и Тира не дают полной картины о технологическом уровне греческих мастеров. Однако плохое качество тех немногих исследованных предметов указывает на невысокий уровень профессионализма мастеров Ольвии и Тира в VI в. до н. э. Большое количество исследованных предметов из греческих поселений на кавказском побережье, таких как Горгиппия и Гюэнес, также указывает на то, что технология изготовления куз-

нечной продукции этих городов в VI–IV вв. до н. э. значительно отставала от технологии мастеров кавказских племен. К тому же след влияния кузнечных традиций кавказских племен (таких как, например, наклеп) довольно часто встречается при исследовании предметов из этих городов. Однако справедливости ради следует отметить, что кузнечная продукция из городских слоев Горгиппии, III в. до н. э. были обнаружены ванны для закалки. Скорее всего, невысокое качество железных предметов из греческих полисов Северного Причерноморья связано с начальным этапом существования этих городов и недостаточно исследованной сырьевой базой. Отсюда видно, что греческие мастера Северного Причерноморья в VI–IV вв. до н. э. вряд ли оказывали существенное влияние на развитие кузнечного ремесла у степных скифов, так как качество железных предметов из этих городов не сильно отличается от качества железных предметов, найденных в степной Скифии.

Бессонова С. С. (Киев)

НАХОДКИ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ С ГРАФФИТИ В СКИФСКИХ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Многочислены 20 случаев подобных находок, большая часть которых приходится на погребения степной зоны Северного Причерноморья. То есть, граффити есть примерно на каждом из 10 чернолаковых сосудов, встреченных в погребениях (воинов, женщин, подростков).

Типы сосудов: килики (на высокой ножке — 1, типа болсал — 2, канфаровидные — 6), канфар (2), скифос (1), чашечки и солонки (8).

Наиболее ранняя находка — краснофигурный килик первой пол. V в. до н. э. с посвящением Врачу и Дельфинию (сакральные прозвища Аполлона) из кург. 400 у с. Журовка на порубежье Степи и Лесостепи. А. А. Бобринский предположил, что подобные священные греческие сосуды попадали в руки варваров в результате ограбления греческих поселений (в данном случае Ольвии). Остальные находки происходят из погребений, датированных от рубежа V–IV вв. до н. э. (Елизаветовский могильник) до начала III в. до н. э. — Рыжановка (сообщение С. А. Скорого) и Акташский могильник. Но в основном это погребения середины–третьей четверти IV в. до н. э. Это также курганы Бердянский (центр. погр., первая пол. IV в. до н. э., сообщение Е. Е. Фиалко) и Мелитопольский (гробн. № 1), курганы у с. Крынка на р. Миус (публикация Н. П. Зарайской), Ольгино и Красный Подол Херсонской обл., Мамай-Гора и Златополь (сообщение Ю. В. Болтрика) Запорожской обл., Калинино и Владимировка в Степном Крыму (публикация В. А. Колотухина), Капуловка, Верхнетарасовка и Чертомлык (5 каме-

ра) Днепропетровской обл. и Бутор в Поднестровье. Наиболее северная находка — Аксютинцы, кург. № 5 (Посулье).

Характер надписей. За исключением граффити из журовского кургана, вырезанного на венчике килика снаружи, и надписи ЕКАТНΣ, нанесенной краской на горле канфара из Акташского кург. № 29 (оба — посвящения греческим божествам), все остальные вырезаны снаружи на донцах сосудов. Иногда это одна буква (6 случаев), изредка две (3), чаще три (5), в одном случае слово из 5 букв (Златополь) и в одном — 2 слова из 3 букв каждое (Аксютинцы).

Надписи по своему характеру и расположению — на донце снаружи — являются, скорее всего, бытовыми (обозначение собственности) либо сакральными — маркировка приношений в святилище (Яйленко, 1982). Это и граффити из одной буквы А, Λ, Μ, и сокращения типа ΔΙ, ΗΡΑ, ΑΠ, ΔΗ, которые могли равно означать имена богов (Зевса или Диониса, Геракла, Аполлона, Деметры) или теофорные имена. Граффити ΑΠ (Мелитополь) дополнено тремя вертикальными черточками (числовое обозначение?), а на некотором расстоянии — тамгообразным знаком, напоминающим якорь. Надписи ΚΑΛ (Капуловка) и ΙΑΜ (Красный Подол) — сокращения греческих личных имен; монограмма ΣΙΔ (δ в лигатуре с σ, Верхнетарасовка) — начало варварского имени (как и граффити из Златополя?). Неясно значение надписи ΤΡΓ (Мамай-Гора), если только последняя буква не означала небрежно прочерченное Ι (тогда это могло быть сокращение имени). Инте-

ресно граффити на чашечке из Аксютинцев: вверху ΣΑΤ (сокращение имени) и ΝΑΥ (возможно, ναυπηγός, ναύκληρος, ναύαρχος или иное слово, имеющее отношение к морю), а внизу — надпись магического характера (?), состоящая из букв (одна перевернута) и тамгообразного знака.

Все находки происходят либо с ближней периферии античных полисов, либо мест, где можно предполагать оживленные торгово-обменные контакты. Однако с влиянием эллинской культуры *обычай помещения в погребение* сосудов с граффити *упомянутых типов* вряд ли был связан. Таких находок нет, например, в Николаевском могильнике на Нижнем Днестре, оставленном эллинизированным населением (всего здесь 23 чернолаковых киликов и чашечек). Не упоминаются, кстати, граффити и на сосудах некрополя Ольвии VI–V, а также V–IV вв. до н. э., где в 145 могилах обнаружено 170 киликов (Козуб, 1975). Очень редки граффити и в погребениях Керченского полуострова (2 экз.). И все же примечательно наличие *теонимов и посвящений греческим божествам* именно в варварских погребениях, расположенных неподалеку от греческих поселений — в Крыму и в Мелитопольском кургане. Надпись ΕΚΑΤΗΣ на канфаре из Акташского могильника нанесена краской при изготовлении сосуда (в таком виде он мог быть куплен любым), но сосуды с прочерченными — индивидуальными — посвящениями богам, вероятно, первоначально находились в греческих святилищах. Наиболее очевидно это для сосуда из Бранного Поля с надписью ΚΛΕΙΤΟΜΑΧΟΥ ΙΕΡΟΝ — «святыня (святилище)

Клейтомаха» (Белецкий, Яковенко, 1969). Кстати, среди граффити Северного Причерноморья есть и надпись-заклятие, призванное сохранить сосуды (в святилище?) от воров (Толстой, 1953).

Поэтому в силе остаются заключения, что сосуды с граффити поступали в скифскую среду по торгово-обменным путям, а также в качестве военных трофеев. То есть, это были вещи, сменившие (может, не один раз) собственников. Особенно это очевидно для сосудов из Журовки, Аксютинцев и Бранного Поля. Менее вероятно, хотя и правомерно, предположение, что в среде скифской эллинизированной знати существовал обычай наносить метки собственности на принадлежавшие им вещи при помощи букв греческого алфавита. Таковыми могли быть надписи в виде 1 буквы на сосудах из погребений знати высшего ранга (Чертомлык, Бердянский курган, Рыжановка). Особого внимания заслуживают тамгообразные граффити (родовые знаки ?) из Мелитопольского и Аксютинецкого курганов. Буквенные обозначения и различные знаки магического характера помещены, например, на дне серебряного кубка из северной могилы Чертомлыка (1984 г.). В одном из курганов у с. Первомаевка во входной яме была прочерчена буква Α (Евдокимов, Фридман). В целом же, учитывая «жреческий» характер некоторых (женских) из упомянутых захоронений, можно предположить, что в скифской среде сосуды с греческими надписями (усиливавшими их магические свойства) особо ценились как предметы погребального инвентаря.

Бабенко Л. І. (Харків)

ХРОНОЛОГІЯ ПОХОВАНЬ ПІСОЧИНСЬКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Курганний могильник, розташований на південній околиці селища Пісочин, що поблизу Харкова, досліджувався експедицією ХІМу під керівництвом В. Г. Бородуліна в 1978–1980 рр., протягом яких було розкопано 35 курганів. На сьогоднішній день могильник залишається однією з найбільш повно досліджених поховальних пам'яток населення сіверськодонецького регіону пізньоскіфського часу. Однією з актуальних задач при аналізі матеріалів могильника є визначення хронологічних рамок як пам'ятки в цілому, так і її окремих комплексів, що дозволить простежити динаміку розвитку могильника та більш точно визначити його місце в системі старожитностей скіфської доби місцевого населення.

Найбільш раннім з поховань могильника є курган № 5, що належить до середини–другої половини V ст. до н. е. Цю дату визначають меч з метеликоподібним перехрестям та антенним навершям, репрезентовані типи наконечників стріл та пронизки-«висячі замочки». Можливо, близьку дату ма-

ють також кургани № 10 (дворучний глечик, золоте намисто) та № 34 (наконечники стріл).

Кінцем V–початком IV ст. до н. е. датується за численним інвентарем комплекс кургану № 2. Насамперед, це бронзовий псалій з головками грифонів (Німфей), золоті бляшки з зображенням оленя (Солоха), зайця та лева (Бердянский курган, Ізобільне, Малий Чортюк), сітчаста прикраса (Солоха). Більш широкі рамки (кінець V–перша половина IV ст. до н. е.) мають кургани № 9 — наконечники стріл, кінське спорядження (Часті кургани, Мастюгіне) та № 25, наконечник списа (Новоселка, Червоний Поділ, Яснозор'є) та золоті бляшки з зображенням грифона, за розмірами та іконографією близькі до бляшок-зайчиків.

У межах першої половини IV ст. до н. е. визначається дата кургану № 14 (світлоглиняна мисочка з канелюрами, близька до кришки лекани з Єлізаветівського могильника), другої чверті цього ж століття — курган № 22 (червонофігурний лекіф, прикрашений зображенням багатопелюсткової

пальметки з трикутниками по боках, золоті бляшки з зображенням оленя солоського типу).

Другою-третьою чвертями IV ст. до н. е. датуються комплекси курганів № 29 та 32. Їх дату визначають золоті бляшки з зображенням грифона, знайдені в обох курганах, що підтверджує хронологічну близькість комплексів (Дар'ївка), а також для кургану № 29 — медальйон з зображенням грифона (певним чином, боспорські статери) та бляшка-пальметка (аналогічна іконографія горити та піхви мечей чортотлицької серії, чортотлицька та пісочинська метопіди), для кургану № 32, золота вісімкоподібна бляшка з зображенням личини та лапи (Дар'ївка, Чортотлик), квітки лотосу (Солоха, Дар'ївка, Огуз тощо).

Серединою-третьою чвертю IV ст. до н. е. датуються одночасні поховання кургану № 18 (чорнолаковий канфар, амфора типу Солоха I). Дату поховання 1 кургану № 8 визначають в межах рубежу третьої—четвертої чверті—кінця IV ст. до н. е. пластини головного убору (Чортотлик, Куль-Оба, Рижанівка, Діїв курган, Денисова Могила), золоті бляшки «монетного типу» (Чортотлик, Верхній Рогачик) та чорнолаковий канфароподібний кілік. Поховання 2 цього ж кургану, виходячи з типів репрезентованих наконечників стріл та дати впускного поховання, слід обмежити другою половиною IV ст. до н. е.

Більш широкі хронологічні рамки (середина—друга половина IV ст. до н. е.) має низка курганів: № 1 (наконечник стріли), № 6 (наконечники стріл, золота гривня), № 7 (наконечники стріл, предмети кінського спорядження, Чортотлик, Краснокутський та Другий Мордвинівський кургани), № 11 (наконечник стріли), № 12 (наконечник стріли), № 20 (наконечники стріл, меч з овальним навершям та розширеною посередині рукояттю), № 28 (наконечники стріл), № 31 (наконечник стріли, намисто).

Останньою третиною IV ст. до н. е. за золотими бляшками, прикрашеними рослинним орнаментом (Олександропіль, Огуз, Шул'гівка), датується комплекс кургану № 33.

Решта курганів могильника супроводжувалася менш виразним поховальним інвентарем, що не доз-

воляє запропонувати більш вузькі хронологічні рамки для окремих комплексів. Дата цих курганів визначається в межах загальної хронології могильника — друга половина V—IV ст. до н. е.

Таким чином, можна констатувати безперервне функціонування могильника на протязі півторасторічного терміну з середини V по кінець IV ст. до н. е. Звертає на увагу кількісна перевага комплексів середини—другої половини IV ст. до н. е., насамперед серед поховань представників місцевої аристократії, що супроводжувалися різноманітним високопрестижним інвентарем (предмети озброєння, прикраси з дорогоцінних металів, імпортний посуд тощо). Синхронність подібного явища динаміці розвитку поховальних пам'яток (насамперед, аристократичної верхівки населення) степового регіону при одночасній неможливості за найбільш характерними ознаками (тип поховальної споруди, орієнтування могили та небіжника) інтерпретувати поховання пісочинського могильника як могили представників «степового етносу» дозволяє зробити висновок про докорінну відмінність історичної ситуації, що склалася у цей час в сіверськодонецькому регіоні, від подій у деяких сусідніх лісостепових регіонах (насамперед, Дніпровське Правобережжя, Посулля). Якщо в останніх в V—IV ст. до н. е. спостерігається різке зменшення кількості поховальних пам'яток (Посулля) чи поселень при одночасному розповсюдженні поховань у катакомбах з набором різноманітних ознак суто скифського поховального обряду (Дніпровське Правобережжя), що цілком справедливо пов'язується, з одного боку, з міграцією з регіону значної частки населення, з іншого — з переходом відповідних територій під контроль степових скифів у результаті підкорення ними місцевих племен, то сіверськодонецьке населення упродовж цього часу зберігало власну незалежність, будуючи свої взаємовідносини зі степовими племенами на зовсім інших засадах. Слід відзначити високу ймовірність військових союзницьких стосунків поміж степовим та сіверськодонецьким населенням у цей час.

Безматерных А. Е. (Воронеж)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ГРЕЧЕСКОЙ АМФОРНОЙ ТАРЫ В КУРГАНАХ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА И ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

Темой доклада является сравнение состава амфор, поступавших в два лесостепных региона — лесостепное Подонье и лесостепное левобережное Поднепровье. В докладе рассматриваются временные рамки поступления амфорного материала, а также типы амфор, характерные для того или иного периода.

Территория среднедонской культуры скифского времени находится на значительном удалении не только от античного мира, но и собственно Скифии. В силу этой особенности торговые связи населения лесостепного Дона с античностью носили спорадический характер. На поступление импорта оказывала влияние как экономическая, так и политиче-

ская обстановка в Северном Причерноморье. В частности — это нашло отражение в единичности находок столовой и парадной керамики, а также греческих ювелирных изделий. В этих условиях античные амфоры — единственный более-менее массовый импортный материал. Из 150 исследованных курганов скифского времени на сегодняшний день извлечено 28 амфор. Основная масса амфоросодержащих курганных могильников Среднего Дона расположена в Правобережье Дона и вдоль двух его притоков — рек Потудань и Тихая Сосна.

В курганах лесостепного Подонья амфорная тара начинает встречаться не ранее конца VI в. до н. э. В это время известна только одна находка фрагмента дна амфоры неизвестного центра производства, которую А. П. Абрамов смог датировать третьей четвертью VI в. до н. э. Впрочем, этим же временем датированы отдельные фрагменты амфорного материала с городищ скифского времени (Титчиха).

В V в. до н. э. единственным типом амфор, поступавшим в лесостепное Подонье, являются сосуды производства Фасоса. Известны три амфоры этого типа. Кроме того, место производства еще одной амфоры не установлено.

IV в. до н. э. является временем наибольшей плотности торговых связей Лесостепного Подонья с античностью. Амфорная тара представлена продукцией таких центров, как Гераклея, Менда, Фасос, Синопа, Пепарет и Колхида. Всего к IV в. до н. э. относится 21 амфора (из 28 известных сосудов). При этом чаще всего встречаются амфоры, произведенные в Геракле Понтийской. Гераклеяская продукция в курганах Лесостепного Дона зафиксирована в шести комплексах. На трех амфорах имелись клейма. Они принадлежат астиномам: Агатон (ΑΓΔΘΩΝΟΣ), Эвридам (ΕΥΡΥΔ[ΑΜΟ]) и Писистрат (ΠΕΙΣΙΣΤ[ΡΑΤΟ]). На клейме с именем Писистрата сохранилось также имя фабриканта — Архестрат (ΑΡΧΕΣΤΡΑΤ).

Начало III века до н. э. — финал греко-варварской торговли с населением Лесостепного Подонья. К началу этого столетия известны две амфоры производства Херсонеса и Коса. Впрочем, если тип херсонесской амфоры определен бесспорно, то принадлежность косской амфоры может быть подвергнута сомнению. Так или иначе, в начале третьего века до н. э. из состава погребального инвентаря в курганных погребениях Лесостепного Подонья полностью исчезает амфорная тара, как, впрочем и прочий античный импорт. Как предполагается, связано это с продвижением на запад савроматских племен и исчезновением среднедонской культуры скифского времени.

Основным торговым посредником для лесостепного Подонья на протяжении IV века до н. э. выступало Елисаветинское городище в устье Дона. И. Б. Брашинский писал, что комплексы керами-

ческой тары с городища по составу полностью идентичны присутствующим в лесостепном Подонье.

Данные по античным амфорам Лесостепного Левобережного Поднепровья взяты из статьи О. В. Бандуровского. Согласно его выводам, в архаический период в Днепровскую Левобережную Лесостепь поступали амфоры из Хиоса, Лесбоса, Клазомен, Милета и других ионийских центров. Амфоры доставлялись в Лесостепь по Днепру и его левым притокам. Посредниками служили такие греческие поселения, как Ольвия, Березань и Ягорлыцкое поселение. В V в. до н. э. происходят значительные изменения в поставках амфор в Днепровскую лесостепь. В силу понятных причин исчезают амфоры из Милета и Клазомен. На первое место выходят амфоры Хиоса, Самоса, Фасоса и «протофасосского» типа. Вторая половина V в. до н. э. характеризуется спадом экономических связей между античными центрами Поднепровьем, включая его Лесостепное Левобережье. В это время не известны подкурганые погребения с амфорами.

В IV в. до н. э. происходит новый подъем в греко-варварских торговых отношениях. На протяжении этого периода в Днепро-Донецкую лесостепь поступали амфоры мендейского, гераклеяского, фасосского, пепаретского, кидского, херсонесского производства и типа Солоха-I. Основными поставщиками вина остаются Ольвия, Боспор и Херсонес. Экономические связи между античными центрами Северного Причерноморья и племенами Лесостепи прервались в начале III ст. до н. э. К рубежу IV–III в. до н. э. относится небольшое количество амфор Родоса, Синопы, Коса и Боспора. Однако они известны только по поселенческому материалу. Таким образом, пик торговых связей Лесостепи с античными центрами приходится на IV ст. до н. э.

Исходя из вышесказанного, можно заметить, что, в отличие от Лесостепного Левобережья Днепра, знавшего два пика торговой активности, объем поставок амфорной тары в Лесостепное Подонье равномерно возрастал с рубежа VI–V вв. до н. э. Основной объем торговли приходится на IV в. до н. э., а затем поступление импорта резко прекращается.

Амфорная тара начинает поступать в Лесостепь Дона почти на столетие позже, чем в Поднепровье — в VI в. до н. э. Самым ранним видом тары являются фасосские амфоры. Сосуды этого центра продолжают встречаться и во второй половине IV в. до н. э. Состав центров-производителей античной тары, чья продукция поступала в Лесостепное Подонье в IV в. до н. э., содержит те же виды амфор, что и Лесостепное Поднепровье. Но список центров короче. Совсем не встречаются амфоры Книда, Солоха-I и Херсонесские амфоры.

Как в Лесостепи Дона, так и в Лесостепи Днепра поступление античной керамики прекращается на рубеже IV–III вв. до н. э.

Гречко Д. С. (Харків)

НОВІ АНТИЧНІ МАТЕРІАЛИ III–II ст. до н. е. З ПОСЕЛЕНЬ ХАРКІВЩИНИ

Нечисельність у Степовому Причорномор'ї як скіфських, так і сарматських поховань, чітко датованих III ст. до н. е., пояснюється недосконалістю скіфо-сарматською хронології, особливо для перехідних епох. Як відомо, вона спирається на датування по античному імпорту. У цьому випадку будь-яка нестабільність у степу обов'язково викликала порушення традиційних торгівельних зв'язків, приплив імпорту на деякий час припиняється, у наслідок чого зникають надійні підвалини для вузьких датвань. Мабуть, саме така ситуація склалась у Північному Причорномор'ї в III ст. до н. е. Тому велике значення має кожна антична знахідка цього часу, яка буде чітким хронологічним індикатором.

Найпізнішою чітко датованою знахідкою знайденої на археологічних пам'ятниках пізньоскіфського часу басейну Сіверського Дінця є ручка херсонеської амфори з клеймом астінома Атанея, що датується першою чвертю III ст. до н. е. і була знайдена серед підйомного матеріалу на поселенні скіфського часу Липовий Гай у Харкові В. В. Колодою, якому ми щиро вдячні за можливість опублікувати цю цікаву знахідку. Уламки двох херсонеських амфор того самого часу були знайдені в тризні кургану № 1 та в похованні № 1 кургану № 3 могильнику біля с. Старий Мерчик. Цікаво, що саме в другій половині IV–першій чверті III ст. до н. е. Херсонес починає активно включатись у торгівлю вином з варварським населенням Північного Причорномор'я. Виділяються два райони, куди був спрямований основний потік херсонеського імпорту — Кам'янське городища на Дніпрі та Єлизаветинське поселення (у цей час вже грецька колонія) на Нижньому Доні, звідки він розповсюджувався по варварським поселенням даних регіонів, на яких і був зорієнтований. Вірогідно, ця клеймлена херсонеська амфора потрапила в лісостепову частину басейну Сіверського Дінця з Єлизаветинського поселення. А найбільш реальний шлях — по річках Дону та Дінцю. А це, можливо, вказує, що найбільша річка регіону, що розглядається, теж використовувалася як торгівельна артерія, альтернативна Муравському шляху, як на це вказували деякі дослідники.

До цього часу життя припиняється на всіх пам'ятниках кінця скіфської епохи. Не скрізь відхід населення був мирний. Сліди ворожого погрому, які відносяться до рубежу IV–III ст. до н. е., зафіксовані на Коломацькому городищі (р. Коломак, басейн р. Ворскла), де були зафіксовані більш 50 залишків останніх захисників городища в позах, у яких їх застала смерть. З цього часу в Північному Причорномор'ї відбувається ламання та швидке зникнення традицій скіфської доби. Вірогідно, що в бурхливих подіях цього часу загинула знать та воїни — основні носії «скіфського культурного комплексу».

У наслідок чого зникло те соціальне середовище та оточення, які живили субкультуру місцевої знаті з її яскраво вираженим «скіфським» виглядом.

Ці події ознаменували початок нового етапу в житті місцевого населення, втягненого в процес формування нових етнічних спільностей Східної Європи.

Життя на поселеннях басейну Сіверського Дінця та Середнього Дону в другій половині III–I ст. до н. е. не фіксується, але це, можливо, пов'язане з відсутністю чітких хронологічних індикаторів.

У зв'язку з цим інтерес викликає знахідка серед підйомного матеріалу VI–V ст. до н. е. на зольнику поселення Горіховий Гай–2 Дергачівського району Харківської області, ольвійської бронзової монети майже ідеальної збереженості, що вказує на те, що вона майже не була в обігу. На монеті зображено Аполлона, ліру та скорочення ΒΑΕΙΡΗ. Крім того, вона має надчекан з клеймом у вигляді безбородої голови в шоломі, подібно до срібних статерів та драхм. Подібні монети карбувались в останні десятиріччя першої половини II ст. до н. е. від імені одного з ольвійських царів та ходили за примусовим курсом у якості кредитних грошів. Знахідки монет цього часу за межами міста одиничні. Поселення Горіховий Гай–2 знаходиться в безпосередній близькості від Муравського шляху, який як сухопутна артерія, яка зв'язувала степ та лісостеп, безсумнівно, функціонував і в цей час. Інших матеріалів цього часу на селищі поки що не виявлено. Отже, монета могла належати тому, хто в середині II ст. до н. е. брав участь у розоренні хори Ольвії, яке добре фіксується археологічно. У цей час відбувається посилення кримських скіфів та, можливо, перехід Ольвії під протекторат Скілура і поява нових сарматських орд роксоланів, які витісняють з цього регіону сірацькі (?) дружини (припиняє своє функціонування Тираспольська курганна група). Отже, можливо, ця монета могла належати або сіракувтікачу з Північно-Західного Причорномор'я, або роксолану — одному з нових господарів степів. Це в будь-якому разі може свідчити, що ця територія була під контролем сарматських племен, якого з них — залежало від ситуації в степу. Але це не дає нам точної відповіді на запитання, чи було в цьому регіоні якимось осіле землеробське населення. Ми можемо лише гіпотетично припустити, що навряд чи безлюдний лісостеп міг привабити номадів.

Отже, нові античні матеріали III–II ст. до н. е. з поселень Харківщини, хоча і нечисленні, мають велике значення для реконструкції подій кінця скіфської початку сарматської діб. На жаль, вони були знайдені поза комплексами, тому висновки мають гіпотетичний характер. Але їх наявність показує перспективність пошуку пам'яток чи культурних шарів III–II ст. до н. е. на території сучасної Харківської області.

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АНТИЧНОГО ИМПОРТА В ЛЕСОСТЕПИ
(по материалам новых исследований Бельского городища)**

Одно из важных мест в изучении контактов греческих колонистов с населением Северного Причерноморья занимает проблема возникновения и развития античного импорта в Лесостепи в начале раннего железного века. Для решения этой проблемы большое значение имеют новые данные, полученные при раскопках поселений и погребений лесостепной Скифии. Так, в последние годы в научный оборот введены интересные материалы с Люботинского, Трахтемировского, Мотронинского, Немировского городищ, городища у хутора Городище, курганов у с. Мерчик, Купьеваха, курганов у с. Бельск и др. (Шрамко Б. А., 1998; Болтрик, Фиалко, 2003; Бессонова, Скорый, 2001; Вахтина, 1996; Окотенко, 2003; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Супруненко, 2002). Важные сведения о времени возникновения и динамике развития античного импорта в Лесостепи удалось получить в результате раскопок 1990–1997 гг. экспедицией под руководством И. Б. Шрамко зольника № 28, расположенного в северо-западной части Западного укрепления Бельского городища. На исследованном участке укрепления автором раскопок стратиграфически выделено несколько хронологических периодов (Шрамко И. Б., 2000, 2004), каждый из которых характеризует определенный этап в развитии торговых связей местного населения с античными центрами.

На вскрытой раскопами площади зольника и околозольничного пространства были обнаружены жилища, хозяйственные ямы, культовое помещение а также многочисленные вещественные остатки раннескифского времени (Шрамко И. Б., 1994; 1995, 1997, 2000; Задников С. А., 2000), среди которых значительное место занимают обломки посуды как местного, так и античного производства. Последняя заслуживает отдельного рассмотрения.

При изучении зольника найдено около 600 обломков античных амфор. К сожалению, только для сотни фрагментов можно установить датировку и определить центр их производства.

Античный материал, найденный в самом зольнике, представлен небольшим количеством фрагментов. Среди них обломки милетских и лесбосских амфор, относящихся к концу 1 и к началу 2 этапа существования зольника (горизонт Б–2 по И. Шрамко). Обломки амфор, аналогичные встреченным в зольнике № 28, обнаружены на античном поселении о. Березань, откуда, вероятно, и попали в Лесостепь. Эти фрагменты по условиям залегания и сопутствующему материалу данных поселений можно датировать концом VII–началом VI вв. до н. э. Обломки амфор из Милета и Лесбоса хорошо фиксируются в слоях 2 этапа существования зольника № 28 (горизонт В по И. Шрамко). Появляется импорт из

Клазомен. Фрагменты амфор из этих трех центров залегали в комплексах 2 этапа и в верхних слоях зольника. Подобные амфоры хорошо известны на таких греческих поселениях, как Березань, Бейкуш и Ягорлык, где они датируются не позже середины VI в до н. э. (Задников С. А., 2003). Этой дате не противоречит и сопровождающий вещественный материал зольника № 28.

К следующему хронологическому периоду (горизонт Г по И. Шрамко) относятся слои и комплексы, обнаруженные за пределами зольника. Предметы местного производства, найденные здесь, датируются второй половиной VI–началом V вв. до н. э. (Шрамко И. Б., 2004). Ассортимент античных амфор в этот период резко расширяется. В нем появляются амфоры из Хиоса, Самоса, Фасоса, имеются т. н. протофасосские амфоры, центром производства которых считают г. Абдеры (хотя, на наш взгляд, глина этих амфор по своим характеристикам близка к Самосу). В это время продолжает встречаться импорт из Лесбоса. Чуть больше десятка фрагментов относятся к неизвестным центрам, что составляет небольшой процент от всех обломков, обнаруженных в раскопах данного периода. Во второй половине VI–начале V вв. до н. э. преобладают обломки амфор из Хиоса и Клазомен. В то же время уже не встречаются амфоры милетского производства. Подобная картина наблюдается и на других поселениях Лесостепи (Мотронинское, Люботинское городища, городище П. Никитовка).

Раскладка материалов зольника № 28 по хронологическим горизонтам (занимаемая ими площадь практически одинакова) показала, что в количественном отношении античная керамика преобладает в слоях второй половины VI–начала V вв. до н. э. Таким образом расцвет торговли с античными центрами, прослеженный по материалам из усадеб зольника № 28, приходится именно на этот хронологический промежуток. Аналогичная ситуация зафиксирована и на Восточном укреплении Бельского городища, Мотронинском, Люботинском городищах, где присутствует античная керамика как VI–V, так и IV вв. до н. э. (Шрамко Б. А., 1987, 1998; Бессонова С. С., Скорый С. А., 2001). Таким образом, исследования ряда поселений Лесостепи, содержащих материалы раннескифского, среднескифского и позднескифского периодов, показывают, что торговый обмен между местным населением и античными центрами Северного Причерноморья возникает с появлением первых колоний в третьей четверти VII вв. до н. э., резко возрастает со второй половины VI в. до н. э. и достигает своего расцвета в V вв. до н. э.

В последнее время ряд исследователей относят пик торговли Лесостепных поселений с античными

городами к IV в. до н. э. (Бандуровский, Буйнов 2000; Бандуровский, 2001; Окатенко, 2003), однако на наш взгляд для таких выводов пока нет достаточных оснований. Имеющиеся в настоящий момент данные по итогам раскопок различных памятников Лесостепной Скифии показывают, что наиболее-го развития торговый обмен (в первую очередь, мас-

совые находки античных тарных и столовых амфор) приходится, вероятно, все же на вторую половину VI и V вв. до н. э., что не противоречит выводам Б. А. Шрамко, основанным на определениях античной керамики из лесостепных поселений, сделанных специалистами-античниками (И. Б. Зеест, И. Б. Брашинский, Н. А. Онайко и др.).

Шрамко И. Б. (Харьков)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЖИЛИЩ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Наиболее распространенными типами жилищ скифского времени условно принято считать землянки, полуземлянки и наземные помещения, разделяя их по степени углубленности в материк. Различия в выборе типов жилищных построек могут быть обусловлены, вероятно, природными условиями, сложившимися местными традициями, а также социальным статусом населения. Однако указать на решающую роль какого-то либо определенного фактора в выборе местным населением данного типа жилья зачастую довольно сложно. Кроме того, в ходе исследований возникают трудности при воссоздании конструктивных деталей сооружения жилищ, а значит их внешнего вида. Это объясняется плохой сохранностью деревянных сооружений в почвах Лесостепи, сложностью их фиксации в полевых условиях, а следовательно, недостаточностью информации в отчетах и публикациях. В связи с этим интересен новый тип жилищ, который удалось зафиксировать при исследовании одного из крупнейших укрепленных поселений Лесостепи скифского времени — Бельского городища. Здесь в 1993 г. в зольнике № 28, в слоях VI в. до н. э. впервые были зафиксированы остатки жилищ, которые отличались от обычных жилых построек, часто встречающихся в лесостепной Скифии, иной организацией внутреннего пространства и особенностями деталей конструкции. Эти наземные жилища сооружались без использования опорных столбов, врытых в землю. Уровень их пола хорошо фиксировался по поду печей. Помещения имели подпол, который использовался, вероятно, для хранения пищевых запасов, иногда в его дне дополнительно выкапывали погребки. Жилое помещение располагалось непосредственно над хозяйственной частью. Интересно, что вблизи таких помещений хозяйственных построек не обнаружено.

Еще одно такое жилище было зафиксировано в этом же зольнике в 1995 г. Устойчивость использования такого принципа сооружения жилищ свидетельствует не о случайном единичном совпадении или строительстве наземного жилища на месте более ранней постройки, а о преднамеренном планировании и продуманности внешнего вида сооружения и его конструктивных деталей, выборе места для сооружения жилища, свободного от построек более

раннего времени. При этом хорошо прослеживается развитие домостроительной традиции в развитии усадебных комплексов зольника № 28. Важно отметить, что в более раннее время местное население сооружало жилища (землянки), также сочетая в одном помещении две части — жилую и хозяйственную, но отделенные друг от друга материковыми выступами. Такие жилища перекрывались общей крышей, опирающейся на вкопанные в материк столбы, имели горизонтально организованное внутреннее пространство и занимали гораздо большую площадь. Сочетание в одной постройке жилой и хозяйственной частей, составлявших единое целое, встречено на Пастырском городище.

Наземные помещения с подполом зафиксированы и на других поселениях лесостепной Скифии, например, на Люботинском городище. Автором раскопок жилище датируется также VI в. до н. э. Вероятно, общие с выделенными нами конструктивные детали имело и помещение V в. до н. э., зафиксированное на поселении у с. Грищенцы. Особый интерес представляет сгоревшее наземное каркасное жилище VI в. до н. э. с подполом, зафиксированное Б. А. Шрамко при раскопках Восточного укрепления Бельского городища в 1994 г. Отсутствие столбовых ям, сохранившиеся куски обуглившихся бревен от перекрытия и пола, а также куски печины, залегавшие выше уровня пола, свидетельствуют о сходстве данного жилища с открытыми нами на Западном укреплении в 1993 г.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем еще одним типом наземных жилищ скифского времени, который поможет проследить развитие домостроительных традиций населения Лесостепи в начале скифской эпохи. Вещественные остатки, обнаруженные в заполнении жилищ зольника № 28, и стратиграфические наблюдения позволяют отнести время сооружения данных построек ко второму этапу формирования жилищно-хозяйственных комплексов данного зольника — второй четверти — середине VI в. до н. э. В третьей четверти — конце столетия эти помещения прекращают свое существование, определяя верхнюю границу формирования данного зольника. На других поселениях Лесостепи наземные жилища такого типа также встречены в слоях VI в. до н. э.

Буйнов Ю. В. (Харьков), Шевченко В. Б. (Филадельфия, США)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У ПЛЕМЕН СЕВЕРОДОНЕЦКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ПЕРИОДА

Памятники скифского периода, расположенные в лесостепной части бассейна Северского Донца, обычно выделяются в особую локальную группу лесостепной скифообразной культуры Восточной Европы. По мнению многих археологов (Граков, 1971; Шрамко, 1975; Моруженко, 1989; Бидзиля, 1990 и др.), они были оставлены меланхленами, упоминаемыми Геродотом как «другое, не скифское племя», но со скифскими обычаями [Геродот, IV, 20, 107]. Наибольший вклад в их изучение внес Б. А. Шрамко (Шрамко, 1962; 1998). Новые исследования авторов доклада полностью подтверждают его основные выводы в отношении культурно-хронологического положения северскодонецких памятников раннего железного века и их этнической атрибуции (Бандуровский, Буйнов, 2001).

Среди вновь добытых материалов особой информативностью выделяются результаты наших раскопок в 2002 г. курганного могильника у с. Черемушное Валковского района Харьковской области, впервые открытого и раскапываемого в 1953–1954 гг. П. Д. Либеровым (Либеров, 1961; 1962). Всего на этом памятнике исследовано 18 курганов, которые датируются VI–IV вв. до н. э. Ранее он состоял из 150 курганных насыпей, но в настоящее время все они полностью сnivelированы распашкой.

С учетом раскопок П. Д. Либерова можно констатировать, что курганы, как правило, воздвигались над одним погребением. Захоронения были индивидуальными и парными. Совершались они в простых грунтовых ямах с деревянным перекрытием, в ямах с заплечиками по всему периметру и деревянных склепах столбовой конструкции. В одном случае зафиксирована катакомба степного типа. Тела умерших в основном были ориентированы головой в южном направлении (77,7 %), что является характерной чертой погребального обряда местных племен раннего железного века. Другие ориентировки (СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ) указывают на присутствие в этом могильнике захоронений лиц иной этнической принадлежности. По всей видимости, Черемушьянский курганный могильник был оставлен жителями самого большого в бассейне Северского Донца городища скифского периода у хутора Городище, расположенного от него в 5 км к северо-востоку на левом берегу р. Одринка.

Для реконструкции погребально-поминальной обрядности у племен северскодонецкой группы памятников особый интерес вызывают материалы, обнаруженные в кургане № 14 (раскопки 2002 г.). Диаметр его насыпи 19 м, высота 0,8 м. Погребальная яма, окруженная материковым выкидом, находилась в центре кургана. В плане она прямоугольная с поперечным деревянным перекрытием. Ее

размеры 3,75×1,72 м. Глубина от уровня погребенной почвы 1,1 м. Ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Рядом с ней расчищены остатки кострища в виде скопления золы и древесных углей размерами 0,7×0,4 м. После ограбления, произведенного еще в древности, от скелета в анатомическом порядке сохранились только кости нижних конечностей и предплечья левой руки. По их положению установлено, что он лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на юг. Справа от остатков скелета обнаружены бронзовые наконечники стрел (2 экз.). У ног стояли бронзовый двуручный котел с несколькими костями мелкого рогатого скота, лепной чернолощенный одноручный кувшин и вток от древка копья. Тип погребального сооружения, ориентировка тела умершего и погребальный инвентарь не оставляют сомнений в датировке этого кургана IV в. до н.э. и его принадлежности к северскодонецкой группе памятников скифского периода.

Очень важно отметить, что ножка котла стояла на помосте из дубовых брусков, сложенных в два слоя. Благодаря бронзовым окислам, отложившимся под ней, на помосте удалось зафиксировать слой листьев, оторванных от стеблей злаковых растений, а над ним остатки ткани (полотна). В свою очередь, на ткани, но только в пределах диаметра ножки котла, обнаружено около 20 ложнококонов (пупариев) синих падальных мух (*Lucilia*) из семейства Calliphoridae. Эта находка пупариев падальной мухи имеет важное значение, т. к. их жизненный цикл и поведение дают возможность восстановить продолжительность совершения погребальных обрядов. По данным, предоставленным нам американскими энтомологами Д. Л. Денминтером (Огайский университет) и Н. Е. Вудлеем (Смитсоновский институт), определяющим фактором в возможности и продолжительности каждой фазы жизненного цикла *Lucilia* является температура. Цикл (от мухи к яйцам, пупариям и опять к мухе) может быть завершен только при температуре выше 10 °С. При 22,5 °С он составляет 14,4 суток, а при 28,8 °С — 12,3 суток. *Lucilia* откладывает яйца только при наличии питательной среды. В данном случае это было содержимое котла — мясо на костях мелкого рогатого скота и бульон из него. Процесс вылупливания личинок занимает от 5 часов до 2 суток. Личинки интенсивно кормятся, очень подвижны и находятся в этой стадии от 5 до 7 суток. Переход в ложнококон (пупарии) занимает до 24 часов. При этом личинки никогда не переходят в пупарии на месте кормления, а отползают в сухое темное место и теряют подвижность. В стадии пупариев насекомое пребывает от 7 до 14 суток, после чего сформированная муха пробивает головой крышечку своего ложнококона, выходит

наружу, и цикл повторяется. В найденных под ножкой котла пупариях мумии мух находились внутри ложнококонов, т. е. цикл не был завершен по причине понижения температуры в могиле ниже 10 °С.

Опираясь на вышеприведенные данные, можно сделать следующие выводы. Захоронение в кургане № 14 было совершено в летнее время, т. к. муха в другое время года не откладывает яйца. Котел со всем своим содержимым от 7 до 14 суток находился в открытом состоянии, иначе муха не смогла бы отложить яйца. Только около одной недели необходимо для жизнедеятельности личинок. Перед возведением перекрытия могилы и последующим возведением насыпи котел был завернут в ткань. В итоге получилась преграда и закрытый объем, что обусловило переход личинок в пупарии прямо на месте кормления (сконцентрировавшись под ножкой котла). Образовавшиеся в этом месте пупарии погибли в результате понижения температуры, вызванного завершением сооружения кургана.

Все отмеченное указывает на довольно длительный процесс совершения погребально-поминальной обрядности у племен северскодонецкой группы памятников скифского периода от момента смерти человека до его захоронения. Не исключено, что именно в это время происходило общение и прощание родственников с покойником (ритуальное оплакивание) и его «кормление». По сведениям Геродота, когда умирают рядовые скифы, «то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощения, причем подносят и покойнику отвесть тех же явств, что и остальным. Простых мужей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению» [Геродот, IV, 73]. Вполне возможно, что по этим сходным поминальным действиям Геродот и его осведомители сделали вывод о существовании у меланхленов скифских обычаев.

Скорый С. (Киев), Хохоровски Я. (Краков)

ОРУЖИЕ ИЗ БОЛЬШОГО РЫЖАНОВСКОГО КУРГАНА

В Центральной могиле Большого Рыжановского кургана (*далее* — ЦМ БРК, Днепровское Лесостепное Правобережье, дата — первая треть III в. до н. э.) рядом с останками скифского вождя и его конного слуги-охранника, наряду с иным инвентарем, располагалось *разнообразное вооружение*. У вельможи — лук, горит с набором стрел (94 экз.), 2 кожаных колчана (85, 87 стрел), копье, 5 дротиков с железными наконечниками, железный меч в деревянных ножнах, у охранника — кожаный колчан со стрелами (66 экз.).

Таким образом, в ЦМ БРК был помещен практически полный набор *наступательного вооружения* для эффективного ведения боя: на дальней дистанции — лук и представительный набор стрел с бронзовыми наконечниками, на средней — метательные дротики, на ближней — копье и меч.

Лук сигмовидной формы. Сохранился плохо, в основном в виде коричневого древесного тлена. Исключение — один из фрагментов, дубовый, овальный в сечении. На верхнем конце и в средней части лука фиксировались дополнительные деревянные пластины, видимо, прикрепленные к основе внахлест, для усиления центральной части и плеч. Лук был положен в «рабочем положении», с натянутой тетивой. Оружие относится к сложным лукам скифо-сарматского времени. По длине (72 см) оно вполне вписывается в крайне малочисленную серию известных сложных луков Евразийской Скифии.

Горит фиксировался пятном тлена коричневого цвета, фрагментами плотной коричневой кожи и деревянных реек. Основа его — рама, на которую была натянута плотная кожа. Судя по тлену и сохранив-

шимся фрагментам, горит имел суженную, слегка округлую нижнюю часть, расширенную, фигурно подрезанную, как бы повторяющую силуэт сигмовидного лука на 3/4 его длины, среднюю, и овальной формы — верхнюю. В верхней части — истлевшая костяная застежка от отделения для стрел. Размеры горита: длина 56, максимальная ширина 24, зауженной фигурной части — 15 см. По типологии Е. В. Черненко (1981), относится к категории простых горитов, бывших на вооружении основной массы скифского воинства. Стрелы располагались в 3 ряда (трехгранные наконечники со скрытой втулкой, отличаются в деталях); кленовые древки имели длину до 10 см. Ширина блока наконечников до 11, толщина — более 3 см, что, вероятно, соответствует параметрам отделения для стрел. На некоторых древках, у наконечников — орнамент в виде черных и красных горизонтальных полосок. На большинстве наконечников нет следов обработки на абразивах. Вместе со стрелами лежали железные нож и шило для затачивания древков и извлечения их обломков из втулок наконечников.

Колчаны сохранились фрагментарно: куски плотной кожи и тлен. Имели вид узких сумок, с прямыми сторонами и горизонтальным дном. Колчан охранника — шириной не менее 9, при толщине до 2,6 см. Стрелы в нем (наконечники — 20 трехлопастных, 46 трехгранных), также как в горите, лежали тремя рядами; вместе с ними железные нож и шило. Древки стрел — длиной до 3 см. Один из колчанов вельможи шириной не менее 7,5 см, другой — до 11,2 см, сохранился в длину на 12–15,5 см. Расположение стрел в обоих колчанах пятирядное. На-

конечники практически однотипные — трехгранные со скрытой втулкой и фигурно подрезанными, опущенными вниз концами граней. На всех — следы обработки на абразивах. Древки (клен, береза, липа) — длиной до 5–8 см. На некоторых из них — упоминавшийся орнамент. На 28 наконечниках стрел (в одном из двух колчанов) есть процарапанные метки в виде двух треугольников, видимо, знаки владельца. В обоих колчанах — железные ножи.

Сохранность древков стрел на определенную длину наводит на мысль, что они *преднамеренно* поломаны перед помещением в могилу. Возможно, это символизировало смерть владельца. Отсутствие на большинстве наконечников стрел из горита следов использования позволяет предположить, что их изготовление могло быть приурочено к *акту погребения*.

Необычно *значительное количество* ранних (конец VI–V вв. до н. э.) наконечников в колчане охранника (12 из 66 экз.). Единичные ранние наконечники известны в поздних колчаных наборах Скифии (их обычно рассматривают в качестве амулетов, апотропеев). Можно допустить, что при жизни охранник не пользовался стрелами с архаическими наконечниками. Они были помещены в его колчан уже после смерти, будучи ритуальными предметами, воплощавшими силу оружия предков.

Копье и дротики имели длину 2,35 м. Наконечник копья — узкой листовидной формы (длина около 59 см). Ясеновое древко диаметром до 2 см. По размерам оружие относится к *длинным* или *штурмовым* скифским копьям (Черненко, 1984). Все на-

конечники дротиков однотипны, с жаловидными двухсторонними окончаниями (длина двух — 57 см, трех — 34–34,5 см). Судя по фрагментах кожи красного цвета (на наконечниках копья и дротиков и под ними), шнурку и железной ворварке, они были помещены в чехол, затягивающийся шнурком с железной ворваркой.

Меч (длина 55 см) относится к немногочисленной серии оружия с прямым однолезвийным клинком, рукоятью, обложенной золотым листом с изображением животных. Идентичность изображений на рукоятях этих мечей позволяет думать, что данное парадное оружие являлось продукцией одной мастерской. Обкладка рукояти потерта вследствие долговременного ношения на поясе. По наблюдению д-ра Э. Носек, реставрировавшей меч в Краковском археологическом музее, его клинок — тонкий и некачественный, что, возможно, свидетельствует о вторичном использовании рукояти.

В заключение о символическом, на наш взгляд, расположении двух предметов вооружения знатного скифа: *луке* с натянутой тетивой, вынутом из горита и лежавшем слева от покойника, будто бы подготовленном к стрельбе, и *мече*, среднюю часть ножен которого сжимала левая рука, словно для того, чтобы правой выхватить клинок. Складывается впечатление, что данные факты отражают готовность к бою. Примечательно: по данным антропологических наблюдений, вождь погиб в результате обширной лицевой травмы. В памяти соплеменников он, по-видимому, должен был остаться непобежденным.

Ворошилов А. Н. (Воронеж)

КОПЬЯ В СИСТЕМЕ ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (VI–начало III вв. до н. э.)

Вооружение населения Среднего Дона VI–начала III в. до н. э. является родственным оружием степняков — скифов и скифоидных племен лесостепи. Такое положение не позволяет изучать среднедонское вооружение в отрыве от оружия других племен скифского мира. Однако, будучи близким вооружению родственных племен, среднедонское оружие скифского типа развивалось самостоятельно в зависимости от местных условий и внешних влияний. Следовательно, оно отличается от оружия других племен, имеет свою историю и может рассматриваться самостоятельно.

На территории Среднего Дона обнаружено 49 экземпляров копий, 46 из них (94 %) находились в подкурганых погребениях. 18 копий (37 %) имеют втулки. Древки копий сохранились в незначительных обломках. Копья найдены в 33 погребениях, что составляет 18 % от всех рассмотренных нами погребальных комплексов. Из всех находок наконечников только 34 (69 %) хорошо сохранились (определяется размер и форма), остальные 15 наконеч-

ников представлены в обломках, не позволяющих их реконструировать.

подавляющее большинство наконечников среднедонских копий имеет перо остролистной формы (68 % из наконечников хорошей сохранности), причем преобладают экземпляры без ребра на перо. Скорее всего, это объясняется наибольшей эффективностью в действии копий, имеющих узкое и длинное острие пера. Это подтверждается и эволюцией наконечников Среднего Дона. Локальной особенностью, отличающей наконечники копий Среднего Дона от наконечников других территорий, является достаточно большая длина втулки.

Вместе с наконечниками в 16 погребениях (48 % от погребений с копьями) были найдены втулки (18 экз.). Втулки представляют собой второстепенную часть копья, предохраняя нижнюю часть древка от расщепления, и, вероятно, использовались для усиления наносимого противнику удара при метании короткого копья или в качестве противовеса (у больших копий). Еще одной локальной особенностью

копий лесостепного Дона являются втоки рюмковидной формы, не характерные для степной Скифии, а также для других скифоидных племен Лесостепи.

Немаловажной частью копья является древко. Древки копий лесостепного Подонья сохранились в незначительных обломках, находившихся во втулках наконечников и втоках. Судя по их форме, древки были круглыми в сечении и постепенно сужались к низу. Е. И. Савченко считает, что это делалось для смещения центра тяжести копья ближе к наконечнику, что выгодно при метании. Определенное значение в бою играли толщина и прочность древка, а эти показатели напрямую зависят от характера древесины, из которой древко изготавливалось. По мнению А. И. Мелюковой, для изготовления древков копий применялись плотные породы дерева, однако на территории Среднего Дона имеется находка копья, древко которого было изготовлено из тополя. Этот факт является свидетельством применения, по крайней мере на Среднем Доне, мягких пород дерева для изготовления древков копий. Так как копья по своему поражающему действию — уколу — однофункциональны, их наконечники значительно менее специализированы по сравнению с клинками других видов оружия. Таким образом, по наконечнику копья крайне трудно судить обо всех специфических особенностях его применения в бою. Значительно важнее для определения этих особенностей копья знание о длине древка. На Среднем Дону подобные сведения получены лишь дважды. Полная длина копий по ним составляла 2,6 и 3,38 м. Этот факт в сочетании с внушительными размерами наконечников позволяет сделать следующие выводы относительно функций среднедонских копий: 1) коническая форма древков, повышающая аэродинамические качества копья, а так же находки достаточно легких наконечников и втоков, подтверждают предположение о применении копий как метательного оружия; 2) внушительные размеры половины наконечников и большая длина древков некоторых копий позволяют нам выделить совсем иной по своему назначению тип этого вида наступательного вооружения Среднего Дона — длинные штурмовые копья. Их существование у скифов доказал еще Е. В. Черненко.

Прокопенко Ю. А. (Ставрополь)

НАЛОБНЫЕ, НАЩЕЧНЫЕ И НАГРУДНЫЕ ПЛАСТИНЫ КОНСКОГО УБОРА ИЗ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА V—начала II вв. до н. э. И ИХ АНАЛОГИ В КОМПЛЕКСАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Характерной особенностью комплексов V—начала II вв. до н. э., включающих детали конского убора, является присутствие бронзовых, золотых или серебряных пластин, использовавшихся в качестве доспехов или украшений упряжи.

Однако конкретная боевая функция копья поддается определению только в совокупности с данными о применении всей системы вооружения. Немаловажным является также то обстоятельство, кем применялся этот вид оружия и какое значение он имел для конкретного войска. Для прояснения этого вопроса были проведены исследования относительно различных типов вооружения и снаряжения, встреченного в погребальных комплексах Среднего Дона вместе с копьями. Выяснилось, что большинство воинов, применявших копья, были всадниками, о чем свидетельствует высокий процент положения в могилу упряжи боевого коня (67 %), а также несколько находок нагаек — непровержимых свидетельств принадлежности погребенного к всадничеству. Этому положению не противоречат и высокие процентные показатели встречаемости других видов наступательного вооружения — стрел (70 %) и дротиков (55 %). Достаточно часто с копьями встречается защитный доспех: чешуйчатый панцирь (27 %) и боевой или портупейный пояс (39 %), изредка присутствуют шлемы, щиты, кнениды (поножи). Все перечисленные категории оружия населения Среднего Дона скифского времени составляют неотъемлемую часть вооружения тяжелооруженных всадников, появление которых ранее относилось к сарматскому времени. Подтверждением существования на Среднем Доне тяжелой конницы являются находки в среднедонских погребениях достаточно значительного количества длинных мечей (21 % погребений с копьями).

Не менее интересным вопросом является тактика, использовавшаяся среднедонскими племенами. Факт существования у населения Среднего Дона длинных штурмовых копий является косвенным доказательством применения этим населением достаточно компактного концентрированного построения конницы. Применение такого строя наиболее эффективно против конного противника. Факт наличия у населения Среднего Дона длинных штурмовых копий свидетельствует о необходимости борьбы не только со щитоносной пехотой, как предполагает А. П. Медведев, но и с конным войском противника. Таким образом, вырисовывается ситуация противостояния среднедонского населения с соседними племенами, имевшими различную военную систему.

(лоб или среднюю часть). Они характерны для комплексов V–IV в. до н. э. Изделия небольшие по размерам, располагались по оси морды лошади — между глазами. Поэтому форма декоративных пластин, как правило, напоминает ромбовидно-усеченные очертания ее лобно-носовой части. Они выполнены из тонкого золотого или бронзового листа, украшенного штампованным, чеканным или нарезным орнаментом (изображения змееногой богини, зверей и др.).

Декоративные налобники являются нередкой находкой в погребениях V–IV вв. до н. э. Прикубанья. Например, ромбовидные налобники из Семибратних курганов № 2 и № 6. Близкий по форме налобник происходит из кургана у ст. Кужорской. Выполненный в виде двух геральдических, стоящих друг перед другом животных, с широко раскрытыми пастьями, он имеет вогнутые края, также обтекающие глазницы (Шедевры..., 1987).

Небольшие размеры декоративных налобников позволяли разнообразить их формы: в виде полукруга (Тенгинский мог.), усеченного треугольника (Семибратний кург. № 4), в виде вытянутого овала (Кужорская) или прямоугольника (Уляп, кург. 2; мог. у ст. Вознесенской) (Беглова Е. А., 2002; Шедевры..., 1987; Гущина И. И., 1970). Налобник прямоугольной формы из кургана Солоха выполнен в виде двух симметрично расположенных рыб (Манцевич А. П., 1987, с. 40).

Целая серия золотых декоративных ромбовидных налобников выявлена в ряде курганов скифской знати V–III вв. до н. э. на территории Украины (Журовка, кург. 401; Волковцы, кург. 1 и др.) (Ильинская В. А., 1968; Безсонова С. С., 1977; Мозолевский Б. М., 1979).

Однако в памятниках Центрального Предкавказья такие налобники не известны. В данном районе получили распространение крупные пластинчатые налобники. Значительные размеры защитных пластин позволяли закрыть всю переднюю часть морды коня от лба до ноздрей (36–44 см в длину). При этом в форме пластин учитывались: лобное расширение, выступы глазниц и носовая зауженная часть (до ноздрей).

Все известные пластинчатые налобники относятся к отделу I — выполненные из бронзы. По особенностям изготовления все налобники разделены на два раздела — однопластинчатые и составные.

Раздел I — однопластинчатые. Все выявленные экземпляры либо литые, либо выполнены техникой проката. Подраздел I — налобники литые. По особенностям конфигурации пластин выделяются два типа.

Тип I — ромбические налобники (V в. до н. э.) (Ассиновские курганы — Притеречье).

Тип II — пластины сложной конфигурации — прямоугольник, соединенный с вытянутой трапецией (Завадская Могила 1 — Приднестровье).

Подраздел II — налобники, вырезанные из листа бронзы, полученного техникой проката. Заглажен-

ность верхней поверхности пластин свидетельствует о том, что бронза, из которой они изготовлены, была подвергнута уплотнению тяжелым цилиндрическим катком, т. е. была прокатана. В дальнейшем пластины дорабатывались чеканкой и украшались врезными концентрическими окружностями. Зафиксированы два типа пластин.

I тип — пластины сложной конфигурации — трапеция, соединенная с окружностью: верхняя часть предмета оформлена в виде окружности, нижняя веерообразно расширяется. Боковые стороны вогнуты. В верхнем конце пластина украшена врезными концентрическими окружностями с рельефным умбоновидным выступом в центральной части. Нижний край трапециевидной пластины округлый или прямой. Длина пластин — 34,5–35 см. Наибольшее распространение такие налобники получили в IV–начале II вв. до н. э. Такие изделия отмечены в памятниках Центрального Предкавказья (мог. № 2 Татарского городища — южные окрестности г. Ставрополя — 3 экз., южная поля каменной насыпи; погр. 1; п. Холоднородниковский — окрестности г. Черкесска, насыпь кург. 8 — 2 экз. — верхние части). Аналогичные пластины выявлены в памятниках Прикубанья (Пластуновская, кург. 2, насыпь; Ново-Николаевский I мог.; мог. у ст. Царской — раскопки Д. Г. Шульца и др.), а также в комплексах Приднестровья (кург. у г. Никополь);

II тип — пластины сложной конфигурации — две трапеции, соединенные вместе зауженными частями. В отличие от типа I веерообразно расширены и верхняя часть, и нижняя. Боковые стороны вогнуты посредством симметрично расположенных сегментовидных вырезов (такая форма, видимо, диктовалась необходимостью сохранения полного обзора для глаз лошади). Нижний и верхний края трапециевидной пластины округлые. На обратной стороне пластины размещена скоба для ремня. На верхнем крае находится приклепанная петля. (Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1999). Длина пластин — 28–35 см. Наибольшее распространение такие налобники получили также в IV–начале II вв. до н. э. (п. Холоднородниковский, кург. 8 — верхняя часть; Ханкальский мог. погр. 45).

Аналогичные налобники зафиксированы и в памятниках Прикубанья (мог. у ст. Царской — раскопки Д. Г. Шульца).

Раздел II — составные налобники. Подраздел I — литые.

Тип I — составные налобники из двух отдельно выполненных пластин — круглой — верхней части и трапециевидной — нижней (подражание пластинам раздела I, подраздела I, типа I). Верхняя пластина, орнаментированная врезными концентрическими окружностями, соединялась с нижней посредством пяти отверстий в зауженной части трапеции. В месте соединения двух деталей размещены выступы подтреугольной формы. Нижняя часть

трапеции — прямая (Вольно-Аульские кург.) (Виноградов В. Б., 1971).

Кроме парных бронзовых, серебряных или золотых блях, выполненных в зверином стиле, в качестве нащечников использовали бронзовые пластины. Они в меньшей степени являлись средством защиты головы коня, в большей степени имели орнаментальное значение. Отличительной особенностью нащечных пластин являются отверстия по краям (как правило, в верхней части изделия), посредством которых предметы крепились к кожаной основе. Все известные пластинчатые нащечники относятся к отделу I — выполненных из бронзы. По конфигурации пластины относятся к трем типам: подтрапециевидной, S-видной и овальной формы.

Тип I — в форме вытянутой неправильной трапеции. Как правило, они орнаментированы концентрическими окружностями или сюжетными изображениями. Длина блях — 28–30 см. Предметы зафиксированы в комплексах конца IV—начала II в. до н. э. (мог. № 2 Татарского городища, южная пола кургана склепа № 1 — 2 экз.; Никополь — 2 экз.; Бобучь — 2 экз.; склеп на левом берегу р. Подкумок — севернее лесхоза г. Кисловодска; конская могила первого склепа Васюриной горы на Тамани) (Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., 1997; Шукин М. Б., 1994; Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А., 2000; Ростовцев М. И., 1914).

Тип II — пластинчатые нащечники S-видной формы. В настоящее время зафиксирована только одна находка в Прикубанье в числе материалов IV—III вв. до н. э. (мог. Старокорсунского городища № 2) (Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1992). Изделие представляет собой пластину в форме латинской буквы S. Боковые вырезы расположены таким образом, что выступы крайних — овальных частей пластины (полученных в результате этих вырезов) направлены в противоположные стороны. Центры данных овальных частей украшены умбоновидными выступами овальной формы. В местах перехода

крайних закругленных частей в центральную часть пластины расположены небольшие выступы подтреугольной формы. Судя по рисунку авторов, нащечник имел явно декоративное предназначение, поскольку длина его не превышала 11 см.

Тип III — пластины овальной формы. Такая фрагментированная пластина длиной около 18 см происходит из Ассиновских курганов (Дударев С. Л., 1991). Однако следует отметить, что предположение о предназначении данной пластины в качестве нащечника спорно. Судя по тому, что отверстия для крепления расположены вдоль всего края пластины, она могла использоваться и в качестве украшения центральной части щита.

Следует отметить, что первоначально отмеченные нащечные трапециевидные пластины исследователями трактовались как части конского нагрудника (Павлуцкий Г., 1903; Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н., 1907). Эта точка зрения была оспорена В. Ю. Мурзиным и Е. В. Черненко (1980). Мною было высказано предположение о возможном использовании подобных трапециевидных пластин (кроме варианта нащечников) в качестве конского нагрудника (Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., 1997). В дальнейшем это предположение нашло свое подтверждение в материалах грунтовых могильников Прикубанья. В частности, в погребении 140 Тенгинского могильника была выявлена подобная трапециевидная пластина, использование которой в качестве конского нагрудника не вызывает сомнений. Форма изделия фактически повторяет конфигурацию нащечных пластин, но ее более крупные размеры (длина — 40 см — на 10 см превышает размеры нащечников) свидетельствуют об его ином предназначении.

Таким образом, результаты сравнительного анализа всех известных экземпляров позволяют нам выделить два типа пластинчатых нагрудных пластин: вытянутой трапециевидной (Тенгинский мог., погр. 140) и прямоугольной формы (конская гробница первого склепа Васюриной горы на Тамани).

Краснова Т. Н. (Харьков)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЕВОЙ КОНСЕРВАЦИИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КЕРАМИКИ

Археологические памятники как часть богатейшего культурного наследия являются особым видом исторических источников, однако в связи с тем, что полевые исследования неизбежно приводят к полной или частичной утрате культурного слоя, то наряду с методически правильным проведением раскопок важнейшими задачами является исключительно бережное извлечение обнаруженных предметов из земли, их первичная обработка в полевых условиях. В неповрежденном культурном слое, окружающем археологические предметы, они находятся, как правило, в достаточно стабильных климатических условиях и их разрушение происходит с относительно малой скоростью.

Резкое изменение внешних условий при извлечении предметов из земли приводит к нарушению привычного термодинамического равновесия в системе «предмет — окружающая среда» и не менее резко к увеличению деструктивных процессов в материалах памятника. Чтобы остановить эти процессы и сохранить найденные предметы, их необходимо своевременно и правильно обработать в полевых условиях, что позволит временно стабилизировать их состояние и придать им определенную химическую устойчивость и механическую прочность.

Полевая консервация — это комплекс временных мер по оказанию первой помощи археологическим

находкам сразу же после обнаружения, включающих их расчистку, укрепление и стабилизацию материала в необходимом объеме, изъятие из земли, упаковку и подготовку к транспортировке в стационарную лабораторию. Полевая консервация не должна подменять реставрацию, которая ставит задачи иного уровня и должна проводиться в условиях хорошо оснащенной лаборатории и выполняться высококвалифицированными специалистами.

Задачами полевой консервации является выявление материалов, технологий и времени создания памятников, изучение причин, видов и характера их разрушений во время нахождения в культурном слое, и после извлечения — разработка научно обоснованной методики консервации. Методологический подход к решению вопросов полевой консервации выработывался десятилетиями, но предлагаемые способы обработки и материалы для консервации археологических объектов до сих пор не могут удовлетворить в полной мере специалистов по полевой консервации.

Несмотря на это, практическая деятельность по спасению открытых памятников продолжается и даже имеющиеся (разработанные) материалы и технологии при правильном и своевременном их использовании могут продлить жизнь памятников. Невозможно дать окончательные рекомендации для обработки каждого предмета, так как сохранность керамики, ее технические параметры, условия залегания и пр. весьма различны. Надо помнить, что важнейшим принципом реставрации вообще и полевой консервации является *«не навреди»*, поэтому выбор методов полевой консервации археологических находок в каждом конкретном случае зависит от многих моментов: состава материала, из которого изготовлен предмет, совершенства технологии его обработки, условий залегания и новых условий его пребывания. Если есть сомнения в выборе метода обработки, то лучше ничего не предпринимать, а стараться сохранять предмет в условиях, близких к тем, при которых он находился в почве, а если нет уверенности в возможности извлечь его из земли без повреждений, нужно засыпать находку и вызвать специалиста-реставратора с необходимыми материалами. Для выбора правильного метода обработки археологических предметов из керамики важна оценка их состояния, которое может быть весьма различно: от крепкого

плотного черепка до полностью раскисшего и рассыпающегося при попытке изъятия из земли. Керамика как капиллярно-пористое тело обладает способностью впитывать влагу из почвы. Это свойство характеризуется некоторыми показателями, отражающими состояние материала при изменении его влажности. Консервация таких объектов тесно связана с процессами взаимодействия ее структурных компонентов с водой. Для успешного решения вопросов сохранения формы и объема предмета необходимо выявить изменения физико-механических свойств керамики, связанные с изменением ее влажности, понять динамику процесса, учитывая при этом степень деградации мокрой археологической керамики. Поэтому консервация археологического материала часто выдвигает проблемы, для которых необходима разработка новых технических приемов.

Вместе с тем, опыт, накопленный в полевой консервации, позволяет выявить ряд общих закономерностей обработки предметов в полевых условиях, как начальной стадии реставрации. Методологические требования к проведению полевой консервации обусловлены задачей обеспечения долговременной сохранности историко-культурного наследия. В процессе обработки объект должен сохранять историко-документальную и культурно-художественную специфику без всяких как произвольных, так и непроизвольных ее искажений. Процесс последующей лабораторной реставрации не сможет вернуть объекту эту специфику, если она почему-либо была утрачена. Поэтому основными требованиями к проведению полевых консервационных работ являются:

- неременное их планирование и осуществление с наименьшим ущербом для культурного слоя, из которого извлекаются находки;
- недопущение самовольных действий с целью скорейшего получения информации о ней (например, удаление известковых корок с керамики, обработку ее кислотой, склейку и т. д.);
- применение только тех материалов и операций, которые не станут препятствием для последующей реставрационной обработки предмета и его полноценного изучения.

Согласованные действия археолога и реставратора должны быть нацелены, прежде всего, на максимальное сохранение аутентичных свойств предметов.

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Селиванова Л. Л. (Москва)

«ЗЛАТОТРОННАЯ ГЕРА». ФОРМИРОВАНИЕ ОЛИМПИЙСКОГО ПАНТЕОНА

Доклад посвящен проблеме формирования олимпийской религии на примере главной пары олимпийского пантеона — Зевса и Геры. Изучение религии и мифологии древних греков сопряжено с целым рядом трудностей, главная из которых заключается в состоянии источниковой базы. Ведь кроме случайных упоминаний некоторых божеств в микенских табличках II тыс. до н. э., греческая мифология известна по письменным источникам не ранее VIII–VII вв. до н. э. К тому же гомеровские поэмы известны в редакции VI в. до н. э., когда по приказу афинского тирана Писистрата они были записаны и создан единый канон. А всякая запись мифа, являющегося, при наличии огромного числа определений, прежде всего устным словом, уже есть искажение через всевозможные интерпретации и догматизацию. Из истории религиозных верований Греции оказывается выпавшим также период так называемых «Темных веков» — XI–середины VIII вв. до н. э. За это время греческое общество проделало длительную эволюцию, и мифологическое мышление греков успело коренным образом измениться. Можно лишь априорно говорить об имеющей место преемственности, исходя из того, что религия является наиболее консервативным элементом общественного сознания. Подобное состояние дел с источниками и является той основой, на которой зиждется гиперкритицизм и скепсис некоторых ученых, с недоверием относящихся к традиции (мифам, легендам, эпосу). Они считают полностью достоверным лишь период, зафиксированный письменными источниками, то есть после 700 г. до н. э., а все предшествующие периоды «легендарными», «мифическими», несмотря на данные археологии, свидетельствующие о преемственности религиозных представлений греков на протяжении веков. Древнейший пласт религиозных представлений приходится восстанавливать из довольно поздних письменных источников, дополняя их данными археологии и других вспомогательных дисциплин.

Хотя греческий язык является индоевропейским, греческая религия на удивление неиндоевропейская. И олимпийский пантеон, за исключением Зевса,

Аида и Посейдона, и рассказы о богах также в значительной степени не являются индоевропейскими. «Верховенство Зевса», — заметил М. Г. Джеймсон, — есть отправная точка для мифологии. Но само по себе это индоевропейское наследие не кажется сколько-нибудь продуктивным в области мифологии».

Сформировавшийся к периоду классики олимпийский пантеон из 12 небожителей четко и ясно организован по семейному признаку: Зевс, «отец богов и людей», глава семьи, Гера, его сестра-жена, их дети и сиблинги. Греческая религия вообще по большей части мужская, описывающая мир с мужской точки зрения. Хотя культ Геры в Греции свидетельствует о глубоком уважении к богине, статус ее у Гомера нарочито снижен. В классической мифологии образ царицы Олимпа всегда рисуется однозначно гротескно и даже комично. У нее тяжелый характер — непредсказуемый, вспыльчивый, ревнивый, мстительный, она всегда недовольна мужем, с которым постоянно пререкается, действуя ему наперекор. Их отношения больше напоминают военные действия, чем супружескую любовь. Не покоряясь даже сильнейшему из богов, Гера остается равноправным партнером. И хотя ее авторитет зиждется у Гомера на словах: «Ты почиваешь в объятиях бога всемогущего Зевса» (II. XIV. 213), шаблонный эпитет самого Зевса — «громкогремящий супруг Геры». Несмотря на свои прежние браки с богинями, только Гера «златотронная сестра и супруга» со скипетром в руке. Эти черты Геры являются рудиментом предшествующей эпохи, когда во главе пантеона находилась богиня-мать. Она — древнейшая богиня, старшая дочь Крона. Зевсу, как пришельцу, пришлось с большим трудом пробиваться на Олимп, покоряя древних богов с их владычицей. Захватив власть, он взял в жены царицу побежденных, и сфера богини была реформирована в угоду победившему патриархату, в результате чего, в частности, бог приобрел женские черты и функции. В древнейших мифах образ Зевса далек от привычного представления о Царе богов, грозном Нефелегерете (Тучегонителе), владыке Олимпа. Он слаб, зависим, управляем, беспомощен, зачастую смешон, а в роли

матери всего лишь вынашивает и рождает дитя, зачатое богиней. Между тем покоренная, но непокорная царица проявляет большую самостоятельность. Ее партеногенное материнство — символ самодовлеющего женского начала. Военные и космические функции Геры — свидетельство ее былой славы и величия.

Будучи силой взята замуж, Гера по существу никогда не была реальной женой Зевса. Она была двойником Зевса, его отражением, а сам Зевс носил ее имя (Зевс Герайос). В мифах древней Греции Гера предстает великой доэллинической богиней, культ которой аркадцы считали самым древним и относили его ко времени появления из земли их предка Пе-

ласга. Вынужденное замужество Геры отразило захват минойской Греции и свержение Геры как верховного божества. За всеми бытовыми картинками в мифах прослеживаются реальные исторические события: поставив во главе своего бога Зевса, греки-ахейцы (дорийцы закрепляют это положение) в качестве законной супруги придают ему родную сестру, что предопределило прохладные отношения супругов и время от времени прорывающуюся агрессивность Геры. С другой стороны, то, что в супруги верховному богу северные пришельцы «отдали» его старшую сестру, «богиню старейшую, отрасль великого Крона», лучше всего доказывает преемственность божественной власти.

Филиппов А. М. (Харьков)

О РОЛИ НАЁМНИЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СПАРТЫ конца V в. до н. э.

Участие наёмников (*μισθοφόροι ξένοι*) под предводительством греческих командиров в походе Кира Младшего и их «восхождение» в Элладу вряд ли можно рассматривать как крупное историческое событие. Однако в контексте политической и социальной истории классической Греции этот факт заслуживает особого внимания.

На рубеже V–IV вв. до н. э. феномен наёмничества, известный древнему миру и ранее, находит наиболее яркое выражение именно в греческом континенте. Пауперизация и маргинализация полисного населения, вызванные Пелопоннесской войной, стимулировали стремительное развитие наёмничества. Военная служба за плату (*μισθοφορία*) становится основным источником существования, образом жизни множества разных людей. В «Анабасисе» Ксенофонт приводит ряд примеров, на основе которых можно определить социально-психологические типы «солдат удачи» (бедняки, изгнанники, преступники, бывшие рабы, различные авантюристы и т. д.). Отличительной чертой наёмничества как метаполисной страты являлись высокая степень гражданской отчужденности, социальная автономия и высокая психологическая динамичность. Пассионарные порывы *μισθοφόροι* представляли серьезную угрозу социально-политической стабильности в государствах: в Греции всегда был спрос на услуги наемников. Иногда «солдаты удачи» забывали про обязательства перед нанимателями, и тогда они становились стихийной, но достаточно самостоятельной силой. В Элладе не было и, очевидно, не могло быть авторитета, способного полностью контролировать эту пассионарную массу. Поэтому в конце V в. до н. э. спартанцы, установившие свою гегемонию в Элладе, столкнулись с актуальнейшей проблемой: как в отсутствие тотального контроля над наемниками обезопасить социально-политическую ситуацию в полисах.

Можно было привлекать «солдат удачи» на службу, но в то время Спарта не нуждалась в большом постоянном войске, содержание которого дорого обходилось и не имело смысла: после Пелопоннесской войны лакедемоняне не вели масштабных военных действий. Полностью отказаться от услуг наемников они также не могли: такими солдатами можно было комплектовать спартанские гарнизоны, а на случай большой войны *μισθοφόροι* представляли дополнительный военный ресурс. Решение проблемы подсказывала давняя практика найма на службу за пределами Греции, которая в годы Пелопоннесской войны, вероятно, осуществлялась слабо. Исход огромной массы наемников из Эгеиды за короткий период вряд ли был возможен без координации из единого центра. Таким центром представляется Спарта.

Лакедемон из всех греческих государств был наиболее заинтересованным в удалении большого количества наемников из зоны собственной гегемонии. Так, в 401 г. до н. э. около 13 тыс. «солдат удачи» присоединились к армии Кира Младшего. В чем заключались другие интересы лакедемонян? Во-первых, смута в Персии, хотя и временно, предоставляла свободу действий спартанцам в малоазийских полисах. Во-вторых, после вполне прогнозируемой победы Кира в борьбе за ахеменидский престол Спарта, учитывая прошлые отношения с ним, могла рассчитывать на лояльность персидского царя. Усиленные наемными контингентами (*μισθοφορικόν*) анатолийское войско имело неплохие шансы на успех в столкновении с армией Артаксеркса II. В его составе насчитывалось около 13 тыс. *μισθοφόροι* и от 70 до 100 тыс. варваров (Diod., XIV, 19; 21; Xenoph. Anab., I, 7, 10).

Источники скупко сообщают о причастности спартанцев к сбору *μισθοφορικόν* и походу Кира Младшего, на основании чего нельзя утверждать о безразличии Спарты к проблеме наёмничества

или персидским делам. В этих делах Спарта соблюдала особую осторожность: результат борьбы на Востоке не был ясен, а сохранить свои позиции в малоазийских полисах необходимо было при любом исходе. Поэтому косвенным подтверждением такой причастности является характер этнополитического представительства наёмников в армии Кира.

В «Анабасисе» Ксенофонт называет имена командиров и рядовых солдат, указывает на их этнополитическую принадлежность и количество по родам войск. На основе анализа устанавливаются 4 категории наемников, первые три из которых эллинические: *солдаты-пелопоннесцы* (большинство аркадцы и ахейцы), *солдаты из материковой Греции и Эгеиды, солдаты с греческой «периферии»* (Крит, Сицилия, Италия и т. д.), *солдаты-варвары* (фракийцы, энианы и др., некоторые из них, вероятно, бывшие рабы). Первая и вторая категории по численности самые крупные. Обращает внимание то, что *μισθοφόροι* из Пелопоннеса, материковой Греции, Эгеиды и отчасти солдаты-варвары (например, фракийцы) — это выходцы из «проблемных» областей спартанской Архэ, политическая нестабиль-

ность в которых не соответствовала интересам гегемонии лакедемонян.

Способствуя удалению излишнего маргинального элемента за пределы Эллады, в первую очередь из Пелопоннеса, Спарта прежде всего снижала политическую и социальную напряжённость в зоне своего влияния. Такая практика проводилась и ранее. Например, в годы Пелопоннесской войны ее походные армии собирались из неодамодов и союзников, а экипажи пелопоннесских кораблей комплектовались наёмниками. Но после завершения войны Спарта была вынуждена канализировать массу лишних наёмников за пределы Эгеиды и поэтому поход Кира Младшего оказался удобным случаем.

Таким образом, в конце V в. до н. э. греческое наёмничество представляло собою силу, с которой приходилось считаться и которую Спарта использовала как средство для решения политических задач. Значение *μισθοφόροι* для Эллады заключалось в том, что они являлись таким взрывоопасным социальным ресурсом, само наличие которого принуждало к его осторожному, но активному использованию. Очевидно, этим и было обусловлено дальнейшее развитие наёмничества в классической Греции.

Нефедов К. Ю. (Харьков)

К ВОПРОСУ О КОРОНАЦИИ АНТИГОНА ОДНОГЛАЗОГО

Коронация Антигона Одноглазого является одним из важнейших моментов в истории античной государственности. Приняв в 306 г. до н. э. царский титул первым из всех диадохов, Антигон не только узаконил собственную единоличную власть, но и положил начало эллинистической монархии как таковой. До сих пор, однако, остается неясным, в каком качестве Антигон провозгласил себя царем — как официальный преемник Александра Македонского и властитель всей его империи или же как правитель собственного царства, ограниченного территорией, «завоеванной копьем». Долгое время исследователи склонялись к первому варианту, но в последние десятилетия, благодаря работам Э. Груэна и Р. Биллоуза, в научной литературе широко распространилась противоположная точка зрения, согласно которой коронация Антигона была не более чем актом провозглашения первой эллинистической монархии — царства Антигонидов. Рассмотрим, насколько обоснованным является такой пересмотр взглядов.

Проблема коронации Антигона, в сущности, сводится к двум вопросам: имел ли этот диадох притязания на господство во всей державе Александра и мог ли он принять царский титул лишь на основании личного харизматического превосходства, как это делали некоторые эллинистические правители впоследствии? Что касается первого вопроса, то его решение зависит прежде всего от трактовки сведе-

ний Диодора Сицилийского и Плутарха. Оба они свидетельствуют о том, что Антигон (по крайней мере, с 315 г. до н. э.) достаточно открыто стремился к господству во всей державе Александра и первенству среди диадохов. Р. Биллоуз и некоторые другие исследователи возводят все эти свидетельства к пропаганде противников Антигона, которая попала к Диодору и Плутарху через сочинение Иеронима из Кардии — родственника злейшего врага Антигонидов, Эвмена. Иероим, однако, писал свое сочинение уже после смерти Эвмена, в то время, когда служил придворным историографом у самих Антигонидов, и поэтому ложная информация о политике Антигона вряд ли содержалась бы в его труде. К тому же анализ политики Антигона в период 316–307 гг. до н. э. подтверждает достоверность сообщений античных авторов об «имперских амбициях» этого диадоха. Не менее красноречивой является и его политическая пропаганда тех лет.

Возможность принятия Антигоном царского титула только на основании личного превосходства также находится под сомнением. В пользу такой возможности, по мнению Э. Груэна и Р. Биллоуза, свидетельствует тот факт, что поводом для коронации Антигона послужила победа его войска над Птолемеем в битве при Саламине Кипрском, якобы подтвердившая его личное превосходство. Однако повод и официальное основание коронации — отнюдь не одно и то же. Отстаивая харизматическую осно-

ву власти Антигона, исследователи обычно ссылаются на различные эллинистические тексты, в которых говорится, что право царя на власть проистекает из его личных заслуг и добродетелей. Между тем, эти тексты составлены уже после того, как образовались и доказали свою жизнеспособность монархии других диадохов, провозгласивших себя царями без всяких на то прав — лишь в ответ на коронацию Антигона. До этого времени македонская политическая практика не знала подобных прецедентов: все монархи правили на основании их принадлежности к роду Аргеадов. Связь с этим родом через свою супругу Стратонику, очевидно, имел и сам Антигон, что должно было оправдать его претензии на трон после смерти прямых наследников Александра. На родственную связь с Аргеадами претендовал также и Птолемей, и, очевидно, именно поэтому победа над ним послужила официальным поводом для коронации Антигона.

Таким образом, есть веские основания полагать, что Антигон Одноглазый принял царский титул как легитимный правитель державы Александра, а не как харизматический властелин «территории, завоеванной копьем». Понятие о праве такого властелина на собственный трон в то время еще не превратилось в юридическую норму. Очевидно, именно поэтому Птолемей целых два года не решался на «ответную коронацию». Когда он все же осмелился провозгласить себя «альтернативным» царем, необходимый прецедент был создан, и царские титулы сразу же приняли остальные диадохи, а за ними и более мелкие правители и тираны. Только тогда возникла эллинистическая монархия в классическом понимании, а вместе с ней и «харизматическое право» на власть. Антигон же короновался как преемник Александра, и поэтому и он сам, и его сын Деметрий Полиоркет никогда не отказывались от претензий на господство над всей бывшей державой Александра.

Литовченко С. Д. (Харьков)

АРМЯНСКИЙ ПОХОД ГНЕЯ ПОМПЕЯ

В начале I в. до н. э. международная ситуация в Передней Азии обусловила вторжение армянского царя Тиграна II в сферу влияния римлян. Несмотря на попытки армянского царя избежать открытого конфликта с Римом, в начале 60-х гг. I в. до н. э. войска Луция Лукулла вторглись во владения Тиграна II. Решающим эпизодом этого конфликта стали события 66 г. до н. э., когда армянский царь подчинился новому римскому полководцу — Гнею Помпею. В работах современных исследователей капитуляция Тиграна II рассматривается как логичное следствие военного поражения Армении и единственно возможный политический шаг армянского царя. В то же время, развитие римско-армянских отношений в 60-е гг. I в. до н. э. было более сложным и не зависело исключительно от военных факторов.

В течение 90–70 гг. I в. до н. э. Тигран II, несмотря на достаточно агрессивную внешнюю политику, стремился сохранить мирные отношения с Римом. После успешного проведения парфянской войны и захвата Сирийского царства, Тигран II отказался предоставить помощь Митридату VI в третьей римско-понтийской войне. Армянский царь фактически создал условия для переговоров с римлянами, когда отказался встретиться с бежавшим в его царство Митридатом VI. Однако Луций Лукулл, откровенно стремившийся к войне с Арменией, напал на царство Тиграна II, не имея на это разрешения сената. Неудачный ход войны с Луцием Лукуллом заставил армянского царя обратиться за помощью не только к Митридату VI, но и к парфянам, так как переговоры с римским полководцем были невозможны. Замена Луция Лукулла в 67 г. до н. э. Гнеем Помпеем коренным образом изменила ситуацию в регионе.

Тигран II отказался от борьбы с римлянами и полностью подчинился новому римскому полководцу во время встречи возле Арташата. Помпей, очевидно, был уведомлен заранее о намерениях армянского царя, так как позднее начало похода в Армению (осень 66 г. до н. э.) свидетельствует о том, что римляне не ожидали сопротивления в этой стране. Тигран II подверг себя унижительному визиту в лагерь римлян, где снял перед Помпеем диадему — символ царской власти, то есть вверил себя и свою страну власти римского полководца. Тигран II, таким образом, создал прецедент во взаимоотношениях Рима с азиатскими монархами. Никогда еще противник римлян такого уровня, как Тигран II, не демонстрировал столь явно признание гегемонии Рима. Армянский царь в 66 г. до н. э., по нашему мнению, не оказался в безысходной ситуации, и его подчинение Помпею было продуманным шагом.

В начале 66 г. до н. э. на Армению напал римский союзник парфянский царь. Однако Тигран II оказал парфянам активное сопротивление и смог защитить Арташат. Против армянского царства действовали силы римско-парфянской коалиции, и Тигран II понимал, что за неудачным походом Фраата III последует вторжение римлян. Следовательно, борьба с Парфией не могла предотвратить захват Армении. Объяснить эту ситуацию можно тем, что Тигран II сознательно шел на подчинение именно Риму, а не Парфии. По нашему мнению, у царя Армении существовали веские основания, чтобы вести борьбу с парфянами, но сдаться римскому полководцу. Два государства — Рим и Парфия, были враждебны армянскому государству и равно стремились к его подчинению. Но подчинение римлянам

и подчинение парфянам было далеко не равнозначно. Парфия, несмотря на некоторые особенности государственного устройства, продолжала политику Селевкидов, стараясь поглотить владения слабых соперников. Парфяне рассматривали земли Армении как продолжение своих владений. Следовательно, учитывая территориальные претензии Парфии к Армении, вероятность сохранения Тиграном II своей власти была достаточно незначительна.

В отличие от парфян, римляне за долгие годы присутствия на Востоке продемонстрировали готовность сохранить престол за своим противником, если он признавал господство Рима. Поэтому для Армении римская гегемония выглядела более предпочтительно, чем парфянская. Религиозная и культурная близость парфян и армян, о которой говорят не только современные историки, но и некоторые античные авторы, не могла оказывать влияние на позицию армянского царя, когда решалась судьба его царства. В период античности этнические и религиозные факторы оказывали значительно меньшее влияние на межгосударственные отношения, чем это иногда представляется.

Полное и безоговорочное подчинение Тиграна II Риму изменило отношение Гнея Помпея к Армении. После переговоров с армянским царем под Арташатам и похода в Иберию и Албанию римский полководец отказался от планов по максимальному ослаблению царства Тиграна II. Армянский царь не только сохранил свой престол, но и добился статуса «друга

и союзника римского народа». Мятужный сын Тиграна II был фактически спровоцирован Помпеем на недружественные действия и арестован. Территория Великой Армении, первоначально значительно уменьшенная, впоследствии была увеличена за счет Софены, Кордуэны, Северной Месопотамии. Римляне сохранили за армянским царем титул «царь царей», отказав в праве на этот титул парфянам, что привело к разрыву римско-парфянского союза. Подобные действия Гнея Помпея были вызваны именно стремлением усилить Великую Армению, которая становилась ведущим римским союзником на Востоке. Возникший в 66 г. до н. э. римско-армянский союз, таким образом, отвечал интересам и Тиграна II, и Рима.

Даже военное столкновение с римлянами не привело к прекращению попыток Тиграна II улучшить римско-армянские отношения как основу для борьбы с парфянами. Армянский царь нашел возможным признать поражение и подчинился именно римлянам, а не парфянскому царю. Римляне в лице Гнея Помпея убедились, что союз с Тиграном II значительно более выгоден, чем ликвидация армянского царства. Благодаря твердой позиции Тиграна II и политике Помпея, римско-армянские отношения, переживавшие глубокий кризис, в 66 г. до н. э. были подняты на качественно новый уровень. В 66–64 гг. до н. э. были созданы условия для превращения Армении в ключевого римского союзника на Востоке перед лицом набирающего силу Парфянского царства.

Гарбарь Е. В. (Донецк)

ЦИЦЕРОН И ПОМПЕЙ: ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА РИМСКУЮ АРМИЮ

Конец II–I в до н. э. — один из наиболее сложных периодов римской истории. Именно в это время происходит зарождение идеи единоличной власти и изменение политических принципов Республики. В этих процессах огромную роль играет римская армия, которая благодаря реформам Гая Мария делает первые шаги к профессионализации.

Рим с самого начала своей истории определил себя в качестве государства-воителя. Как следствие этого можно определить решающую роль армии во всей жизни римского общества. Римская армия, постепенно профессионализируясь, меняет свое место в социально-политической жизни Республики, преобразуясь в определенный социальный институт и влиятельную политическую силу, делегирующую своим военачальникам как представителей в государственные органы управления.

В ранней республике войско набиралось на основе имущественного ценза и граждан Рима. Когда римская экспансия вышла за пределы Италии, легионеры перестали быть заинтересованными в агрессивной внешней политике Рима. Реформы Мария являлись вполне прогнозируемым мероприятием, к которому армия подготавливала государство

на протяжении всего II в. до н. э. Эта реформа выдвинула на первый план в истории Рима выдающуюся личность.

Ход политических событий в Риме уже в 80-е гг. до н. э. показал, что старые методы борьбы за власть себя изжили, ибо в государстве появилась новая политическая сила, гораздо более могущественная, чем масса разобщенных граждан в комициях, это сплочение, преданные своему полководцу легионы и их военачальник. В Риме развернулась борьба за армию, в которой приняли участие различные политические силы. Самым активным участником это борьбы был Гай Юлий Цезарь.

Основным соперником в борьбе за легионы был Гней Помпей. Помпей был наиболее популярной фигурой среди военных и политических деятелей Рима. Его успешные действия и победа над средиземноморскими пиратами сделала его кумиром римской толпы. Военные успехи принесли Помпею преданность армии. Однако он никогда не помышлял захватить власть в Риме и стать единоличным правителем. Он действительно дважды — по закону Габиния и закону Манилия — получал неограниченный империй и пользовался таким объемом

и широтой власти, каких не имел до него ни один римский военачальник, но оба раза это было сделано «законно». Он также дважды — в 70 г. и 62 г. — распускал свои войска вопреки всем ожиданиям (во всяком случае, в 62 г.), что опять-таки диктовалось обычаем.

Надо отметить, что в наибольшей мере, помимо Цезаря, осознал изменившуюся ситуацию Цицерон. Он решил поддержать Помпея и выступил на форуме с речью в защиту законопроекта трибуна Манилия. Цицерон высказался за предоставление верховного командования Гнею Помпею, тем самым буквально «подарив» ему войско.

Сама идея принципата, вдохновителем которой считается Цицерон, предполагала осознание изменения места армии в социально-политической жизни Римской республики и следовавшего из этого изменения роли личности в системе государственной власти. В своем сочинении «*De re publica*» Цицерон посвятил целый раздел вопросу о смешанной форме правления. По его мнению, из трех простых форм наилучшей является царская, которую превосходит такая, которая будет равномерно и в правильных пропорциях сочетаться из трех лучших форм общественного устройства. Здесь же поясняется, какие именно начала должны войти в качестве компонентов в эту смешанную систему, как они должны сочетаться друг с другом и взаимно умерять друг друга: желательно, чтобы в государство входило нечто выдающееся и свойственное царской власти, а также нечто, характеризующее авторитет правления первых людей в государстве, и нечто, свойственное контролю над делами по воле и усмотрению масс [Цицерон, О республике, I, 45, 69].

Нельзя сказать, что Цицерон придумал что-то абсолютно новое, его идеи лишь отражали ту ситуацию в Риме, к которой привела профессионализация армии, в ходе которой она поставила на первое

место интересы полководца и тем самым выдвинула на первое место в политической жизни Республики выдающуюся личность. Цицерон искал решения всех вопросов в прошлом, так называемом «золотом веке».

Цицерон понял силу влияния армии на политическую жизнь Рима. Он единственный с полным пониманием вел борьбу за армию, противостоял Цезарю. Он старался передать контроль над войсками Помпею, которого считал самым достойным. Однако здесь Цицерон просчитался. Помпей вовсе не обладал такими упорством и характером, которые были необходимы для подчинения себе войска. Он мог руководить вверенными ему солдатами, был неплохим полководцем и одержал ряд значимых побед. Но, несмотря на свои полководческие таланты, Помпей не был выдающимся политиком и не смог использовать армию для захвата власти, так как не видел в этом смысла.

Распуская свою армию по прибытии в Рим, Помпей показал непонимание новой ситуации, сложившейся в Риме с профессионализацией армии. Войска уже не желали следовать далеким традициям и упускать свой шанс обогатиться в походах. Профессиональная армия не желала быть распущенной по прихоти полководца. Лишь отвечая интересам армии и удовлетворяя ее требования, полководец мог рассчитывать на поддержку своих войск. Исторически в Риме уже сложилась основа принципата, необходимо было только осознать это и сделать шаг в сторону единоличной власти.

Можно сказать, что в тандеме Помпей — Цицерон были воплощены черты идеального властителя той эпохи. Новая ситуация в Риме показала, что для того, чтобы захватить власть в государстве, недостаточно быть либо политиком, либо полководцем. Только сочетание двух точек зрения на армию — точки зрения политики и точки зрения полководца — могло привести к успеху, что мы и видим на примере Цезаря.

Акимов А. Б. (Харьков)

О ВОЛЬНООТПУЩЕННИКАХ В РИМСКОЙ ДАКИИ

Социальную и экономическую жизнь ранней Римской империи и ее провинций сложно представить без определения того места, которое занимали в ней вольноотпущенники. Этот активный, предприимчивый, заинтересованный в своем труде, нередко романизированный слой населения играл важную роль в развитии провинциальной экономики и распространении в провинциях норм римской жизни. Поэтому для более полного изучения общества римской Дакии представляется необходимым проследить пути формирования прослойки либертинов в Дакии II–III вв. н. э., а также определить их место и роль в общественной и экономической жизни провинции.

Основными источниками, позволяющими получить информацию о либертинах в Дакии, являются

эпиграфические памятники. В работе использованы 84 надписи, прямо или косвенно упоминающие отпущенников. В них названы имена 93 либертинов. Абсолютное большинство надписей (77) происходит из районов Верхней Дакии, отличавшихся высоко развитой городской инфраструктурой. Надписей, происходящих из сельских районов Дакии, в которых упоминаются либертины, практически нет.

Среди литературы по данной проблеме выделяется специальная работа румынского исследователя Д. Тудора, посвященная рабству в Дакии. Значительное место положению рабов и отпущенников в Дакии уделяется в ряде исследований Ю. К. Колосовской, в монографиях И. Т. Кругликовой, К. Дайковичу, Е. М. Штаерман и др., однако

специального исследования, посвященного римским либертинам в провинции Дакия, насколько нам известно, до настоящего времени не имеется.

Освобождение рабов и пополнение рядов либертинов могло происходить различными способами. Поскольку во многих случаях вольноотпущенники фигурируют в эпитафиях, которые они посвятили своим патронам, можно предположить, что значительная часть рабов освобождалась по завещанию. Освобождались рабы и при жизни хозяина, если сумели завоевать расположение господина, оказать ему определенные услуги. В некоторых случаях такие рабы становились наследниками хозяина, например, Элий Гельпизон упомянут как наследник ветерана Элия Басса [CIL, III, № 14216 (5)]. Рабыня, вступив в сожителство с господином, могла затем получить свободу и даже стать его супругой [CIL, III, № 7868, 8011, 14216 (4, 13)]. Без особых сложностей освобождались рабы, сумевшие на службе хозяину нажить себе определенное состояние. Такой раб мог выкупить себя через третьих лиц [Dig., XL, 1, 4, 1; 2]. В надписях из Дакии нет прямых указаний на подобный способ освобождения, но, вероятно, некоторые состоятельные либертины освободились именно таким образом. Императорским рабам, занятым в провинциальной администрации, дорогу к свободе могла открыть добросовестная служба и продвижение по ступеням служебной иерархии. Надписи позволяют проследить карьеру некоторых вольноотпущенников, которую они начали рабами, а продолжили уже либертинами [CIL, III, № 7729, 7903, 7912, 13798 и др.].

Вероятно, многие отпущенники, получив свободу, не порывали со своими патронами, а продолжали вести с ними совместную деятельность как помощники или даже компаньоны. Так, актер Гай Юлий Омуцион, который был отпущенником, возможно, помогал в коммерческой деятельности своему патрону Гаю Юлию Валентину, кондуктору соляных варниц [IDR, III, 4, № 248]. Учитывая довольно интенсивное развитие в Дакии торговли и предпринимательства, можно предположить участие в этой деятельности и либертинов, но об этом есть лишь косвенные свидетельства [CIL, III, № 1363, 1548, 14216 (11)]. Возможно, занимались вольноотпущенники и ремеслом, однако об этом свидетельствует лишь одна надпись, упоминающая строителя Антония и кожевника Тита, получивших свободу после смерти хозяина [CIL, III, № 14492]. Несмотря на то, что в экономике Дакии значитель-

ную роль играло сельское хозяйство, прямых упоминаний о деятельности отпущенников в этой отрасли до нас не дошло – нет сведений ни об освобождении рабов с земельными участками, ни о владении либертинами земель.

Многие императорские рабы, задействованные в провинциальной администрации, таможенной и налоговой службах, оставались работать в них и после освобождения, иногда занимая более высокие должности. Так, раб-аркарий Януарий, став либертином, занимает уже должность нуммулярия [CIL, III, № 7903, 7912]. Императорский раб Либерал, *adiutor tabularii*, упомянут затем как отпущенник в должности *a commentariis* [IDR, III, 2, № 192; 3, № 365].

В администрации золотых рудников Дакии императорские отпущенники играли значительную роль, занимая различные посты от табуляриев до прокураторов. Отпущенник Нептунал, занимавший при Траяне пост табулярия, при Адриане становится прокуратором рудников [CIL, III, № 1297, 1313]. Раб-виллик Роман становится затем либертином и занимает должность прокуратора [CIL, III, № 1303, 1622, 7837]. Непосредственную разработку рудников поручали крупным (*conductores*) и мелким (*leguli*) арендаторам, среди которых фигурируют и либертины [CIL, III, № 1307].

Работа на высоких постах, коммерческая деятельность, вероятно, позволяла и многим либертинам заработать довольно солидные состояния. Часть таких отпущенников получала право войти в сословие августалов, а некоторые за заслуги перед городом были удостоены инсигний декурионов. Такой чести был удостоен отпущенник августал Ульпий Домиций Гермес. Состояние его было, видимо, достаточно велико – четверо его отпущенников также стали августалами, а сын, вероятно, декурионом [CIL, III, № 1425, 1426].

Таким образом, некоторым либертинам, благодаря служебной карьере или накопленному состоянию, удалось стать заметными фигурами в Дакии. Многие, прежде всего императорские, отпущенники сохраняли преданность своему патрону, участвовали в отправлении императорского культа, способствовали проведению политики принцепса в провинции. Роль вольноотпущенников в экономической жизни Дакии была весьма значительна. В административной системе провинции либертины играли ведущую роль, нередко занимая исключительно важные места, и невозможно представить деятельность провинциальной администрации без их участия.

Бандровський О. Г. (Львів)

МАРКОМАНСЬКІ ВІЙНИ І ХАРАКТЕР ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ В ІІ СТ. Н. Е.

Принципово новим моментом у зовнішній політиці Римської держави І–ІІ ст. була роль принцепса у формуванні стратегії та здійсненні конкретних

зовнішньополітичних заходів. Після приходу до влади Октавіана Августа було сформульовано основне гасло зовнішньої політики: «*Pax Romana*»

(«римський мир»). Сам принцепс чітко визначає два моменти у впровадженні такої політики. З одного боку, це пропагандистське прагнення до миру, але з іншого — це розширення всесвіту римської імперії. На думку дослідника Е. Лутвака саме в Європі формується політика «гегемонічного експансіонізму» («hegemonic expansionism»). Походи кінця I ст. до н. е. привели до визначення основних напрямків завойовницької політики. Всі дослідники сходяться в тому, що саме Рейн та Дунай були тими плацдармами для проведення експансії, якими визначив перший римський імператор.

Згодом Рим змінив тактику і розпочав практикувати методи дипломатичного втручання в життя місцевих племен. Мета римської політики передбачала створення системи клієнтських утворень (племінних союзів, буферних держав), які взяли на себе функцію захисту римських інтересів у зоні карпатського пограниччя. Критики Е. Лутвака іноді стверджують, що позиція імператорів після Августа схилилася до захисної. Солідаризуючись з Е. Лутваком, потрібно підкреслити, що в добу Юліїв–Клавдіїв захисні мотиви військової політики стосувались виключно кордонів Італії. Побудова лімесу на рейнських та дунайських кордонах не означала припинення політики експансії. Її завданням відповідали системи лімесної забудови та тактична система прикордонної політики.

На середину II ст. н.е. припадає великий військовий конфлікт, який отримав в античній історіографії назву Маркоманські війни (166–180 рр.). Скупа інформація письмових джерел дозволила частині дослідників (Й. Клозе, К. Леннартцу, А. Бірлею) вважати, що ця війна була продовженням або відродженням традиційної політики римської експансії. Однак зараз у літературі мають місце думки, які ставлять під сумнів таку стратегічну лінію. Ця думка знайшла відображення у працях Г. Альфельді, М. Сталя та М. Шмідта. Ці дослідники вважали, що цей військовий конфлікт та серія військових угод, яка його завершувала, мала на меті урегулювати новий тип відносин з племенами і враховувала методи непрямого втручання у їхні справи, виключаючи поняття анексії територій.

Найбільш дискусійним видається момент, пов'язаний з інтерпретацією причини війн. Більшість німецьких дослідників вважають, що рух племен на територію Римської імперії був викликаний складними етнічними переміщеннями. А російська дослідниця В. П. Буданова стверджує, що з Маркоманських війн слід починати відлік «Великого переселення народів». Причини цих рухів пояснюють демографічним вибухом та погіршенням кліматичних умов. На підставі аналізу археологічних матеріалів з Польщі ми можемо припустити такий варіант, але рух племен (зокрема, готів) почався в протилежному східному напрямі. У цей час у при-

кордонній смузі формуються племінні союзи, які включають елементи етнічного «симбіозу» та поглинення германських етнічних груп.

На нашу думку, безпосередньою причиною війни стала війна з Парфією, яка примусила зняти з рейнського та дунайського лімесу військові частини. До того ж виплата субсидій затримувалася у зв'язку з військовими витратами. Саме це, на нашу думку, і привело до початку військових дій.

У 166 р., по мірі просування армії Марка Аврелія зі Сходу, ряд варварських вождів звертається до імператора з проханням про прощення. Немає в працях німецьких дослідників і інформації про тактику, яку застосував імператор для знешкодження тих варварських угруповань, які прорвали кордон. Він закрив кордон і тим самим змусив намісників провінцій активізувати дії для знешкодження рухливих загонів германців та сарматів.

Після стабілізації ситуації у 171 р. в Карнунтумі починається формування армійських сил для контрнаступу. Це повністю збігається з вектором традиційної римської експансії. Навіть перша угода з квадами, підписана в 172 р., підтверджує саме цей факт. Ізолювавши маркоманів від потенційних союзників, Марк Аврелій спрямовує основні військові дії проти них у 173 р. Після розгрому маркоманів імператор веде свої війська вглиб земель сучасної Словаччини.

Друга особливість Римської зовнішньої політики завжди полягала в умінні лавірувати в методах її здійснення. Тому, щоб не призупиняти експансії, імператор удається до мирних переговорів та системи угод. Угоди 172–175 рр. з варварами акцентували увагу на неприпустимість надання допомоги племенам, які знаходяться у військовій конфронтації з Римом. Установлювалася заборона транзиту через племінні території ворожих угруповань, племена прив'язувалися до певних земель. Для подальшої романізації союзників організовувалися набори рекрутів у допоміжні військові з'єднання. Ауксілії та когорти язигів тепер несли службу в Британії, а маркомани та квади — у східних та африканських провінціях.

У другий період війн 175–178 рр. ситуація була відносно спокійною. До літа 179 р. імператор спустошує райони Богемії, Моравії та Словаччини. На нових землях починається будівництво фортець та митних станцій. Усі джерела говорять про те, що дії Марка Аврелія та перші кроки його наступника були спрямовані на перетворення місцевих племен на майбутніх жителів провінцій Маркоманії та Сарматії. Послаблення контролю центральної влади за ситуацією на Сході не дозволило здійснитися цій анексії. Проте слід відзначити, що увага імператорів до дакійського та дунайського лімесів не припинялася. Відвідування кордонів імператорами з династії Северів та бойові дії у цих землях не припиняються й на початку III ст.

Сергеев И. П. (Харьков)

ВСАДНИЧЕСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА КРИЗИСА III века

Долгое время при анализе событий политической жизни Римской империи в период кризиса III в. исследователи игнорировали вопрос о роли в ней представителей всаднического сословия, сосредотачивая свое внимание на позиции сенаторов и армейских кругов.

В последние десятилетия в антиковедении появились публикации, авторы которых (Г. Альфельди, Ф. Кольб и др.) подчеркивают значение всадников в политической истории империи на всем протяжении III в. н. э., называют его временем наивысшего могущества римского всадничества.

Действительно, в период кризиса III в. наблюдается значительное возрастание роли представителей всаднического сословия в ряде важных сфер политической жизни римского государства.

Со времен правления императора Септимия Севера всадники получили доступ к должности легата легиона. При императоре Галлиене произошла полная замена сенаторов всадниками на командных постах римских вооруженных сил.

С конца II в. н. э. начался процесс возрастания значения представителей всаднического сословия и в управлении римскими провинциями. Септимий Север поставил всадника во главе образованной им провинции Месопотамии. На протяжении первой половины III в. н. э. всадники занимают должности наместников в ряде «старых» провинций, но официально считаются временно действующими «вместо» наместников-сенаторов. Со времен правления Галлиена всадники вытесняют сенаторов с должности наместника в подавляющем большинстве провинций.

В период кризиса III века всадники во все большей степени составляют ближайшее окружение императоров и оказывают значительное влияние на характер их правления. Особенно отчетливо это проявилось при императоре Гордиане III. К 241 г. н. э. фактическим правителем империи стал Тимеситей (С. Furius Sabinus Aquila Timesitheus). Это был всадник из одной из провинций римского Востока (возможно, из Сирии или Аравии). Будучи с конца 240 или начала 241 гг. н. э. единственным префектом претория и (не позже 12 мая 241 г. н. э.) тестем 16-летнего Гордиана III, он начал руководить действиями императора, отстранять от важных

гражданских и военных постов сенаторов и заменять их всадниками.

К числу фаворитов Тимеситея принадлежали братья М. Iulius Philippus и С. Iulius Priscus. Они были арабского происхождения и, вероятно, возвысились, занимая офицерские должности в арабских воинских соединениях, входивших в состав римской армии. В первые годы правления Гордиана III они уже занимали важные всаднические должности. Юлий Приск в 242–243 гг. был префектом провинции Месопотамии, а с 243 г. н. э. — преторианским префектом. О том, какие должности занимал Юлий Филипп до 243 г. н. э., нам ничего не известно, однако его близость к Тимеситею позволяет предполагать, что это были какие-то важные всаднические должности. После смерти своего тестя в середине 243 г. н. э. Гордиан III назначил и Юлия Филиппа на должность префекта претория и попал под влияние обоих братьев.

В начале 244 г. н. э. во время похода против персов при не совсем ясных обстоятельствах Гордиан III погиб. Филипп сменил его на императорском престоле, а Приск остался в должности префекта претория и получил от своего брата чрезвычайные полномочия в качестве *rector Orientis*.

Таким образом, Филипп Араб стал третьим, после Макрина и Максимиана Фракийца, римским императором, не принадлежавшим на момент занятия престола к сословию сенаторов.

Но возрастание роли всадничества в политической жизни Римской империи периода кризиса III в. не было результатом целенаправленной борьбы представителей этого сословия с сенаторами или верхушкой армейских кругов; оно было связано с особенностями внутри- и внешнеполитического положения Римской империи в III в. н. э. Даже правители, которых принято считать «сенатскими» императорами, не попытались вернуть сенаторам те военные и гражданские должности, которые были переданы всадникам их предшественниками на императорском престоле. Сложность обстановки на границах империи и внутри ее в условиях глубокого политического кризиса заставляла их ставить интересы империи выше интересов сенаторского сословия.

Зубарь В. М. (Киев)

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Повседневная жизнь всякого эллина была пронизана представлениями, связанными с религией. Они определяли действия человека в тех или иных си-

туациях. С ними были тесно связаны мистические и магические действия, направленные на достижение лучшей участи при жизни и после смерти. На-

ряду с отправлением культов определенных божеств, значительное место в религиозной жизни населения Херсонеса занимали разнообразные верования.

Как и в других стадияльно-близких социальных организмах, верования эллинов были связаны с очень древними идеологическими воззрениями. Но в сословно-классовом обществе они уже тесно переплетались с появившимися на более позднем этапе развития политеистическими представлениями о богах и героях. К этой категории в первую очередь относятся колдовские или магические действия, направленные на защиту человека от воздействия злых или враждебных сил. По представлениям греков, только они могли обеспечить защиту гражданского коллектива и каждого его индивидуума.

В 1960–1961 гг. при проведении реставрационных работ в юго-восточной части Херсонеса в забутовке башни XVII (Зинона) была обнаружена большая группа надгробий, которая датируется концом IV–III вв. до н. э. С. Ф. Стржелецкий полагал, что начало строительства башни XVII (Зинона) следует относить к концу III–началу II вв. до н. э. Но сейчас можно считать доказанным, что ядро башни XVII, как и первый ярус 19 куртины, где в забутовке зафиксированы части надгробных памятников, 21 куртина, а также первая и вторая стены куртины 20 и башня XVIII первого строительного периода, были возведены не позднее второй четверти–середины III в. до н. э.

С. Ф. Стржелецкий, а вслед за ним и другие исследователи, полагал, что в связи с нависшей над городом угрозой херсонеситы в спешном порядке возвели так называемую цитадель, где в качестве строительного материала и были использованы надгробные памятники с близлежащего участка некрополя. Не отрицая такой возможности в принципе, следует отметить, что строительство такого мощного узла обороны потребовало определенных подготовительных мероприятий и лишь спешным порядком нельзя объяснять использование надгробных памятников в качестве строительного материала. Ведь в окрестностях Херсонеса в изобилии имеются выходы известняка, широко применявшегося в строительстве, в том числе и оборонительных сооружений, которое велось по определенному плану и, видимо, заняло достаточно продолжительный отрезок времени. К тому же, судя по небольшому общему количеству надгробных памятников, обнаруженных в оборонительных сооружениях Херсонеса, в сравнении с общим количеством камня и плит, уложенных в стены и башни, их использование не могло кардинально решить проблему со строительными материалами при возведении так называемой цитадели. Поэтому, учитывая священное отношение эллинов к памяти своих умерших родственников,

этот факт нельзя связывать только с отсутствием необходимого количества строительных материалов или сжатыми сроками проведения работ по возведению так называемой цитадели. Следует также отметить, что надгробные памятники зафиксированы не только в оборонительных сооружениях этого района, но и в западных стенах, а также в протейхизме, возведенной в юго-восточной части города в конце I–II вв. н. э. Все это свидетельствует о том, что наличие надгробных памятников в стенах и башнях следует объяснять иными причинами и в первую очередь той ролью, которую они играли в сакральной жизни эллинов.

Греки верили в непосредственную связь умершего с могилой. Поэтому уже с крито-микенской эпохи начал практиковаться обычай ставить на месте захоронения надгробия, что генетически связано с представлениями о сакральном значении определенного участка земли и одновременно являлось знаком памяти. Здесь, у могилы, отправлялись ритуально-магические действия в дни поминовения умерших их родственниками и тем самым осуществлялась связь между умершими и живыми. Надгробия служили апотропеями, которые предохраняли могилу от разрушения, и сакральными сторожами определенного участка земли. Таким образом, надгробные памятники, с точки зрения эллинов, были не только знаками памяти, воздвигнутыми в честь ставшего хтоническим божеством умершего родственника, но и выполняли важную апотропеическую функцию.

Исходя из этого, укладку надгробий в забутовку оборонительных стен и башен Херсонеса как в эллинистический период, так и в первые века н. э. следует рассматривать в качестве магического акта, который должен был способствовать усилению их защитных свойств при содействии сверхъестественных сил. Не исключено, что это было обусловлено также желанием прибегнуть к мистической помощи своих предков, которые рассматривались в качестве хтонических божеств. А это, в свою очередь, свидетельствует об определенном консерватизме мировоззрения херсонеситов и устойчивом сохранении ими практики более раннего времени, в которой нашли отражения достаточно архаические представления об апотропеической силе этой категории памятников. Такие проявления, очевидно, следует рассматривать в качестве одной из особенностей менталитета жителей города, дорийцев по происхождению, которая отличала их от эллинов других античных центров Северного Причерноморья. Не удивительно поэтому, что в I в. н. э. Плиний отмечал, что Херсонес «...был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев». В справедливости этих слов убеждают и приведенные данные.

Ручинская О. А. (Харьков)

О СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В ГРАЖДАНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди множества аспектов социо-культурной истории античных городов Северного Причерноморья одним из самых интересных, пожалуй, является вопрос о системе культурных ценностей, морально-этической стороне жизни гражданских коллективов. В этой системе проявляется отношение общества к человеку, она является отражением реального положения человека в обществе, личности в государстве.

К сожалению, до настоящего момента данному вопросу не уделяется должного внимания в историографии. Во многом слабое внимание к данной проблеме объясняется фрагментарным состоянием источниковой базы, фактическим отсутствием литературных свидетельств по данному вопросу.

Четкую шкалу ценностей, существовавшую в античных городах Северного Причерноморья, восстановить достаточно сложно. Однако можно выделить наиболее характерные черты подобной системы.

Культурные ценности были перенесены сюда первопоселенцами и восходили к традиционным принципам классической греческой гражданской общины. Высшей ценностью выступал родной город и интересы его общины, следовательно, здесь не было отчуждения гражданина от государства, а, наоборот, присутствовала общность их интересов.

Формировавшаяся на подобных основах культура воспринималась как органическая часть общественной жизни. В этой своего рода «массовой культуре» проявлялась ориентация на уход от регламентированной скучной повседневности. Это проявилось в тяге к «чудесному», исключительному, необычному (вера в предсказания относительно преждевременной смерти сыновей боспорского царя Перисада; почти повсеместное обращение к общегреческим оракулам; судебная, любовная магия). Отсюда и любовь к пышным религиозным праздникам, в частности, к дионисийскому культу, распространенному практически во всех городах Северного Причерноморья.

Основные добродетели — выступают как добродетели общественно-политические, как добродетели человека, активно участвующего в общественной жизни, в делах государства, в управлении им. Характерной чертой общественной жизни и господствовавших здесь культурных ценностей было наличие института благодетелей гражданской общины. Примером тому служат свидетельства из эпитафий, посвященных надписей, государственных декретов, сообщающие о гражданах, занимавших важные должности в государстве, оказав многочисленные услуги родному отечеству. На эти добродетели ориентировался и идеал калокагатии, формировавшийся в городах Северного Причерноморья с учетом обще-

ственного мнения и принципов чести и славы, являвшихся признаком социального достоинства.

Одной из важнейших добродетелей было почитание богов гражданской общины, точное соблюдение культа. За весь период существования городов Северного Причерноморья нет свидетельств, позволяющих говорить об атеистических идеях или об открытом неприятии богов конкретной гражданской общины. Важным элементом существовавшей здесь системы ценностей было почтительное отношение к обычаям предков, сохранение этих традиций на протяжении всей истории античных городов Северного Причерноморья.

Источники указывают на огромную роль, которая отводилась обучению детей всех свободных граждан, что было связано с прогрессивным пониманием положения личности в обществе. Судя по существовавшей системе образования, наличию разнообразных агоний, в Северном Причерноморье использовалась пайдейя — универсальная система образования, в которой формируется не профессионал в определенной области, а человек как личность, с определившимися ценностными ориентациями.

Однако в системе ценностей гражданских коллективов Северного Причерноморья были и «темные стороны», в частности, достаточно распространенным явлением был сикофантизм. На это указывают Геродот, сообщающий о доносчиках-оливиополитах; присяга херсонеситов; херсонесская легенда о Гикии, упоминаемая Константином Багрянородным. Гражданам античных городов Северного Причерноморья далеко было и до социального равенства. Таким образом, те ценности, которые проповедовались в гражданских коллективах, носили некий элитарный характер, и не распространяли свое влияние на женщин, рабов, чужеземцев.

В период римского влияния — возможны некоторые изменения в мировоззрении граждан античных городов Северного Причерноморья: в первые века н. э. на первый план постепенно выходит личность и ее интересы, оттесняя на второй план интересы гражданской общины, господствовавшие до того. Однако следует отметить, что пренебрежение интересами и нуждами общества в целом здесь не наблюдается даже под влиянием римских идеологических установок, что, видимо, было вызвано необходимостью сохранения гражданских коллективов в условиях варварского окружения. В античных городах Северного Причерноморья вплоть до конца их существования сохраняется единое мировоззрение для граждан общины, а следовательно, и единая система ценностей, ориентированная на идеалы классической гражданской общины.

ПИТАННЯ ВИДІЛЕННЯ КУЛЬТІВ РОДИННОГО ХАРАКТЕРУ В АНТИЧНОМУ ХЕРСОНЕСІ

Відомості про релігію общини дають нам повідомлення античних авторів, написи посвят окремим божествам, зображення богів на монетах, у скульптурі, розкопки храмів, святилищ тощо. Коло культів общини було суворо визначеним, особливості ритуалів регламентувалися законами. Але це не свідчить про те, що інші божества, крім полісних, не дозволялося вшановувати. Їх вшановували в родинному колі. На даний час не існує однозначних критеріїв, які б дозволяли віднести свідчення культу до родинного чи полісного.

Не є коректним протиставлення культів полісних і неполісних, родинних. Перш за все, тому, що не існувало двох окремих релігій: вдома найчастіше вшановували тих самих богів, що й у храмі; існували ті самі ритуали очищення, принесення пожертв, вотивів, спільної молитви, трапези. Ритуали мали однакове значення і були обов'язковими для всіх учасників. Єдина відмінність у них — спорідненість учасників, а відповідно й їх кількість.

Однак можливим є виділення культів, які вшановувалися в межах родини, як невід'ємної частини світогляду еллінів, не менш важливої, ніж полісна ідеологія. Поліс-община заселяє оточену муром територію, але продовжує забезпечувати себе сільськогосподарською працею. Тому існує цінність як культів, спрямованих на досягнення благополуччя общини і родючості спільної землі, так і культів, спрямованих на окрему сім'ю чи родину, що обробляє і отримує блага зі свого наділу.

Основною відмінністю між культурами полісними і родинними є більше чи менше коло учасників, тоді як за суттю вони є двома аспектами одного цілого — античної релігії. Логічно було б розмежувати общинні та родинні культури за місцем їх проведення: для одних існував храм, полісне святилище, для інших — дім, могили предків, можливо, земельний наділ. Але оскільки ці культури належать до однієї релігії і не заперечують один одного, то й місця проведення обрядів теж не були уніфіковані. Так, у храми приносили пожертви і від імені родини, коли це стосувалося, наприклад, ритуалу очищення після поховання родича, подяки після вилікування, присягання, збору врожаю. Вшанування могили предків теж іноді могло стосуватися не родини, а усього полісу, наприклад, коли влаштовували спеціальні свята з відвіданням цвинтарів.

Тоді картина видається складнішою, адже ті ж теракоти, знайдені в храмі, можуть стосуватися як полісного, так і родинного культу одного і того самого божества. Звідси не зовсім ясно, які критерії мають враховуватися при розрізненні: чи розміри вотивних пожертв (Безсонова С. С., Аграфонов П. Г.),

чи якість виконання (Белов Г. Д.) або матеріалу, з якого вони виготовлені (Бабинов Ю. О., Шевченко А. В., Костромичева Т. І.). Але навіть найбільші витрати на вотиви може брати на себе окрема родина чи особа, тут вже має значення матеріальне становище. Також не можемо казати про полісне чи родинне вшанування божества за кількістю знайдених пам'яток (Бондаренко М. Є.).

Оскільки родинні культури в античному полісі починалися там, де закінчувалися загально-общинні (не будучи полярними останнім), і археологічні знахідки є лише їх відображенням, то виділити культури родинного характеру можна способом виключення. Тобто, маючи археологічні, епіграфічні, нумізматичні та писемні свідчення, можливо реконструювати полісні культури, тоді як всі інші прояви релігійної практики стосуватимуться культів родинного значення. Ознаками, які дають підстави припускати загально-общинний характер вшанування божества, є місця спільного для усіх громадян вшанування богів: храми, святилища, олтарі на агорі, свідчення проведення загальних свят, присвячених божеству, — театр, присвяти, що встановлювалися під час свят у храмах, написи з теофорними іменами, назвами місяців, монети з зображеннями богів та їхніх атрибутів, тощо. Ці свідчення дають змогу казати про культ полісного характеру. Наприклад, відомо про вшанування общиною в Херсонесі Таврійському в класичний та елліністичний періоди Партенос, Геракла, Зевса, Діоніса, Аполлона, Гермеса тощо. Якщо ж не маємо цілого комплексу проявів полісного культу, поки не отримано достатнього фактичного матеріалу, треба говорити про вшанування його в дещо меншому колі, очевидно, — родинному.

Зображення на монетах для дослідників найчастіше є головним доказом існування полісного культу. За особливостями зображень можна реконструювати уявлення про божества, а також історичні умови, у яких ці боги набували тих чи інших функцій. Інакше кажучи, бачити ситуацію певного періоду, коли поліс потребував допомоги чи заступництва тих чи інших божеств у властивих іпостасях. Для Херсонеса, де карбування здійснювалося централізовано, зображення на монетах справді можна вважати суттєвим підтвердженням полісного культу, однак він не може бути абсолютним. Повинна враховуватися максимальна кількість доступних аргументів. Так, сама тільки наявність статуй, вотивів, вотивних написів не дозволяє твердити про полісний культ Деметри і Кори-Персефони чи Афродіти з часу заснування Херсонеса. Навіть багаті офіри божеству в домашньому святилищі можуть свідчити не про принесення їх общиною, а про

матеріальний статок, соціальний стан окремої родини. Якщо ж маємо зображення, наприклад, Зевса, Афіни і в мarmorі та бронзі, і на монетах, і інші підтвердження — можемо припускати, що ці божества вшановувалися усією общиною. Про родинний характер культів свідчить також дуже незначна кількість привізних теракот, крім того, місце знахідок: розміщені в похованні або житлі, вони більш вірогідно можуть бути віднесені до атрибутів родинного культу.

Ближчим до родинних культів вважається вшанування божеств, пов'язаних із похованням та землеробством. Особливо характерними персонажа-

ми в родинних культурах Херсонеса вважаються жіночі божества родючості Деметра і Кора-Персефона, також пов'язані з ними культу Діоніса, Ерота-Танатоса, Зевса, родиною вшановувався Геракл як покровитель земельних наділів, особливо з початку н. е., коли його полісний культ занепадає, Латона з дітьми тощо. Ці культу доповнювали полісну релігію Херсонеса, яка, будучи значною мірою консервативною, перебувала в постійному розвитку, збагачуючись культурами родинного значення, набираючи таким чином особливостей, властивих кожній окремій історичній ситуації даного поліса.

Габелко О. Л. (Казань)

ДОГОВОР ФАРНАКА ПОНТИЙСКОГО С ХЕРСОНЕСОМ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ДАТИРОВКА (ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ)

Договор Фарнака I Понтийского с Херсонесом Таврическим (IosPE P. 402) является одним из наиболее интересных документов, освещающих межгосударственные отношения в Причерноморье эллинистического времени. Следует отметить, что взгляды на время и обстоятельства заключения этого альянса, преобладающие в отечественной науке, коренным образом отличаются от тех точек зрения, которых придерживаются ведущие западные специалисты, и при этом никакого движения к компромиссу в течение нескольких последних десятилетий не наблюдается. Скорее, наоборот: происходит дальнейшая поляризация мнений, не сопровождающаяся, к сожалению, сколько-нибудь продуктивной дискуссией. В такой ситуации, как представляется, и может оказаться небесполезным «взгляд со стороны», принадлежащий исследователю, не занимающемуся специально проблемами истории и археологии Северного Причерноморья, но рассматривающему понтийско-херсонесский договор как составной элемент политической истории эллинистического мира II в. до н. э.

Можно выделить, пожалуй, две основные проблемы, связанные с анализом договора: 1) отношения Фарнака с Херсонесом в контексте упоминания других независимых полисов побережья Понта Эвксинского во фрагменте Полибия, содержащем информацию о завершении конфликта Фарнака с коалицией малоазийских царей (Polyb. XXV. 2. 3–15); 2) определение той системы летоисчисления, по которой надпись датирована (месяц даисий сто пятьдесят седьмого года, «как считает царь Фарнак»).

В российской науке основные подходы к херсонесско-понтийскому договору были сформированы издателем надписи Р. Х. Лепером, а затем К. М. Колобовой. На сегодняшний день большинство отечественных ученых (С. Ю. Сапрыкин, Ю. Г. Виноградов, Е. А. Молев и многие другие) с теми или иными вариациями придерживаются следующих взглядов: 1) договор датирован по эре, берущей на-

чало в 337/6 г. до н. э. Эта точка отсчета связана либо с приходом к власти в Киосе Митридата, отца Митридата I Ктиса (Diod. XVI. 90. 2), либо с воцарением персидского царя Дария III, в родстве с которым будто бы состояли Митридатиды («эра Отанидов»); 2) в Понтийской войне, сразу по завершении которой и было заключено соглашение, Херсонес (а также, возможно, Кизик, Гераклея Понтийская и Месембрия) или пребывали на стороне Фарнака, или придерживались нейтралитета (выгодного Понту?); 3) заключение мирного договора 179 г. до н. э. произошло при содействии Рима, оказывавшего, возможно, негласную поддержку понтийскому царю.

При этом, однако, не принимаются в расчет возражения, что при несовпадении аттического (у Диодора) и македонского (в надписи) календарей датировка соглашения 179 г. до н. э. становится невозможной; что Рим в это время еще не оказывал столь сильного влияния на ситуацию в Черноморском бассейне, чтобы сохранение дружбы с ним было неперемным условием, налагаемым на участников договора (сткк. 3–5, 26–27). Наконец, активное дипломатическое вмешательство сената в Малой Азии (как показывает анализ типологически близких Первой и Второй Вифинских войн) началось несколькими десятилетиями позже, а позиция черноморских полисов (и Херсонеса в их числе) в Понтийской войне остается весьма неясной. Эти и ряд других немаловажных замечаний были сформулированы в работах С. Берстайна, Э. Шервин-Уайта, Э. Грюна, Б. Макгинга, Х. Хабихта и др.

Таким образом, возможность отнести договор строго к весне 179 г. до н. э. выглядит весьма сомнительной. Это поднимает вопрос: а не употреблена ли в надписи иная система летоисчисления?

Впервые идея о возможности датировать договор по селевкидской эре с началом в 312 г. до н. э. была высказана М. И. Ростовцевым, а в настоящее

время ее придерживаются такие известные западные специалисты, как С. Берстайн (именно ему принадлежит наиболее развернутая аргументация), Б. Макгинг, В. Лешхорн, К. Штробель. Тогда договор должен прийти на весну 155 г. до н. э. Это предложение было категорически отвергнуто С. Ю. Сапрыкиным (впрочем, его критика при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно неудовлетворительной) и Ю. Г. Виноградовым. Возражение последнего о необходимости учитывать нумизматические материалы (обильные эмиссии Митридата IV и выпуски Лаодики), которые сложно уложить в краткий (4 года, как следует из выкладок С. Берстайна) период их правления, выглядит серьезным, но все же отнюдь не решающим.

Мнение о датировке договора по эре Селевкидов, видимо, не удастся опровергнуть с фактической точки зрения. Тем не менее, остаются серьезные сомнения в принципиальной возможности использования Митридатидами системы летоисчисления, применяемой сирийскими монархами. Остается совершенно не ясным, когда и по каким причинам

она могла бы быть введена, и, что даже более важно, заимствование самостоятельным царством эры более сильного соседа скорее следует трактовать не как знак дружбы (согласно С. Берстайну и его сторонникам), но как признание зависимого положения. Все это позволяет высказать предварительную гипотезу, что в понтийско-херсонесском договоре (а также и в декрете в честь Алкима из Абонутейха, традиционно датируемом в нашей науке по вифинско-понтийской эре с началом в 297/6 г. до н. э.) может быть использована некая «четвертая» система летоисчисления, за исходный пункт которой следует взять 315 (или 314) г. до н. э. Именно тогда, согласно недавнему исследованию А. Б. Босворта и П. Уитли, Митридат I Ктист бежал в Кимиатену и заложил тем самым основу независимого существования своего государства. В таком случае договор следует отнести к 158–157 гг. до н. э., что, как кажется, ни в чем не противоречит ни династийной истории Понта, ни международной ситуации в Малой Азии — но этот сюжет, разумеется, должен стать предметом отдельного исследования.

Зубарев В. Г. (Тула)

ЕВРОПЕЙСКИЙ БОСПОР во II–V вв. н. э. (археология и опыт исторической реконструкции)

Первые века нашей эры в истории Боспорского царства отмечены целым рядом знаменательных событий, определявших судьбу как самого Боспора, так и окружавших его варварских территорий. К числу таких событий, несомненно, можно отнести скифо-боспорские войны II в. н. э., варварские походы середины III в. н. э., выступление племен, населявших Меотиду, под предводительством царя Равсимода против Константина (Zosim. 11, 21), захват гуннами Крымских степей и западной части Боспора в начале V в. н. э.

Неполнота и отрывочность свидетельств античных авторов об этих событиях, лишь отчасти дополняемые эпиграфическими текстами, делают особенно важным археологические исследования. В этой связи определенным интерес представляют данные, полученные в результате раскопок относительно большого (по меркам сельских поселений Европейского Боспора) городища «Белинское» в Крымском Приазовье. Время его существования охватывает все отмеченные выше события.

Начало интенсивной жизни на городище «Белинское» приходится на конец I в. н. э. — начало II в. н. э., ко времени Савромата I. Первоначальный характер застройки, по крайней мере, на исследованном участке напоминает военное поселение, окруженное мощной оборонительной стеной. Застройка производилась по определенному плану. Активная строительная деятельность в районе северного участка Узунларского вала, скорее всего, связана не столько с созданием масштабной системы обороны,

сколько с явной экспансией боспорцев в западном направлении. Из эпиграфических текстов (КБН, 32, 33) известно о победах над скифами, одержанных боспорцами при Савромате I и Котисе I. Можно предположить, что именно отсюда организовывались военные походы против скифов, и в этом случае первоначально городище «Белинское» служило базой для какого-то воинского соединения, участвовавшего в военных действиях и отдохавшего здесь в перерывах между ними.

К концу II в. н. э. увеличивается количество построек на городище. Помимо военного гарнизона, здесь поселяются и мирные жители. Расширяется площадь застройки, большими по размерам становятся хозяйственные ямы. Аналогичные процессы, хотя и в меньшем объеме, наблюдаются и на поселении у деревни Ново-Отрадное. При Савромате II сопротивление скифского царства в Крыму было сломлено, и влияние Боспора распространилось далеко на запад. Об этом красноречиво свидетельствует посвятельная надпись из Танаиса, относящаяся к 193 г. н. э. (КБН, 1237), в которой упоминается присоединение скифов и Таврики по договору. С этим событием связано и изменение статуса городища «Белинское». Военный характер поселения перестал быть доминирующим вследствие того, что оно оказалось в глубоком тылу.

Ситуация меняется к середине III в. н. э. Проникшие на Крымский полуостров новые племена варваров, так называемых «готов», двинулись в восточном направлении. Вряд ли боспорские

цари сумели к этому времени создать на вновь присоединенных территориях сколь-либо серьезную оборонительную линию, хотя упоминание, по крайней мере, об одном боспорском городе в районе Старого Крыма сохранилось (КБН, 953). Линия же по Узунларскому валу к этому времени находилась в глубоком тылу и, скорее всего, была ослаблена, в том числе и существенным «балластом» мирного населения. Созданная в качестве опорных пунктов продвижение боспорцев на запад, она не выдержала ответного удара. В числе городищ, подвергнувшихся разрушению, оказалось и городище «Белинское».

Время формирования слоя разрушения на городище вполне согласуется в событиями на Европейском Боспоре. Варвары достигли Пантикапея к 256 г., время вторжения их на Крымский полуостров относится к 251 г. Следовательно, наиболее вероятное разрушение прикрывающих Пантикапей с запада городков имело место между этими датами. С другой стороны, далеко не все поселения к востоку от Узунларского вала гибнут именно в это время. На части из них разрушения происходили явно после морского похода варваров 267–268 гг.

Этот поход не сопровождался разрушением городов и поселений на Керченском полуострове (было бы глупо начинать кампанию с опустошения собственных тылов). Разрушения последовали уже после похода Хедосбия, и связаны они, скорее всего, с борьбой Тейрана с остатками участников этого похода. Успех этой борьбы способствовал новому подъему городков сельской хоры, о чем, в частности, свидетельствует широкое строительство на городище «Белинское», относящееся к концу 70-х г.

Масленников А. А. (Москва)

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС III в. н. э. НА БОСПОРЕ И КРАХ АНТИЧНОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Если бы это было принято, то данным тезисам я бы предпослал эпиграф из известных слов о том, что нет худшей доли, нежели жить во времена больших перемен.

В самом деле, несколько десятилетий III в. н. э. для всего античного мира были временем самых тяжелых испытаний. Не исключение в этом плане и Боспорское царство. Больше того, во всех отношениях ситуация там оказалась еще более драматической. Политическая составляющая этого процесса, ход некоторых военных мероприятий, состояние экономики, финансов, отчасти культуры, этнические перемены — все это в той или иной степени (и с разным успехом) уже неоднократно рассматривались целым рядом исследователей. Мы же попытаемся обратиться к совершенно неожиданному вопросу: состоянию военной теории, военной доктрины, т. е. стратегии и тактики в военном деле данного государства накануне и в период этого кризиса.

В выбранной теме все относительно, спорно и неубедительно, пожалуй, кроме... ее актуальности. Но

III в. н. э. Эта борьба нашла отражение и в посвященной надписи, найденной в Керчи, и повествующей о постановке памятника Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице «за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии» (КБН, 36).

Мирная жизнь городища «Белинское» была прервана в IV в. н. э. Анализ комплекса с монетами IV в. из хозяйственной ямы, слой заполнения которой связан с разрушением одного из помещений, позволил определить в качестве наиболее вероятной даты гибели 322 г. н. э. Эта дата вполне согласуется с сообщением Зосима (Zosim. 11, 21) о движении сарматских племен, населявших Меотиду и, вполне возможно, частично проникших и на Керченский полуостров.

После разрушения 322 г. большая часть городища на исследованном участке приходит в запустение, однако в северной части какие-то постройки сохраняются. В то же время, далеко не все выявленные комплексы использовались в полном объеме. Некоторые из них были явно заброшены. Скорее всего, была разрушена и оборонительная стена. Можно предположить, что на последнем этапе своего существования поселение сократилось в своих размерах и являлось неукрепленным. Жители окончательно покинули его к середине V в. н. э., опасаясь гуннов, захвативших к этому времени западную часть Европейского Боспора. Скорее всего, они переселились ближе к побережью Азовского моря восточнее урочища Сююрташ, где археологически доказано значительно более длительное (по крайней мере, до третьей четверти VI в. н. э.) существование городищ.

прежде, чем попытаться уверить в этом читателя, необходимы хотя бы самые общие, вводные комментарии.

Во-первых, вторая–третья четверти третьего столетия всегда считались чрезвычайно важным, сложным и драматическим периодом боспорской истории. Более того, его принято рассматривать даже в качестве конца собственно античного («римского») этапа и начала заключительного — позднеантичного или ранневизантийского. Во-вторых, хотя некоторые события этого времени нам, как будто бы, и известны, но их последовательность, достоверность и тем более детали, скорее всего, еще очень долго будут оставаться предметом споров. И это в немалой степени объясняется спецификой дошедших до нас письменных источников: их краткостью, неодновременностью описываемым событиям, характером самих «ученых» трудов и н. др. Эпиграфические же документы тех же десятилетий по причинам «негативности эпохи» крайне малочисленны

и малоинформативны. Немногим лучше обстоит дело с археологическими свидетельствами. Хотя разнообразные материалы и наблюдения, относящиеся именно к этому периоду, уже весьма обширны, их датировка, а, следовательно, интерпретация в кругах специалистов вызывают споры и неоднозначные выводы. И это — в третьих. Наконец, поставленные в заглавие слова, скорее «заявка» в духе современных представлений, нежели реальные разработки и планы древних штабов и историографов. (Впрочем, теоретики военного дела, уже тогда чаще всего работали в тиши «кабинетов», а тем немногим, кто действительно отличился на поле брани, как правило, было не до этого.) И если династическая и политическая история Боспора в указанное время, а равно и состояние его экономики, финансов, торговли уже неоднократно становились темой многих исследований, то чисто военной стороне событий внимания уделялось недостаточно. И дело даже не в том, что не фиксировались или мало публиковались соответствующие находки. Не получал убедительного разрешения, впрочем, и не ставившийся вопрос о причинах того военного краха, который неизбежно повлек за собой череду всех прочих событий, явлений и факторов, которые в сумме принято считать глубоким общегосударственным кризисом. (Военный разгром, вражеская оккупация, прекращение повсеместного функционирования прежних государственных институтов, династической традиции, чекана монет, нарушение финансово-экономических связей, территориальная дезинтеграция, психологические и демографические потрясения, этнические конфликты, упадок общей культуры и т. п. Каждый из этих «пунктов» неоднозначен, требует ряда уточнений, анализа и т. п.)

Нет сомнений, что ему, в свою очередь, также предшествовала определенная событийная ситуация, вернее, накопление целого ряда факторов, переломить отрицательное действие которых на Боспоре в силу ряда причин не смогли. Наше почти абсолютное незнание конкретики той отдаленной эпохи не позволяет даже поставить вопрос о чьей-либо или какой-либо ответственности. Ясно лишь, что Боспор как одно из немногих т. н. периферийных государств античного мира неизбежно был вовлечен в общий «водоворот» событий и процессов, известных нам как военно-политический кризис Римской Империи. (Вопрос о более широкой характеристике этого явления оставляем как спорный «за скобками».)

Не будем забывать, что и в политическом, и в финансовом, и в военном, и в немалой степени в экономическом отношении Боспор к этому моменту уже довольно длительное время зависел от Рима, оставаясь все же вне официальных границ Империи и сохраняя, видимо, многие специфические черты своей политической и военной организации, культуры и т. д. Естественно, и в их истории, вер-

нее, в истории общего кризиса, помимо его синхронности, можно без труда выявить ряд схожих моментов. И, наверное, на первое место здесь стоит поставить внешнеполитические перемены, на которые не было быстро дано адекватного ответа.

В самом деле, вплоть до второй трети III в. н. э. и Риму и Боспору приходилось иметь дело в целом с традиционными противниками на всех своих рубежах. Причем традиционными как по наименованию и этносу, так и по их социально-экономическому укладу и военной организации. Именно с учетом этого сложилась и худо-бедно функционировала на протяжении почти трех веков вся система обороны границ, организации войск и их обеспечения, соответствовавшая этому финансовая и хозяйственная структуры. В этом же плане следует рассматривать и господствующую военную доктрину. Основы ее в Римском государстве эпохи принципата были заложены Августом. В целом, в основе ее лежала идея активной (стратегической) обороны на наиболее приемлемых с тактической точки зрения рубежах и посылно активное вмешательство, чаще всего в форме реакции на те или иные события на сопредельных территориях. (Разумеется, это вовсе не значило, что все это проводилось в жизнь одинаково последовательно, сознательно и без отклонений. Кроме того, весьма существенным моментом римской военной истории этого периода оставались периодически (но все чаще) вспыхивавшие гражданские войны. И следовательно, данный «сюжет» постоянно «подспудно» присутствовал в системе комплектования, элементах воинского менталитета, правовом статусе воинов, тактических «разработках» высшего и низшего звена офицерского корпуса и т. п.) В организационном плане такая доктрина опиралась на особую территориально-инженерную систему дислокации войск, получившую наименование «Римского лимеса».

И хотя обо всем этом относительно Боспора I в. до н. э. — III в. н. э. мы знаем несравненно меньше, кое-что здесь все же можно сказать. Вероятно, основным, но не главным по своему значению и ударной силе армейским контингентом являлись т. н. военные поселенцы, размещенные, точнее, расселенные в нескольких десятках разнотипных и неодинаковых по площади сельских поселений, расположенных на территории т. н. царской хоры. Эти царские земли располагались в основном на периферии государства и, следовательно, охрана границ в основном возлагалась на эти полувоенные формирования. Наиболее состоятельные слои боспорского общества, вероятно, в соответствии с прежними восточно-эллинистическими традициями, должны были служить основой самой боеспособной части армии: ее тяжелой кавалерии. Должно отметить, что и первые, и вторые по своей этно-культурной характеристике, скорее всего, не были однородными. Но это вовсе не означало их непривер-

женности общегосударственным, в данном случае — общебоспорским интересам. Не исключено, что существовали и иные подразделения, например: тяжелой регулярной пехоты, обученной и вооруженные по римскому образцу. Возможно, были какие-то «союзные» отряды, время от времени нанимавшиеся (или нанимаемые) на службу, и другие контингенты. Оборона, по крайней мере, западных рубежей в немалой степени напоминала британский или дунайский лимес. На востоке — картина менее ясна. Может быть, она отчасти соответствовала африканскому варианту имперского лимеса. Кое-какие данные о боспорском вооружении и фортификации этого времени отчасти помогают составить представление о тактической стороне военного дела.

Военно-дипломатическая история Боспора в предкризисный период отчетливо делится на два этапа. Первый — можно с полным основанием считать вполне успешным и даже впечатляющим. Судя по тому, что нам сообщают надписи и отчасти археологические свидетельства, при царе Савромате II (последняя четверть II — первое десятилетие III в. н. э.) на западе, вероятно, завершилось многовековое противостояние боспорян и т. н. поздних скифов. Почти вся Таврика оказалась под властью или под контролем Боспора. По-видимому, относительно спокойно было на востоке. Правда, война со скифами, вероятно, потребовала на каком-то этапе усилий и в области фортификации. Во всяком случае, мы, кажется, имеем пример строительства целого городка в глубине дальней хоры. (Речь идет о т. н. Савроматии — быть может, городе-ставке.) Были достигнуты и иные успехи, в том числе и на Черном море. Отметим, что при этом оказались разгромленными или ослабленными традиционные, старые противники.

Второй период — несколько последующих десятилетий, примерно с середины 30-х гг. III в. н. э., а скорее всего, и несколько ранее, условно можно назвать «военной тревогой». Видимо, начавшееся передвижение готских племен к северному побережью Понта уже затронуло сопредельные с Боспором народы (этноты). Нарастание военной опасности заставило наращивать усилия в области обороны. Так, мы достоверно знаем лишь о нескольких, но весьма показательных строительных, фортификационных работах, причем в первую очередь — на ряде пограничных пунктов и в городах. Отчетливо заметны аналогичные меры и практически на всех поселениях европейской хоры государства. Наша соответствующая информация об азиатском Боспоре менее определена. Судя по всему, реакция военных специалистов была вполне в духе прежних традиций и опыта. (Мы имеем в виду известное изречение о том, что генералы всегда готовятся к проигранной или, по крайней мере, прошедшей войне.)

Однако первая волна варварского нашествия, как это ни странно, а может быть, в силу именно неведомых нам причин, обрушилась на крайне юго-восточ-

ные районы Боспора. Около 239 г., как считается, была разгромлена Горгиппия — один из крупнейших боспорских городов. К этому же примерно времени относится и зарытие большинства монетных кладов III в. н. э. в данной части государства. Факт взятия и разрушения довольно сильно укрепленного античного города, подчеркнем, надежно зафиксированный впервые почти за два с половиной столетия его истории, весьма показателен. Через непродолжительное время (в 251 или 254 г. н. э.) та же участь постигла город — крепость Танаис. Совершенно очевидно, что за всем этим стоят оставшиеся неизвестными нам, что естественно, военные поражения и беспомощность противостоять некому, неизвестному прежде противнику с иной, незнакомой тактикой военных действий. Последовавшая в 50–70 гг. все того же века полная неразбериха т. с. в «высших эшалопах боспорской власти», частая смена правителей и главной «политической ориентации», следы общего упадка более или менее заметные в ряде отраслей хозяйства (временное прекращение монетного чекана) и, наконец, полный разгром в 267 г. большей части сельских поселений и крепостей в Восточном Крыму и последовавшее за этим участие боспорского флота в антиримском походе варваров в Закавказье и Малую Азию свидетельствуют, что военная система Боспора явно оказалась в самом плачевном состоянии. Мы совершенно не знаем многих деталей военной истории этого периода, но, несомненно, все прежние стратегические «построения» оказались несостоятельными. Удары противника приходились там и тогда, где и когда их менее всего ожидали; его тактические приемы и, видимо, вооружение и манера ведения военных действий, а равно цели и задачи военных операций сильно отличались от того, к чему были привычны командиры, рядовые и «генералы» боспорян. Вся прежняя военная организация и тем более стратегия оказались совершенно устаревшими. Временный разрыв с Римом (после 249 г. Боспор перестал получать денежные субсидии) довершил этот крах. Перестроиться, приспособиться в данной области к новым вызовам и реалиям в течение какого-то времени просто не успели и не смогли. Кризис к концу 60-х годов достиг своего апогея. Для его преодоления потребовалось несколько десятилетий. Армия и вся военная теория и практика Боспора в конце III в. н. э. и особенно в последовавшие два–три века были уже совсем иными, впрочем, как и в Римской, а затем Восточно-Римской Империи. Какими? Скорее всего, более простыми, мобильными и менее затратными, более дипломатически обеспеченными, и скорее «варварскими», чем античными. Не исключено, что это помогло Боспору, как и Риму в целом, справиться с гуннской угрозой. Деталей этих перемен, как уже писалось, мы почти не знаем. Известно только, что следующий, и на сей раз окончательно смертельный военный удар Боспор получил в третьей четверти VI в. н. э. и вновь от

совершенно нового противника, на сей раз тюркских племен.

Так в чем же крылась основная причина кризиса античного военного дела в «центре» и на «периферии», как, впрочем, и в целом ряде других областей жизни этого общества? Думается, мы имеем здесь дело с действием одного из фундаментальных законов мирового бытия. Бытия в самом широком смысле этого слова, а следовательно, должны оперировать не столько привычными историко-археологическими, сколько философскими категориями и понятиями. Суть нашего объяснения в таком случае можно свести к следующему. Всякому явлению физического, биологического или социального плана, как известно, непременно присуще развитие от простого ко все более и более сложному, движение к максимально оптимальной, завершенной форме, выражению, структуре и т. п. В процессе этого в непрерывной борьбе идет совершенствование того или иного явления, постоянный информацион-

ный обмен, внутреннее саморазвитие и т. д. Но на каком-то этапе искомая, желаемая «вершина совершенства» достигается и данная структура уже не способна к саморегуляции, обмену, теряет «жизненную силу», способность противостоять новым или просто иным вызовам, инновациям и информационным нововведениям. Период стагнации, застоя не может быть слишком долгим. (Разумеется, ход «событий» в разных системах совершенно различный.) Вся «система» рушится, уступая новым явлениям. Так, казалось бы, добившись некоего искомого совершенства, проделав долгую и подчас мучительную эволюцию, обогатив мировую военную науку и практику очень многими достижениями античное, в первую очередь, римское военное дело и практика «ранней империи» неожиданно быстро рухнули, уступая место иной военной организации, основанной на несколько других принципах. Нечто подобное же имело место и на Боспоре в рассматриваемое время.

Бутягин А. М. (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ РАЗРУШЕНИЯ АНТИЧНОГО МИРМЕКИЯ

В ходе исследований 30–60-х гг. XX в. на городище Мирмекий, расположенном на берегу Керченского пролива, выяснилось, что античное поселение прекратило свое существование в III в. н. э. Дополнительные исследования 80–90-х гг. XX в. позволили предположить, что в римское время Мирмекий не представлял собой города: оборонительные стены отсутствовали, а отдельно стоящие дома были сильно укреплены, образуя небольшие сильно защищенные усадьбы. В ходе исследований периодически возникали подозрения в том, что присутствие жителей на городище сохранялось и в IV столетии, однако, колебания в датировке амфорной керамики не позволяли подтвердить или опровергнуть это мнение.

В настоящий момент строительную ситуацию при сооружении построек римского времени можно представить следующим образом. По всей видимости, насчитывается как минимум два строительных периода в существовании построек, открытых в этом сезоне на участке «Т». Первоначально на этой территории возник строительный комплекс, включавший в себя три постройки. Вероятно, в ходе строительства этого комплекса была засыпана глубокая балка к северо-востоку от построек и на ее месте построен капитальный колодец (или цистерна для воды), обнаруженный при исследованиях 2000 г. Этот период характеризуется более-менее аккуратными кладками с частым использованием архитектурных фрагментов, которых в кладках отмечено более десятка. Судя по всему, территория вокруг колодца в силу мягкости грунта использовалась не для строительства, а для других хозяйственных нужд (там была обнаружена печь, черепяная вымостка и несколько каменных вымосток неясного назначения). Вероятно, эти постройки могут быть датированы второй поло-

виной II в. н. э. или началом III в. н. э. В какой-то момент происходит капитальная перестройка, вызванная частичным разрушением или временным оставлением открытых зданий. Все сооружения на участке разрушаются ближе к концу III в. н. э. На эту дату указывает как керамический комплекс, так и найденная в слое развала сырцовых стен монета Фофорса. Это одна из позднейших монетных находок на памятнике. Следует отметить, что хотя постройки погибли в пожаре, однако были оставлены без особой спешки, так как все ценные предметы были забраны, остались только крупные керамические сосуды и ящик (мешок) с грузилами, не представлявшие особой ценности.

Особенно интересно, что в керамическом комплексе крайне невелик процент «мусорного» материала. Профильные фрагменты амфор (за исключением развалов *in situ*) можно пересчитать буквально по пальцам. Все это позволяет уверенно утверждать, что после разрушения домов (не исключено, что они были подожжены уходившими хозяевами), никто не использовал образовавшиеся котлованы для сброса мусора. Это однозначно свидетельствует о полном прекращении жизни на городище, т. к. ближайшие по времени слои относятся уже к VIII–IX вв. н. э. Точные причины оставления городища неизвестны, но можно предположить, что, находясь в состоянии постоянной варварской опасности, жители не укрепленных стенами поселений постепенно мигрировали под защиту фортификации крупных центров (в данном случае Пантикапея). Оставление Мирмекия, таким образом, является частью процесса коллапса сельской территории Европейского Боспора во второй половине III–IV вв. н. э.

БЕЛОЗЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ ПАМЯТНИКОВ

В современной античной археологии отмечается повышение интереса к региональным исследованиям, в том числе и тех территорий, где полис не был доминирующей формой политического устройства.

Информация о памятниках в юго-западной части Нижнего Поднепровья, исследованных в контексте общей ситуации, прослеженной на сельской территории античных городов, дополняет археологическую картину существования разных групп населения как в границах полисов, так и в районах, к ним прилегающих. В указанном регионе раскопки проводятся сейчас только на Белозерском поселении (экспедиция Херсонского госуниверситета).

Общая площадь основного раскопа IV в настоящее время составляет 2150 м². В стратиграфии прослеживается: поздний переотложенный слой, ранний желтоглинистый слой, прослойки, образование которых связано с разрушением сырцовых строений, пожарами, перекопами, выбросами золы; выделяются два периода застройки. В раскопе выявлены 80 грунтовых объектов, частично сохранившиеся участки каменных кладок и полов наземных построек, остатки вымосток дворов. В каменно-сырцовом домостроительстве применялась постелистая система кладки, имеющая находки камней с пазами для установки деревянных столбов и косяков, большим количеством фрагментов и целыми экземплярами представлена кровельная черепица. Линейные размеры соответствуют аттическому футу. Выразительны хозяйственные помещения — погребя и ямы большой вместимости, подвалы, цистерна с нишами, облицованная специальным раствором. Производственные объекты не выявлены.

Среди находок представлены все виды материалов, встречающиеся на сельскохозяйственных поселениях античной культуры: многочисленная тара, включая пифосы, строительная керамика, разнообразная чернолаковая и простая кружальная посуда, бытовые и туалетные сосуды, светильники, лепные сосуды, терракота, монеты, графиты и дипинтии, бытовые изделия из металла, камня, глины, кости, стеклянные и металлические украшения; значительную часть находок составляет импорт. Найденные материалы освещают хозяйственную деятельность, дают возможность выделить периоды существования, установить хронологию и проследить довольно быстрые изменения в жизни этого сельского населения, выявить индивидуальные особенности поселения на фоне окружающих памятников.

Белозерское поселение существовало приблизительно сто лет — от второй четверти IV до конца первой четверти III вв. до н. э. Сельскохозяйственные занятия населения в сочетании с рыбной лов-

лей и домашними промыслами, участие во внутренней торговле Ольвийского полиса позволяли жителям населения существовать вполне благополучно. В последней четверти IV в. до н. э. была осуществлена большая перестройка после пожара и разрушений, причина которых неизвестна, как неясны пока и причины прекращения здесь жизни. В результате работ последнего сезона возникло впечатление каких-то трагических событий, но их конкретизация — дело будущего. В отличие от прежних представлений о более длительном существовании поселений к востоку от Ольвии, выяснилось, что они прекращают существование раньше, чем те, что расположены западнее. Не исключено, что Белозерское поселение оказалось на пути скифов, перемещавшихся в Нижнее Поднепровье именно в первой половине III в. до н. э. Если же связать пожары, завершившие первый период жизни на поселении, с находками наконечников стрел и конской узды скифских типов, то можно предположить и более раннее вторжение кочевников — в начале последней четверти IV в. до н. э.

Памятник относится к тому виду сельских поселений, включающему ряд жилищно-хозяйственных комплексов, которые интерпретируются как места проживания членов соседских общин, возможно, выплачивающих форос полису. Все археологические признаки, выделенные для античных сельских поселений, на нашем памятнике присутствуют. Общегреческий характер материальной культуры не дает оснований для выводов об этническом составе населения. Особенностью Белозерского поселения является относительная зажиточность его обитателей. Это должно было быть свободное население эллинской культурной традиции. Вопрос же о вхождении его в полис только на основе археологических данных решаться не может.

Тип домостроительства совмещается с периодизацией, предложенной С. Д. Крыжицким для Северо-Западного Причерноморья. Первый строительный период на Белозерском поселении соответствует второй половине второго этапа, который характеризуется формированием жилых комплексов сельских поселений. Второй строительный период соответствует третьему этапу — времени расцвета, характеризующемуся увеличением объема строительства как в городе Ольвии, так и в округе. Планировка и виды жилых и хозяйственных построек аналогичны обнаруженным на территории Нижнего Побужья на синхронных памятниках. Целесообразно сравнение с одним из наиболее отдаленных к северу от Ольвии поселением Сиверсов Маяк, исследовавшимся в течение нескольких сезонов. На большей раскопанной площади там обнаружено меньшее количество строительных объек-

тов, причем хозяйственные сооружения менее разнообразны и имеют меньшие размеры. Все виды находок совпадают с нашими, включая соотношение амфорной тары разных центров, но на Белозерском поселении материал многочисленнее и разнообразнее. Совпадает также хронология строительных периодов. Наблюдается подобное совпадение

и с другими памятниками — не только в Побужье, но и в Северо-Западном Крыму. Большие строительные работы, проведенные синхронно на нескольких поселениях, могут быть показателем их вхождения в одну систему или же отражать сходную реакцию населения на события, происходящие в этой части Причерноморья.

Болгов Н. Н. (Белгород)

О СИРИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЯХ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Сиро-палестинский регион сыграл важнейшую роль в переходных культурных процессах между античностью и средневековьем и в формировании культурного комплекса ранней Византии. Сирийское влияние прослеживается во многих областях жизни Восточного Средиземноморья. Не избежали этого и позднеантичные центры Северного Причерноморья — Херсонес и Боспор.

Сирия оставила значительное письменное наследие, включая теологическое (Ефрем Сирийский) и историческое (Иешу Стилит, Иоанн Малала и др.). Антиохия — столица Востока, символ греко-восточного синтеза, ставшего одним из важнейших пластов византизма. Сирия сыграла выдающуюся роль в формировании христианской иконографии, включая книжную миниатюру (евангелие Раввулы, 586 г.). Не подлежит сомнению и важная роль сиропалестинского региона в развитии ремесла и материальной культуры эпохи. Многие святые, чья жизнь и деяния описаны в произведениях агиографии, связаны с Сирией.

Фокусом, где соединялись и смешивались различные волны, образовавшие византийскую культуру, был, бесспорно, Константинополь. Сирийская струя здесь достаточно четко выражена. И, по всей видимости, именно отсюда шли в Таврику разнообразные сирийские культурные влияния. Вторым направлением этих посреднических влияний была Малая Азия. Какой из данных путей был важнее, сказать сложно, но можно предположить более заметную роль Константинополя, через который шло большинство торговых и прочих контактов на периферию, не исключая и Северного Причерноморья.

В материальной культуре позднеантичных центров региона можно с уверенностью проследить определенные сирийские влияния, краткий обзор которых представлен ниже.

В храмовом зодчестве Северного Понта, прежде всего Херсонеса, довольно четко просматриваются сирийские влияния. Это относится к триконхальным апсидам (И. А. Завадская), купелям в апсидах. «Храм с ковчегом» на месте античного театра был выстроен в виде свободного креста. Это очень типично для Сирии и Палестины (а также Малой Азии) VI–VII вв. Южнее «храма с ковчегом» в V–

VI вв. располагался «храм 1958 г.», по форме близкий сирийским мавзолеям того же времени.

В мраморной декорации храмов сирийский (греко-восточный) зубчатый аканф с двумя ярусами (феодосианская капитель) был доминирующим мотивом в ряде провинций до VII в. В Херсонесе образцами такого рода могут служить известные капители «базилики 1935 г.».

Мозаичный пол из Уваровской базилики включает сирийское имя Малх в надписи. Оно здесь появляется не случайно и обнаруживает определенное влияние сиропалестинского региона.

Росписи склепов Херсонеса имеют определенные аналогии с памятниками христианской живописи Дура-Европос, что позволило А. Е. Филиппову увидеть в первых локальный вариант сиропалестинского ранневизантийского искусства 2-й половины IV–начала V вв.

В тореvтике наиболее знаменито известно блюдо из Керчи с изображением императора Констанция. По мнению И. П. Засецкой, оно изготовлено в Антиохии, а костюм императора обнаруживает ощутимые восточные влияния. Серебряный ковчег из одноименного храма имеет изображения святых Сергия и Вакха, центром культа которых, как известно, был Сергиополь в Сирии.

Из Керчи происходит ряд произведений прикладного искусства, в том числе известная сирийская пиксида. Медный крест-энколпион сирийского производства (для ношения святынь), датированный VI в., был найден на Ильичевском городище на Боспоре (Фанталовский п-ов). Сцены из Св. Писания, изображенные на некоторых сосудах, происходящих из Херсонеса и Боспора, характерны для Сирии и Малой Азии.

На одной из херсонесских статуэток изображено сиденье с диагональной плетенкой. Это исключительно сирийская деталь, не имеющая аналогий в памятниках из других провинций.

Особенно показательны стеклянные изделия, одним из важнейших центров производства которых была Сирия. Общие тенденции в развитии стекла во 2-й пол. III–IV вв.: утилитарность сосудов из Восточного Средиземноморья сменяется вычурностью. На первый план выдвигается декоративность. В импорте стекла сирийская струя

ощущается очень мощно уже в римский период (первые века н. э.). Для периода конца III–VI вв. сирийский импорт очень представителен. Это фигурные кувшины, бутылки, флаконы, бальзамарии, сосуды с рельефным орнаментом, кубки, лампы, блюда с росписью, чаши и пр. В Эрмитаже к сирийскому стеклу данного времени относятся несколько десятков сосудов. Часть этих предметов открыта непосредственно в Северном Причерноморье, часть поступила из различных музейных коллекций.

Отдельная страница — церковные связи. «Жития епископов Херсонских» указывают на Иерусалим в качестве источника миссии в Херсонес. Дос-

товерность связей этого рода в литературе давно оспаривается, но источник говорит об Иерусалиме вполне определенно, чего нельзя не учитывать в определенном историческом контексте.

Итак, Северный Понт, входя в состав империи лишь номинально и будучи удален от ее центральных провинций на весьма значительное расстояние, находился всецело в русле процесса культурного континуитета между античной и византийской эпохами. Об этом говорит присутствие в Херсонесе и на Боспоре заметного пласта сирийских культурных влияний, являвшихся одной из важнейших составных частей процесса формирования ранневизантийской культуры и искусства.

Чиглицев Е. А. (Казань)

ГАЙ ЦИЛЬНИЙ МЕЦЕНАТ И МЕЦЕНАТСТВО: АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ПОЗДНЕЙШЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В основе меценатства как социокультурного феномена эпохи Возрождения и последующих столетий лежит некоторая античная традиция, которая относится к самому Меценату, его деятельности и позволяет высказать некоторые предположения, почему имя этого человека стало нарицательным.

Гай Цильний Меценат проявил себя как государственный деятель, как друг и соратник Октавиана Августа, как покровитель искусств и патрон ряда выдающихся поэтов своего времени, наконец, как литератор. О государственных поручениях, дававшихся Меценату Октавианом, сообщают Плиний Старший (Hist. Nat. XXXVII, 10) и Дион Кассий (LI, 3). Они говорят о перстне со сфинксом, который был доверен Меценату и Агриппе на время отсутствия Октавиана в Риме. Веллей Патеркул, который в политической жизни рисует деятельность Мецената на противопоставлении *virtus* и *fortuna*, упоминает, что Меценат сумел предотвратить очередной заговор (Vell. Pat. LXXXVIII, 2).

О доверительности отношений между Августом и Меценатом свидетельствуют отрывки из писем Августа к Меценату (Svet. Gor. 3–4). Сенека в «Письмах к Луцилию» отдает должное натуре Мецената: «От природы он был велик и мужествен духом...» (Epist. XCII, 35). Однако большинство авторов подчеркивают и склонность к изнеженности и праздности, которые проявились в характере Мецената. Не случайно, видимо, в литературе идет разговор об эпикуреизме Мецената как основе его образа жизни и деятельности. Очень важной чертой личности Мецената является его эллинизированность. Рикардо Аваллоне называет его «эллинизированным римлянином», а Гораций в одной из од говорит о нем как о знатоке греческого и латинского языков (III, 8, 5).

Литературное творчество Мецената, по-видимому, не имело какого-либо самостоятельного значе-

ния, хотя Сервий, самый полный античный комментатор Вергилия, замечал: «Известно, что Меценат был умелым писателем и создал много творений» (Serv., ad Verg. georg., II, 42).

О дружеских отношениях с поэтами свидетельствует Светоний (Verg. 13; 37; Gor. 1; 8). Однако другие авторы о покровительстве Мецената поэтам особо не распространяются. Славу Меценату как меценату создали, пожалуй, сами поэты. Вергилий обращает к Меценату свои «Георгики» (Georg. I, 1; II, 39–41; III, 41–43), приводя развернутую аллерию, сравнивая деятельность Мецената с работой рачительного садовода, ухаживающего за каждым деревом и каждым ростком. В «Одах» Гораций ценит Мецената как человека просвещенного, благосклонность которого наполняет поэта гордостью. В одной из «Сатир», выказывая презрение к оценкам со стороны своих литературных врагов, Гораций называет Мецената среди тех, чьим мнением он действительно дорожит:

Основанием для превращения имени Мецената в нарицательное можно считать известное высказывание Марциала: «Был бы у нас Меценат, появились бы тотчас Мароны». Между тем, Вергилий был открыт другим ценителем искусств — Азинием Поллионом. Был в это же время и другой кружок поэтов, который сформировался вокруг Мессалы. Почему же не их имена стали нарицательными для обозначения интересующего нас явления?

Первое, что бросается в глаза — и Азиний Поллион, и Мессала, в отличие от Мецената, занимали в какой-то момент официальные должности. В частности, каждый из них был в разное время консулом. Меценат же, несмотря на то, что всегда был рядом с Октавианом, никогда не занимал официальных постов.

Второе, что тоже не может не обратить на себя внимания, в отличие от Мецената, Азиний Полли-

он и Мессала некоторое время находились в тесном контакте с противниками Октавиана: Мессала в войске Марка Брута в битве при Филиппах, а Азиний Поллион был известен как сторонник Цезаря, а затем Антония, с приходом к власти Октавиана удалившийся от политической деятельности.

Возможно, прежде всего, именно эти обстоятельства делают фигуру Мецената особенной в жизни Рима времен Октавиана. Меценат — одна из знаковых фигур своего времени, символ культурной политики Августа.

Таким образом, если мы оперируем понятием меценатство, связывая его происхождение с конкретным образом конкретного человека в определенных социокультурных условиях, то комплекс параметров будет выглядеть так:

1. Наличие богатства, не нацеленного на рыночное использование.
2. Наличие личного авторитета и доверия властей, в том числе и в связи с происхождением (знатное этрусское происхождение Мецената подчеркивалось всеми авторами). Активная политическая деятельность в интересах государства при отсутствии официальных постов.
3. Осознание необходимости всемерной поддержки выдающихся деятелей культуры абсолютно

бескорыстно или в расчете, в основном, на моральное вознаграждение и участие в формировании и осуществлении официальной культурной политики своего времени.

4. Наличие хорошего образования, художественных способностей, позволяющих самому проявить себя в творчестве и оценить талант другого.
5. Сочетание целого ряда психологических параметров, позволяющее осуществлять коммуникацию и в элитной, и в творческой среде, и отсюда дружеские, неформальные, не укладывающиеся в представления о клиентеле или простом патронаже связи с деятелями культуры.

Именно такая структура понятия «меценатство» следует из анализа материалов, связанных с человеком, давшим свое имя этому явлению. На мой взгляд, говорить как о меценатах в исконном понимании этого слова, можно, например, по отношению к представителям клана Медичи во Флоренции. Более того, их деятельность позволяет говорить именно о прямой рецепции ими меценатства из античного наследия. Наиболее распространенное же употребление термина «меценатство» по отношению к русским благотворителям XIX–начала XX вв. имеет не античные корни, а скорее связано уже с восприятием традиции итальянского Возрождения.

Дементьева В. В. (Ярославль)

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ «СОЦИОЛОГИИ ГОСПОДСТВА» МАКСА ВЕБЕРА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается всплеск методологического интереса романистов к веберовской «социологии господства», и особенно к концепции «харизматического господства». Опубликованные в 2000–2002 гг. исследования М. Зукале, А. Винтерлинга, К. Хачера являются наглядным свидетельством этого.

М. Вебер выделил три «чистых типа» легитимного господства «легальное господство», «традиционное господство» и «харизматическое господство». Если «рациональная» и «традиционная» — это «обычные» формы господства, то «харизматическая» является необычной, необыкновенной его формой. Харизматическая форма, также как и традиционная, носит персональный характер. Таким образом, легальное господство — «обычное-неперсонифицированное», традиционное — «обычное-персонифицированное», харизматическое — «необычное-персонифицированное».

Анализ, проделанный современными исследователями, показывает, как исторический материал античного Рима заставлял Вебера шлифовать свою теорию, и одновременно — как эта теория дает ключ к углублению понимания римских политических реалий. Да и сама она как объект исследования не перестала быть интересной специалистам. Не со всеми из предложенных современными романистами

трактовок (как содержания самой теории М. Вебера, так и ее применения к римскому материалу) мы можем согласиться. Однако следует подчеркнуть, что проанализированные исследования дали, безусловно, новые научные знания.

К. Хачер приходит к утверждению, что Римская республика имела шесть кризисов, в ходе которых выдвинулись шесть политиков и полководцев, отвечающих веберовским характеристикам харизматического вождя: 1. Война с Ганнибалом: Сципион Африканский; 2. Военные вторжения германцев: Марий; 3. Союзническая и первая гражданская войны: Сулла; 4. Война с пиратами и война на Востоке: Помпей; 5. Вторая гражданская война: Цезарь; 6. Третья гражданская война: Октавиан (Август). Все шесть названных политических деятелей были «харизматическими вождями», отмечает К. Хачер, но только Сулла и Цезарь стали «харизматическими господствующими». Интерпретация конца Римской республики как «харизматического века» позволяет, по мнению К. Хачера, найти выход между Сциллой тенденции детерминированного объяснения его как «кризиса без альтернативы» и Харибдой анахронистичного определения как «революции». Концепция М. Вебера дает эвристическую модель, применение которой, — отмечает К. Хачер, — ни заставляет признавать необходимость

заката республики, ни будит невольные ассоциации с современностью.

Признавая убедительность многих положений книги К. Хачера, отметим как отрядный факт, что ему во многом удалось избежать прямолинейности при «наложении» веберовской модели «харизматического господства» на исторически воссоздаваемые реалии Римской республики и продвинуться вперед в разработке методики применения веберовской методологии. Но мы хотели бы заметить следующее. Римская государственность в течение многовекового своего развития была столь вариативна и столь многогранна на каждом хронологическом отрезке, что дает массу конкретных фактов для любых социологических конструкций, в том числе и для различных веберовских построений. Это утверждение блестяще иллюстрирует статья А. Винтерлинга. Веберовская характеристика управления *res publica*, пишет, в частности, А. Винтерлинг, вступает в противоречие с основными посылами его социологии господства, которые структурное своеобразие политического порядка определяют через отношения приказ–подчинение. Попытку М. Вебера объяснить тип «господство носителей почестей» (*Honoratiorenherrschaft*) как специфическое для Рима управление, которое в конце концов характеризуется как «чуждое господству» (*Herrschaftsfremde Verbandsverwaltung*), А. Винтерлинг находит весьма показательной. Изменение Вебером понятия *Honoratiorenherrschaft*, «господство носителей почестей», превращение его применительно к Римской республике в «управление носителей почестей» (*Honoratiorenverwaltung*) в последней редакции «социологии господства» подтверждает, прежде всего, осознание, что речь идет не о типе господства в собственном смысле этого слова, что отсутствуют элементы отношений господства в авторском (веберовском) его понимании.

Работы А. Винтерлинга и К. Хачера показывают и противоречия в элементах, составляющих «социо-

логию господства» М. Вебера, и пути их преодоления. Мы считаем принципиально значимыми наблюдения К. Хачера о «генуинной харизме» как основе «необычного харизматического господства» (чистый тип «харизматического господства») и «овеществленной харизме» как основе «обычного» господства, реализуемого в легальном и традиционном «чистых типах» господства. Но если римская республиканская история была проанализирована К. Хачером под углом веберовской методологии в отношении «чистого типа харизматического господства», то не менее любопытным является, на наш взгляд, анализ политической системы римской *civitas* с точки зрения проявлений «овеществленной харизмы». Нам представляется, что в период ранней Республики «материализация харизмы» в веберовском смысле (и в качестве «харизмы рода», и «харизмы должности»), превращение ее в «обычную», было существенной чертой общественно-политической жизни гражданского коллектива римской общины, и теоретический инструментарий Вебера при ее исторической реконструкции может оказаться весьма научно плодотворным. Пока он в данном отношении востребован явно недостаточно.

Главным теоретико-методологическим вкладом М. Вебера явилось создание идеально-типического метода анализа исторического материала. Естественно, что высокая степень научной абстракции, свойственная категориальному аппарату М. Вебера, не обеспечивает полного совпадения его модели и любого исторически реконструируемого объекта. Расхождения всегда будут более или менее значительными. Жизнь всегда богаче схемы, но без схематизации, без сведения к главному (в данном случае — к выделению типического) не выявить суть. Метод, предложенный Вебером, и основанная на нем типологизация господства, как показывают современные исследования романистов, себя далеко еще не исчерпали.

**Мартемьянова Н. С.,
Мартемьянов А. П. (Харьков)**

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛГАРИИ второй половины XX в.

Чтобы получить конкретное представление о месте античного наследия в современном мире, необходимо определить реальное отношение к реминисценциям античной эпохи *каждого* народа, которому приходится сталкиваться с ними в повседневной жизни. Обильный материал для размышлений на эту тему дает ознакомление с ситуацией в Болгарии. В древности историческое развитие восточнобалканских земель более тысячелетия во многом определялось вначале наличием там греческих колоний, а затем и включением всей этой территории в состав Римской империи. Впоследствии важную роль в процес-

се формирования болгарской народности сыграл позднеантичный этнический субстрат — население, унаследовавшее от предков многие фракийские и греко-римские традиции. Этим объясняются античные корни ряда болгарских обычаев и праздников, причем некоторые из них носят общенародный характер. Однако, на наш взгляд, отношение населения Болгарии к наследию античной эпохи определяется прежде всего популярностью античных сюжетов в современной художественной культуре.

Устойчивый интерес к античной тематике проявляет болгарский *драматический театр*. Так, рестав-

рированный античный театр древнего Филиппополя в 80-е гг. XX в. стал местом постановок «Медея» Еврипида Пловдивским драматическим театром (реж. Л. Гройс), Л. Даниел поставил в Бургасском драматическом театре спектакль «Сизиф и Смерть». Особенно же показательным представляется то, что к античным сюжетам в последние десятилетия неоднократно обращался, разумеется, учитывая вкусы своей основной аудитории Софийский народный театр молодежи. На его сцене прошли, в частности, драмы «Эзоп» и «Сократ» Ж. Фигейреду (реж. Н. Люцканов), а также «Електра» Софокла. Для работы над постановкой этой классической трагедии был приглашен греческий режиссер Т. Музенидис, ранее поставивший в Софийском народном театре «Иван Вазов» другую драму Софокла — «Антигону».

Общие принципы сюжетного построения и характер персонажей трагедии Софокла легли в основу первой болгарской оперы на темы современности — «Антигону-43» (музыка Л. Пипкова, либретто В. Башева и П. Панчева), считающейся классическим произведением музыкального искусства Болгарии. Известны в истории болгарской музыки и другие интересные попытки переосмысления античных тем с позиций сегодняшнего дня, в частности, связанные с образом Прометея, причем, если основой Второй симфонии А. Райчева «Новый Прометей» стало стихотворение Хр. Смирненски, для которого Прометей был символом борьбы за свободу и счастье, то опера композитора Л. Николова «Прикованный Прометей» представляет собой опыт музыкального переосмысления и сценического воплощения идей Эсхила.

В болгарском балете большинство спектаклей на античные темы основано на музыке зарубежных композиторов — «Дафнис и Хлоя» М. Равеля (балетмейстер Б. Ковачев), «Марсий» Т. Хаджидакиса, «Медея» по одноименной сюите С. Барбера (хорео-

графия Р. Ману) и др., но есть и хореографические постановки на музыку болгарских авторов, например, балет «Орфей и Родопа» Цв. Цветанова.

Орфей является одним из наиболее популярных античных персонажей в болгарском *изобразительном искусстве*. Его статуи работы Л. Далчева, К. Дамянова, Д. Докова и других мастеров установлены во многих городах Болгарии. Автором нескольких изображений Орфея (в Софии, Тырговиште, Ст. Загоре) является один из самых известных болгарских скульпторов В. Минеков. Ему же принадлежит заслуга создания памятника Спартаку в г. Сандански в Юго-Западной Болгарии — на гипотетической родине героя. Образы античных богов и героев неоднократно вдохновляли и мастеров болгарской монументально-декоративной живописи. Так, например, на переднем плане живописного настенного панно работы Д. Кирова «Из культурной истории Пловдива» в бывш. Партийном доме этого города находится изображение Орфея, а центральной объединяющей фигурой фресковой композиции Й. Левиева «Из экономической истории Пловдива» в Зале заседаний пловдивского отеля «Марица» является Меркурий. В ряду живописных произведений на античные темы следует также отметить выставленную в Разградской художественной галерее картину Й. Левиева «Битва под Абритусом», посвященную событиям 251 г.

Круг примеров обращения болгарских драматургов, композиторов, хореографов, мастеров изобразительного искусства к античным сюжетам может быть существенно расширен. Эти произведения на античные темы, несомненно, ориентированы на художественные вкусы современников, и их популярность позволяет говорить, что в наши дни многие болгары действительно проявляют неподдельный интерес к далекому прошлому, подтверждая тем самым репутацию Болгарии как «страны древней культуры».

Туманс Х. (Рига)

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ЛАТВИИ

Сегодня структура среднего образования в Латвии выглядит следующим образом: у нас принята концентрическая система, и в соответствии с этим 12-летний период обучения делится на три цикла: начальная школа (1–4 классы), базовая школа (5–9 классы, в ближайшем будущем 6–9 классы) и средняя школа (10–12 классы). После прохождения каждого цикла учащиеся проходят проверку знаний, а по окончании средней школы они сдают централизованный экзамен, результаты которого служат основанием для поступления в вузы страны.

Предмет истории преподается как в цикле базовой школы, так и в средней школе. Основные подходы к преподаванию истории в обоих циклах обу-

чения определяются европейскими стандартами. Принятие этих стандартов в отдельных случаях оказывается связанным с определенными трудностями. Так, например, до сих пор дискуссии в обществе вызывает тот факт, что история Латвии не преподается более как отдельный предмет, а включена в блок истории Европы. Здесь надо сказать, что вся история в программе средней школы условно делится на три блока: всемирная история, история Европы и история Латвии. Это не структурное, но тематическое деление, в рамках которого работает каждый конкретный учитель, определяя последовательность и пропорциональность преподавания материала по данным блокам.

Разработанный министерством образования стандарт представляет собой не расписанный тщательно по темам набор фактов, которые должен знать ученик, а только список обязательных тем, которые он должен изучить, и навыков, которыми он должен обладать после освоения данного курса. Тем самым учителю предоставляется свобода действий при изложении материала, его интерпретации и расстановки акцентов. Фактически учитель сам составляет программу своего предмета в соответствии с общими установками, заданными министерством. Стандарт министерства только требует от учителя выполнения установленных требований к объему и содержанию знаний и навыков.

Данная система опирается на распространенную в странах Европы концепцию организации преподавания истории. Суть ее вкратце сводится к трем основным принципам: 1) главный акцент в преподавании истории, в отличие от советской системы образования, ставится не на запоминании и повторении фактов как таковых, а на развитии у учащихся навыков работы с историческим материалом, т. е. навыков анализа и интерпретации фактов, аргументации собственного мнения и т. д.; 2) отсутствие одной «правильной», раз и навсегда заданной догматической схемы исторического развития и одной «правильной» интерпретации исторических фактов, что подразумевает плюралистичность подходов и сосуществование разных мнений; 3) исходя из того факта, что предмет истории во многом формирует мировоззрение учащихся, задачей преподавания истории ставится воспитание толерантной, демократически мыслящей личности. На этих трех фундаментальных принципах построен и латвийский стандарт по предмету истории в школе.

Стандарт для базовой и средней школы состоит из четырех частей: в первой указаны темы, которые должны быть изучены, во второй описаны навыки, которыми должны овладеть ученики в процессе обучения, в третьей — список понятий и терминов, которые должны знать учащиеся, и в четвертой указаны критерии и формы проверки знаний. Уровень требований, естественно, повышается при переходе из базовой школы в среднюю. Здесь не представляется возможным детально рассмотреть весь стандарт, но можно выделить основные моменты.

Концентрическая система обучения предполагает, что история древнего мира преподается как в базовой, так и в средней школе, причем естественно, что в последнем случае более углубленно. История древнего востока включена в блок всемирной истории и занимает относительно скромное место в рамках курса истории, поскольку этот курс включает в себя всю вообще историю, в том числе и историю Латвии, которой отводится 1/3 от всего объема материала.

Открывает древнюю историю тема древнего мира как такового и определение места этого пери-

ода в мировой истории. Затем рассматриваются основные цивилизации древнего востока и особенности государственного и общественного устройства в древневосточных цивилизациях, а также их вклад в развитие человечества.

По аналогичной схеме рассматривается история античности. История древней Греции и Рима изучаются в рамках концепции о единой античной цивилизации. Поэтому первая тема посвящена происхождению античной цивилизации и ее историческому развитию. Затем объясняется феномен греческого полиса, его политическое и социальное устройство. После этого рассматриваются завоевания Александра Великого и феномен эллинизма. При изучении истории древнего Рима акцент также делается на нескольких базовых темах. Их три: римская республика и ее социально-политическое устройство, римские завоевания и римская империя, христианство. Завершает цикл древней истории обзор достижений античной цивилизации и ее вклада в развитие человечества.

Общий дискурс для преподавания истории древнего мира в школе задается концепцией образовательного стандарта, который формулирует, например, следующие задачи предмета истории:

- дать основные знания по истории Латвии, Европы и всего мира;
- способствовать пониманию исторических процессов и сегодняшнего мира, изучая прошлое своего и других народов;
- развивать навыки работы с историческими источниками и навыки их анализа и интерпретации;
- развивать национальную и европейскую идентичность;

Следовательно, история древнего мира должна преподаваться в школе с учетом данных задач. Тем самым задается концептуальная рамка, на основе которой формулируются требования к учащимся и составляется список навыков, которыми они должны обладать. Требования эти касаются в основном понимания основных исторических категорий и умения работать с исторической информацией. Образовательный стандарт тщательно формулирует как навыки, так и категории понимания, которыми должны овладеть учащиеся.

Среди требуемых навыков можно выделить, например, такие как умение работать с текстами исторических источников, с другими источниками информации, умение отличать исторические факты от их интерпретации, реальные факты и вымысел, умение формулировать и обосновывать собственное мнение и т. д. В свою очередь, категории понимания описываются образовательным стандартом через несколько тематических блоков, например, таких как понимание истории как области знания, понимание развития политических систем, взаимосвязи природных условий, общества и экономики и т. д. При этом от учащихся требуется понимание

определенных исторических категорий, терминов и процессов, и все это подробно описывается в стандарте.

В странах Европы существуют два подхода к вопросу о том, как добиться освоения учащимися требуемых навыков. Один из них привязывает конкретные навыки к конкретным темам, а другой обходится без такой привязки, имея в виду освоение нужных навыков в процессе всего обучения на разном историческом материале. Практика показывает, что в первом случае обучение зачастую приобретает формально-механистический характер. Например, в стандарте записано, что ученикам необходимо уметь сравнивать различные культуры, типы государственного устройства и т. д. Если этот навык привязать конкретно к истории античности, то учитель будет знать, что он должен научить учеников сравнению греческой и римской цивилизации, а ученики выучат это сравнение по пунктам, но

не научатся проводить сравнения самостоятельно. По этой причине в Латвии предпочтение было отдано второму подходу, т. е. без привязки навыков к конкретным темам.

Таковы, в самых общих чертах, основные подходы к преподаванию истории, и конкретно истории древнего мира, в школах Латвии. Концепция разработана, соответствующая методологическая база имеется, в настоящий момент происходит уже реализация данной долгосрочной программы. Тут, конечно, имеются свои трудности, как, например, вопрос переквалификации и подготовки новых кадров, материальные трудности и т. д. Решению этих проблем во многом способствует членство Латвийской Республики в ЕС, которое позволяет расширять контакты, перенимать передовой опыт и задействовать европейские финансовые фонды. Все это дает основания для оптимизма и открывает новые горизонты для развития школьного образования в Латвии.

ВИЗАНТИЯ. КОЧЕВНИКИ. СЛАВЯНЕ

Заморяхин А. В. (Пермь)

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ГОТИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из наиболее значительных проблем, затрагиваемых в исследованиях дореволюционных ученых, была ранняя церковная история Готии. Этому вопросу касались и духовные, и светские исследователи.

Большинство специалистов разделяли мнение церковных историков IV в. Созомена и Филосторгия, что христианство к готам было занесено пленными, захваченными в Каппадокии во время морских набегов середины III в. В. Г. Васильевский, говоря о том, что христианство раньше проникло к крымским готам, нежели к дунайским, обосновывал свое мнение тем, что походы в Каппадокию шли с берегов Меотиды. По мнению архимандрита Арсения, первый епископ готов был из каппадокийцев.

Несогласие с данной точкой зрения высказывал Ф. К. Брун, утверждавший, что давние христианские традиции Херсонеса и Боспора привели к распространению христианства среди готов еще до их набегов на Каппадокию. Опираясь на письмо епископа неокесарийского Григория, сообщавшего, что еще в 258 г. крымские готы исповедовали христианскую веру (миссионерство каппадокийских пленников обычно относят ко времени после похода 264 г.). Схожую позицию занимал Д. И. Иловайский, склонявшийся к тому, что готы приняли христианство из Херсона.

Противоречивая подпись в актах Никейского собора 325 г. готского епископа Феофила, названного одновременно Готским и Боспорским, породила спор о местонахождении его епископской кафедры. Ряд ученых, ссылаясь на подпись на том же соборе еще одного Боспорского епископа Домна, считали, что резиденция Феофила находилась вне Крыма. Так, архиепископ Макарий (М. П. Булгаков) локализовал престольный центр Готской епархии «в стране, простиравшейся от Дуная до Днестра и Черного моря, которая тогда начала было называться Готиею». Также в районе Дуная определяли местоположение кафедры Феофила Д. Н. Беликов, Н. Н. Мурзакевич и П. И. Кеппен даже отождествляли Феофила с создателем готской азбуки и переводчиком Библии на готский язык Ульфиллой, про-

тив чего резко выступали Ф. К. Брун и В. Г. Васильевский. Макарий считал Феофила предшественником Ульфила. В. Г. Васильевский предполагал местонахождение готского епископа в Томи, которая, по словам Созомена, была в то время единственной православной епископией у готов.

Оригинальностью взглядов отличался А. Ф. Вельтман, считавший всех готов скифами. По его мнению фальсификатором истории был Иордан, который из политической конъюнктуры переименовал скифов древних источников в готов и приписал им события скифской истории. Соответственно, Феофила и его преемника Ульфилу А. Ф. Вельтман называл епископами Скифскими, располагавшимися в той же Томи.

Точку зрения В. Г. Васильевского, судя по всему, разделял Ю. А. Кулаковский. В одном своем сочинении он называл Феофила готским епископом, в другом локализовал готскую митрополию этого времени в Томи, попутно отмечая, что она не имеет никакого отношения к Крыму, в третьем сообщал о боспорском епископе, подписавшем решения Никейского собора 325 г., именуя его почему-то не Домном, а Кадмом.

Другие исследователи полагали, что резиденция готского епископа располагалась в Крыму. Так, Арсений епископом города Боспора считал Домна, а Феофил, по его мнению, был «митрополит всех готов, обитавших у Босфора Киммерийского». Ульфилу он также считал преемником Феофила, причем жившим сначала в Крыму, а затем переселившимся в Подунавье. Е. Е. Голубинский локализовал центр Готской епархии в Боспоре, как и местопребывание поставленного для готов Иоанном Златоустом епископа Унилы, который, по словам В. Г. Васильевского, бесспорно был епископом таврических готов. То, что Унила пребывал в восточной части Таврического полуострова, в районе Боспора, полагал также Ю. А. Кулаковский, остальные исследователи располагали церковного иерарха в Крыму без конкретизации места его пребывания.

А. Смеловский считал Унилу непосредственным преемником Ульфила, руководствуясь, по-видимо-

му, лишь хронологическими соображениями и не учитывая соображения географические, что не вызывает удивления, так как в начале 40-х гг. XIX в., когда писал этот автор, вопрос о начальном периоде существования Готской епархии находился еще в зачаточном состоянии.

По-разному определяли исследователи время возникновения Готской епархии в Крыму. Арсений предполагал, что она существовала уже в конце III–начале IV вв. и первым епископом был, вероятно, каппадокийский пленник. По мнению Е. Е. Голубинского, епископская кафедра существовала в Боспоре при Феофиле, то есть в начале IV в. Концом IV в. (временем Унилы) датировал ее начало А. С. Башкиров, а Макарий, указывая на возникновение Готской епархии в IV в. при Униле, говорил о том, что менее чем через сто лет после этого она была перенесена в приморскую область Дори. Д. И. Иловайский отмечал наличие у крымских гот-тов епископа лишь в первой половине VI в. По мнению всех дореволюционных специалистов, начиная с юстиниановского времени центр Готской епархии находился в Крыму, а не на Дунае.

Значительное место в своих трудах ученые уделяли создателю готского алфавита и переводчику

Библии на готский язык Ульфиле. Исследователи (В. Г. Васильевский, Е. Е. Голубинский, Ю. А. Кулаковский, Ф. И. Успенский) отмечали его исключительную роль в принятии придунайскими готами арианства. В то же время Макарий полагал, что Ульфила на первых порах был сторонником никейского православия, а арианином стал постепенно. Окончательный его переход в арианство произошел, по мнению исследователя, лишь в 70–80-е гг. IV в. под давлением необходимости просить у Римской империи убежища от наступавших гуннов и под влиянием императора — арианина Валента. Другим путем распространения арианства среди придунайских гот-тов Макарий называл деятельность одного из готских правителей Фритигерна, бравшего помощь у Валента во время междоусобиц с Атанарихом и расплатившегося переходом в его веру.

Таким образом, проблемы ранней церковной истории Готии подверглись уже в дореволюционное время значительной разработке, прежде всего вопросы христианизации гот-тов, возникновения Готской епархии и локализации ее центра. Решение этих вопросов дореволюционной отечественной историографией, порой еще неверное, послужило основой для дальнейших исследований данной темы.

Домановский А. Н. (Харьков)

ОБ ОТНОШЕНИИ К РОСТОВЩИЧЕСТВУ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ

Моральная оценка кредитно-денежных операций может служить одним из наиболее ярких показателей «экономического мировоззрения» общества. Характерно это и для Византии, торговля которой была сопряжена со значительным развитием кредитно-ростовщических операций. Традиционным стало утверждение о негативном отношении к ростовщичеству в византийском обществе, об активном осуждении процента, которое шло от стихийного общенародного отношения к нему и активно использовало христианскую форму.

Однако приведенная позиция исследователей кажется все же излишне категоричной, и данные источников позволяют ее пересмотреть. Значительный интерес представляет Житие Спиридона Трифунтского (ум. ок. 348 г.), составленное епископом кипрского города Пафа Феодором (ок. 625 г.). В памятнике повествуется о том, как святой несколько раз ссужал деньги приходившему к нему купцу, не взимая при этом никаких процентов, а лишь настаивая на возврате суммы ссуды, которую торговец должен был положить в сундук. Однажды купец, убедившись в том, что святой никак не проверяет возврат денег, решил не возвращать ссуду. Утаенные деньги не пошли торговцу на пользу, торговля пришла в упадок, и, когда он в очередной раз явился за ссудой, Спиридон предложил ему взять деньги самому, поскольку он знает, где они

лежат. Когда же купец нашел сундук пустым, святой заявил, что, очевидно, долг не был возвращен, и пристыженный должник вернул причитавшуюся сумму.

Как мы видим, даже праведник мог выступать в качестве займодавца, если он не требовал при этом никаких процентов. Еще более интересно другое обстоятельство, столь ярко подчеркнутое в Житии Спиридона, а именно — идея справедливого воздаяния при предоставлении ссуд. Очевидно, в Житии подчеркивалось, что следует не только одалживать деньги без начисления процентов, но и возвращать долги в срок и сполна. Вероятно, так на практике применялся заложенный в Евангелии принцип деловых отношений: «как хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними».

Пожалуй, наиболее подробно позицию церкви по отношению к ростовщичеству выразил Григорий Нисский в «Слове против ростовщиков». Здесь он подчеркивал, что прошение денег взаймы — то же, «что и прошение милостыни, только имеющее вид благоприличия», и поэтому следует подавать нуждающимся, не только не взимая с них лихвы, но и не требуя обязательного возврата начальной суммы кредита (моральная ответственность за ее возвращение перекладывается, как было отмечено, на должника). Беспроцентную ссуду проповедник считал «второй степенью благотворительности» (первая

степень — «безвозмездное даяние») и утверждал, что «достойны наказания как тот, кто отказывает в одолжении, так и кто одалживает с налогом лихвы. Первый будет судим как человеконенавистник, второй — как корыстолюбец».

Однако выдвинутые проповедником требования были неосуществимы на практике, что однозначно показала законодательная попытка Василия I (867–886) запретить взимать проценты по ссудам. Базировавшиеся на христианском отношении к взиманию процентов нововведения императора вызвали одобрение широких слоев населения, однако просуществовали недолго, и уже Лев VI Мудрый (886–912) в своих новеллах отказался от них. Считая закон Василия I прекрасным, он вынужден был признать, что без взимания процента само существование кредитных отношений ставится под угрозу. Высокий идеал, зафиксированный в законе Василия I, был несовместим с жизненными реалиями и сдерживал развитие торговли. Эти обстоятельства вынудили Льва VI пойти на восстановление старых законодательных актов Юстиниана I, признававших возможность взимания процентов, но регламентировавшего их максимальный уровень в зависимости от социального статуса кредитора.

Таким образом, призывы Церкви к запрету ссудного процента, «сбавке долгов и совершенному прощению долговых обязательств», как об этом сказано в Житии св. Георгия Амастридского, остались бесплодными. Более того, отношение к ростовщичеству в Византии, как представляется, было амбивалентным, а не сугубо отрицательным. Это отразилось, в частности, в агиографической литературе, иногда даже показывающей ростовщиков в самом благоприятном свете. Очевидно, что в Византии даже неодобрительно воспринимаемая в обществе профессия ростовщика не была все же, используя выражение Р. Лопеца, «объектом неразборчивой ненависти».

Алексеев Н. А. (Севастополь)

ПАТЕР ПОЛИСА ХЕРСОНА И ЕГО РОЛЬ В ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ТАВРИКЕ

Значительное пополнение корпуса херсонских печатей в последнее десятилетие, в основном за счет находки остатков городского или таможенного архива, наконец-то принесло четкое археологическое подтверждение существования в Херсоне определенных форм муниципального управления, несмотря на то, что в Крыму к этому времени уже была создана феода.

На присутствие в византийском Херсоне, кроме имперской администрации, некоего городского института власти в этот период указывает не так давно обнаруженная в составе херсонского архива уникальная печать «патера полиса» Сергия, демонстрирующая, на наш взгляд, сохранение или воз-

можно предположить, что тотальное осуждение миновало тех ростовщиков, которые не осмеливались преступать закон и взимать более высокие проценты, чем это предписывалось законодательством. Деятельность таких займодавцев допускало само государство, как бы определяя ставку процента, взимание которой не вело к нарушению христианских канонов. Безусловно, это только предположение, но стоит заметить, что подобного рода установка существовала в Османской империи. Здесь кредитные операции под фиксированный процент (20 %) не считались ростовщичеством и не воспринимались как нарушение запретов Корана. Как «риба» (собственно ростовщичество) расценивались только те кредитно-денежные сделки, которые влекли за собой начисление лихвы, превышавшей 20 %. Нечто подобное могло существовать и в раннесредневековой Византии, где светские и церковные порядки были взаимопроникающими.

Интересным также представляется сопоставление идеи ограниченного ростовщического процента с идеей «справедливой цены» (*iustum pretium*, *to dikaion timema*) и нормированием процента прибыли для членов некоторых константинопольских систем. В Византии, как и в Западной Европе, существовало оправдание деятельности купца, если при этом не нарушался принцип справедливого уровня вознаграждения. Возможно, такая же ситуация могла быть характерной и для ростовщической деятельности.

Очевидно, описанное отношение к ростовщичеству было не только наиболее выгодным, но и единственно возможным в условиях христианского общества, которому не был чужд не только религиозный пуризм и фанатизм, но и чувство выгоды. Последнее настолько сильно проникло в мировоззрение ромеев, что даже подаяние беднякам приравнивалось в агиографической литературе к займу, который дается не кому иному, как самому Богу.

рождение в Таврике позднеимперских институтов внутригородского управления.

Эта должность впервые встречена на херсонских моливдовулах. Для памятников византийской сфрагистики она принадлежит к разряду одной из самых редких.

Основополагающим датирующим элементом для моливдовула патера Сергия является тип лицевой стороны. По типу и использованному шрифту херсонский экземпляр полностью соответствует памятникам первой половины X в.

Таким образом, находка в Херсоне моливдовула одного из «отцов города» не только определяет термин «патер полиса» как реальную административную

должность, но и является еще одним свидетельством существования в городе в период расцвета фемного строя определенной муниципальной организации, которая долгое время не находила подтверждения в археологических памятниках.

В Табелях о рангах византийских чиновников должность патера полиса отсутствует. Анализ источников показывает, что это сугубо муниципальный пост, имевший одновременно финансовые и административно-управленческие функции. Он хорошо известен в администрации многих городов ранневизантийского периода.

Согласно письменным и археологическим источникам, патер полиса контролировал широкий круг общественных интересов: от снабжения города водой и наблюдения за постройками до решения вопросов законодательного характера. Это была высшая муниципальная должность, которой, судя по позднеантичным декретам, можно было удостоиться лишь за выдающиеся заслуги перед городской общиной. Несмотря на то, что роль патера полиса в X в., скорее всего, отличалась от функций аналогичного чиновника ранневизантийского периода, его основное назначение, надо полагать, оставалось прежним. Как в былые времена, он должен был осуществлять главное руководство в муниципальном хозяйстве, являясь при этом и должностным лицом государственной администрации.

В слиянии местной и государственной власти, видимо, следует видеть тонкий политический ход империи, стремившейся за счет привлечения на государственную службу местных аристократов упрочить свои позиции в регионах.

Вместе с тем исключительная редкость печати патера Сергия все же предусматривает определенную краткосрочность этой должности в Херсоне.

Возможно, его функции со временем могли перейти к более привычной для херсонитов должности протевона — «первого гражданина».

Подводя итог, отметим, что, несмотря на жесткую политику императора Льва VI (886–912), упразднившего все муниципальные органы власти, возвращенный на свободолюбивых традициях античного полиса византийский Херсон дольше других сохранил элементы городских структур власти, характерные для его античной истории. И даже переход Херсона в систему фемной организации не привел к полному исчезновению городской автономии, а лишь в какой-то мере реорганизовал структуру местного управления. Преобразование института архонтов в новую структуру — стратегию, надо полагать, повлекло за собой возрождение института кураторов города, или же, что более вероятно, наделило традиционно существовавших в Херсоне местных муниципалов полномочиями государственных чиновников (отсюда, надо полагать, и появление их печатей). Кроме того, заметим, что все известные сегодня печати местных «муниципальных»(?) чиновников хронологически не пересекаются, а представляют собой некую последовательность.

Согласно источникам известно, что функции эдикта и патера полиса зачастую тесно переплетались и во многом дублировали полномочия друг друга. В этой связи в Херсоне IX–X вв., по всей видимости, сначала могла существовать реальная возможность трансформации одной «муниципальной» должности в другую, а в дальнейшем и вовсе свестись к единому посту протевона. Подтверждением тому, как кажется, является и само незначительное количество моливдовулов муниципальных чиновников, и их относительная хронологическая последовательность.

Бардола К. Ю. (Харьков)

БЫЛА ЛИ В ВИЗАНТИИ VI–IX вв. «СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА»?

Изучая администрацию Византийской империи VI–IX вв., невозможно обойти вниманием одно из самых загадочных ведомств, которому в историографии посвящено незаслуженно мало внимания. Вне всякого сомнения, роль и влияние этой службы на византийское общество значительно занижены в византийской литературе.

Это ведомство носило название «асикрит», а руководил им протоасикрит (*πρωτασικρίτης*). Это была единственная служба, которая оказалась в группе секретов и не было связано непосредственно с финансами. Исследователи практически единогласно считают, что это ведомство возникло в VIII в. и в основном выполняло редакторские функции императорской канцелярии. Таким образом, они признают точку зрения Дж. Бэри, что протоасикрит стал преемником «главного нотариуса» *primicerius notariorum*,

с такими же функциями, которые оставались неизменными практически на протяжении всей византийской истории. Однако есть основания утверждать, что это не совсем верно.

Асикрит или «асикретис» как новая императорская канцелярия появилась в VI в. Но Прокопий сообщает, что в том же VI в. император Юстиниан I лишил чиновников этого бюро главной их функции — «вести тайную переписку василевса, ради чего издревле учреждена их должность». Конечно, вполне возможно, что эта акция Юстиниана была одноразовой и кратковременной. Но более поздние источники свидетельствуют, что переписку василевса вели совсем другие чиновники — грамматик и апографевсы. Известно о существовании целой службы императорских грамматиков в начале VIII в. во главе с главным грамматиком. Основные

функции этих грамматиков были связаны именно с императорской канцелярией. В IX в. императорскую переписку и составление различных актов осуществляло целое бюро во главе с «начальником чернильницы». Несмотря на то, что по рангу протоасикритис, согласно Тактикону Успенского и Клиторологию Филофея, стоял ниже «начальника чернильницы», он непосредственно ему не подчинялся. Таким образом, вероятно, имелись определенные различия в их функциях. Об одной из функций протоасикритиса сообщает Прокопий: «В то время случилось так, что василевс Юстиниан отправил послов к Хосрову — Иоанна, сына Руфина и Юлиана, секретаря тайной канцелярии. Эта должность называется у римлян «асикрит», поскольку словом «сикрита» они обозначают тайные дела». Конечно, можно предположить, что Юлиан присутствовал в этом посольстве как простой секретарь канцелярии при Иоанне, но Прокопий продолжает: «Один из послов, Юлиан, со всей решимостью запретил давать врагам деньги и таким образом выкупать города василевса». Следовательно, Юлиан в этом посольстве имел все полномочия посла, причем, возможно, с правом решающего голоса. Пожалуй, такие же функции имел протоасикритис Георгий в посольстве к королю Пипину Короткому в 756–757 гг. При Льве VI (886–912) асикрит Симеон, который «стал потом патриkiem и протоасикритом», вел успешные переговоры с Львом Триполитянином. Однако ведомство протоасикрита активно участвовало не только во внешнеполитической деятельности. Так, Малала упоминает асикрита, который вместе с квестором и эпархом принимал участие в судебном расследовании. Эти свидетельства Малалы подтверждаются Продолжателем Феофана. По его словам, император Роман в начале X в. дал эпарху в помощники асикрита Феофилакту Мацицику для проведения судебных процессов. Иногда помимо судебной и посольской деятельности чиновники асикрита могли участвовать и в военной службе, причем не на последних должностях. Тот же Продолжатель Феофана упоминает протоасикрита Имерия, которому Лев VI доверил руководить всеми морскими силами Империи. К этому надо добавить, что чиновники этого ведомства часто были весьма образованными людьми для своего времени. Остались сведения об асикрите Стефане Капетолите — поэте, произведения которого были высечены на стенах дворца. При Константине VII Багрянородном асикрит Григорий преподавал астрономию. Высокий уровень образования позволял протоасикритам и асикритам активно участвовать в многочисленных церковных дискуссиях как на стороне официальной церкви, так и против нее. Один из самых образованных людей своего времени (конец VIII в.) патриарх Тарасий, до того как получить свой сан, служил именно в должности

асикрита. Другой чиновник этого ведомства, протоасикрит Зили во времена правления Михаила III (842–867) стал организатором новой церковной ереси — зиликов.

Итак, мы можем сделать вывод, что ведомство протоасикрита было своего рода императорской канцелярией, функции которой далеко выходили за рамки подготовки и редакции императорских выступлений и законов. Чиновники этого ведомства участвовали в самых разнообразных областях правительственной политики, причем на самых высоких позициях. Данное определение Прокопием асикрита как «тайной императорской канцелярии» вполне совпадает с определением этого бюро в «Житии Георгия Амастридского». Этот источник упоминает времена, когда «великий патриарх Тарасий не восходил на первосвященнический престол, а числился в придворном чине, исполняющим тайную царскую службу, что на языке италийском называется *a sekretis*». Таким образом, есть основания предполагать, что асикрит являлся службой, уполномоченной для исполнения тайных императорских заданий самого широкого политического спектра. Чиновников этого ведомства император, вероятно, назначал на исполнение той или иной правительственной миссии с целью обеспечить свой личный контроль над ее выполнением.

В штате протоасикрита было всего три должности. Кроме асикритов, в подчинении протоасикрита были императорские нотариусы и декан. Н. Икономидес рассматривает императорских нотариусов как секретарей низшего ранга. Но подобные чиновники в ведомствах сакеллы, вестиярия, идики, Главного куратора стоят на первых позициях и где обязательно присутствуют другие канцелярские чиновники. Скорее всего, императорские нотариусы как представители тайной императорской службы являлись постоянно действующими ревизорами тех бюро, деятельность которых была связана с хранением или распределением государственных средств в особо крупных размерах. Как правило, это были казначейства, а также ведомство Главного куратора. Вероятно, основная разница между асикритами и императорскими нотариусами заключалась в том, что асикриты, в отличие от императорских нотариусов, одновременно исполняли функции императорского контроля на «горячих» и наиболее важных участках государственного управления.

Что касается декана, то Дж. Бэри высказал очень интересное предположение, что декан был одним из руководителей школы, где готовились будущие императорские нотариусы. Действительно, для того чтобы проверять работу всевозможных бюро, необходимо было иметь хорошее образование. Наличие подобной школы в ведомстве протоасикрита со своим бюджетом, возможно, объяснит причину, по которой Филофей расположил штат этого бюро в группе секретов.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ АФЕДРОНЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Оценка уровня благоустройства, канализации и санитарного состояния раннесредневекового византийского города заставляет обратить внимание на существование в нем системы общественных туалетов, которые римляне называли латринами, а греки, византийцы — афедронами. Судя по их редкости, это были заведения, которые нельзя отнести к числу заурядных. Одно из них находилось в здании «римско-византийской эпохи», по определению раскопавшего его в 1905 г. К. К. Косцюшко-Валюжинича. Последнее занимало большую часть пространства к западу от главной продольной улицы, шедшей от Южных («Мертвых») городских ворот, и примыкало к главной поперечной улице шириной 7,4 м, которая выводила к перекрестку, носившему, судя по тексту Житий св. епископов Херсонских, название «малая агора». Сооружение, входившее в состав этой многокамерной обширной постройки, представляло узкое прямоугольное помещение шириной по наружному обмеру 6,43 м и длиной около 15 м (раскопано 14,22–14,93 м), которое было закрыто со стороны ворот и улицы помещениями 16, 17, 22, 23, но имело с юга, со стороны соседней 14-й куртины, вход, позже оказавшийся заложным. Полы его были вымощены крупными каменными плитами, а толстые стены (поперечные — 0,64 и 0,80 м, продольные — 0,88 и 1,02 м) из бутового камня на извести тщательно оштукатурены внутри цемянкой. Вдоль обеих продольных стен, на высоте 0,53 м от пола на равном расстоянии друг от друга шли 15 квадратных углублений 0,17×0,17 и 0,31 м глубиной, а под ними в плитах толщиной 0,8 м были прорублены лунки диаметром 0,17 м, соединенные канальчиком — стоком 0,006 м ширины. Кроме того, вдоль продольных стен с наружной стороны помещения, в его торцы и под пол были подведены ветки водостоков в виде цемянковых каналов, обставленных каменными плитами, по которым нечистоты вместе с проточной водой удалялись в главный коллектор на поперечной улице, причем «в точке разветвления и в конце водобег отвесно вставлено по гончарной трубе». К. К. Косцюшко-Валюжинич заметил по этому поводу, что трубы в таком же положении были найдены и в комплексе соседнего городского водохранилища и «помещение В» явно стоит в связи с последним. Если это так, тогда у них должно было быть близким время строительства и существования, укладываемое в VI–первую половину IX вв. Вполне вероятно, что именно этот неординарный афедрон вспоминал в качестве ориентира не понаслышке знавший город Юстиниан II, когда в октябре 710 г., после гибели первого карательного флота, отправленного против Херсона, собирался ставить задачу для следующей воен-

ной экспедиции и очерчивал границу разгрома. Иначе трудно объяснить его фразу, переданную в первоисточнике, вероятно, труде Траяна Патрикия, буквально приведенную Феофаном Сигрианским и повторенную в латинском переводе Анастасия библиотекаря, о необходимости разрушить в городе все «вплоть до стены, где мочились» (eos ourounta pros toichon; usque mingentem ad parietem). Издатели, переводчики «Хронографии» полагали это место источника не совсем ясным, сомнительным и считали, что здесь мы имеем дело с фигуральным оборотом, принадлежавшим исключительно перу Феофана, но редкий археологический памятник именно рядом с 14 куртиной оборонительных стен Херсона заставляет по-иному взглянуть на смысл текста и оценить его достоверность.

Во всяком случае, предельно откровенные, характерные детали сооружения, обилие пропущенной внутрь воды, а также относительно изолированное положение недалеко от Южных городских ворот у оборонительной стены позволили проф. М. И. Ростовцеву и инженеру Н. И. Третескому уже вскоре после открытия здания высказать убедительное мнение о том, что оно могло быть общественным туалетом. К этому можно добавить и особенно настоятельную необходимость иметь такое заведение рядом с бойким местом, каким несомненно являлся житийный «регеон так называемой малой агоры», располагавшийся в 20 м севернее. Параллели этому находятся и в других городах Империи. К примеру, Сократ Схоластик упоминал о существовании в столице отхожего места — афедрона «...позади площади Константина и рынка в портике», то есть в самом центре города, в III регионе столицы, недалеко от комплекса зданий Большого царского дворца. Оно было знаменито тем, что в 336 г. якобы в нем внезапно скончался от «внутреннего истечения» отвергавший никейский символ веры нечестивый пресвитер Арий.

Подобный херсонский афедрон, рассчитанный на одновременное пользование им до 30 человек, испытал позднейшие перестройки, изменившие его облик и в конечном счете заставившие отказаться от использования по прямому назначению. Судя по прекращению функционирования соседнего городского водохранилища — цистерны, с которой он был связан, это произошло не ранее IX в. Западная часть помещения была разделена на две части тонкой поперечной стенкой. Возле нее в разобранном каменном полу была высечена квадратная цистерна (1,77×1,77×1,06 м), а еще позже вплиты к этой цистерне, вдоль стены была сложена из плит гробница (2,04×1,6×1,02 м), которая оказалась заполнена массой костяков. Таким образом, жители поздневизан-

тийского города напрочь забыли прежнее назначение сооружения после того, как оно перестало использоваться как общественный туалет.

В Херсоне сохранились следы и менее монументального афедрона, который был связан с раннесредневековыми оборонительными стенами, очевидно, не ранее VI–VII вв. отделившими городскую застройку от порта. По данным К. К. Косцюшко-Валожинича, отхожее место было обнаружено в 1898 г. в куртине портового района, в том месте, где оборонительная стена подходила к Карантинной бухте, между «башней — пристанью» и юго-восточным углом каменной ограды монастыря св. Владимира, отделявшей монастырский виноградник от береговой полосы. В поздневизантийскую эпоху, как выяснили раскопки 1894 г., к этой не снесенной части стены были пристроены ряды помещений, которые заведующий раскопками считал «разными торговыми складами». Очевидно, речь идет о сложенной из блоков на цемянке квадратной (прямоугольной) башне XXII, вероятно, перекрытой крестовым сводом, и примыкающей к ней 25 куртине. Нельзя точно сказать, когда она была построена, но соседний отрезок оборонительной стены (куртина 22), открытый раскопками А. И. Романчук в портовом квартале 2, был

возведен или восстановлен с использованием известкового раствора, скрепляющего кладку, не ранее расположенного близ него общественного здания, не исключено, таможенного склада и магазина — апофики, и, значит, тоже может быть отнесен к первой половине VII в. Участок крепостной ограды, в которой разместили туалет, был старательно сложен из больших отесанных со всех сторон камней, которые сохранились лишь на высоту 0,49 м (одного ряда). Выше все оказалось сломано. Вход вел со стороны города через двери шириной 0,8 м в небольшое помещение (1,73×0,98 м), в торце которого было вырублено отверстие в приподнятом над полом сиденьи из монолитного блока со ступенькой в виде желоба для стока жидкости. От основания полукруглого сидения сквозь стену был прорублен сточный канал, как и положено, с сильным уклоном к бухте.

Сохранение в эпоху «темных веков» хотя бы одного такого сооружения свидетельство гораздо более высокого уровня городской культуры и благоустройства, чем представляется специалистам, к тому же обнаруживающее континуитет греко-римского и ромейского мира и в этой, отнюдь не второстепенной сфере общественного быта.

Фомин М. В. (Харьков)

О РАННЕХРИСТИАНСКОМ НЕКРОПОЛЕ И МОНАСТЫРЕ БОГОРОДИЦЫ ВЛАХЕРНСКОЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ ХЕРСОНЕСА

Комплекс загородного монастыря Богородицы Влахернской является одним из интереснейших памятников средневекового Херсона. Он включает храм, крещальню, часовню, ряд помещений и пристроек, обнесенных высокой оградой. Комплекс был построен на раннехристианском некрополе и был связан с почитанием памяти первых христиан, а со второй половины VII в. — с почитанием Св. Мартина.

Небольшой однефный храм, построенный на раннехристианском некрополе, являлся одним из самых ранних в Херсонесе. Он перекрывал несколько могил, по материалам засыпи которых можно предположить, что храм был построен не ранее середины V в. Большое количество фрагментов штукатурки с росписью, вымощенный пол говорят о богатом убранстве храма и о большем значении в религиозной жизни херсонеситов. Спустя некоторое время малый храм был разрушен, а на его месте был построен новый больший крестообразный храм. Все остатки малого храма были собраны в центральной части нового храма и остались под его полом, в геометрическом центре здания. Над ними, как над святыней, совершалось богослужение. «Большой» крестовидный храм имел четыре входа. Службы в нем носили специфический характер и до сооружения алтаря совершались в центре. Позже храм был перестроен, восточная часть была переоборудована под алтарь с престолом и канкелой, с южной сторо-

ны была пристроена крещальня, а с северной стороны — ряд помещений, вероятно, жилого или хозяйственного назначения. Все пристройки возникли предположительно не ранее второй половины VI в. Пол храма был покрыт роскошной сюжетной и геометрической мозаикой с христианской символикой, стены оштукатурены и расписаны. Штукатурка обновлялась как минимум три раза. В XI в. храм пострадал при землетрясении и был перестроен. Вероятно, коробовый, кирпичный свод, разрушенный землетрясением, был заменен конической крышей со стропильным перекрытием. Мозаика была перекрыта новым полом. В таком виде здание существовало еще долгое время.

Храм, построенный на месте «святых могил», стал мемориумом. Под ним расположено несколько склепов с христианскими захоронениями, датирующимися IV–V вв. и, видимо, почитаемыми в течение длительного времени. Примечательно, что хоронить под сводами храма продолжали и в более позднее время.

Могила 1405, расположенная под крещальней, имеет две боковые ниши. При исследовании найдена монета конца IV в., долго находившаяся в обращении. Сам факт расположения баптистерия над гробницей говорит о том, что захороненные в ней были удостоены после смерти особой чести. Могила ориентирована в соответствии с храмом. Крещальня была пристроена таким образом, что моги-

ла оказалась в ее центре. Размещение крещальни над могилой могло лишней раз подчеркивать, что крещение — рождение человека от Бога — является подготовкой человека к смерти, к встрече с Богом.

В склепе 1406, расположенном под южной частью храма, обнаружено множество истлевших костей. Он был ориентирован в соответствии с храмом. Склепы 1409, 1410, 1411, 1452 были соединены проходами. В склепе 1409 на нишах-лежанках были обнаружены остатки гробов «в виде корыт», на полу были найдены монеты IV–V вв. Склеп 1452, в который вел ход, прорубленный из могилы 1432, имел ниши, которые могли использоваться для сидения. При его исследовании оказалось найдено два нательных креста, множество сильно истлевших костей. В отличие от склепа 1406, имеющего ориентацию в соответствии с храмом, склепы под храмом не имели таковой. Они гораздо более ранние и были освоены христианами под свои захоронения. Тот факт, что над склепами был возведен храм и гробницы были соединены между собой, может говорить о том, что захоронения эти пользовались особым почетом. Несмотря на все перестройки храма, доступ в подземный мартирий сохранился.

Особый интерес представляют херсонесские расписные склепы, расположенные в окрестностях Влахернского монастыря. Их фрески содержат раннехристианскую символику и являются уникальными памятниками христианской живописи времен становления и распространения христианства в Северном Причерноморье. Так, склеп 1494 расположен в нескольких метрах от храма. Стены склепа были оштукатурены и расписаны. Склеп 2086 также имел оштукатуренные и богато украшенные росписями стены. В центре была изображена виноградная лоза, обрамленная гирляндой. При исследовании погребений было найдено несколько монет середины–конца IV в. и нательный крестик. Склепы могли принадлежать богатым христианским семьям V в.

Наибольший интерес представляет склеп 2114. Одна из ниш была углублена по типу саркофага и закрыта пятью плитами, стены склепа были оштукатурены и расписаны. На задней стенке ниши был изображен лавровый венок с вплетением цветов, который мог символизировать победу над смертью и праведность. На плитах, закрывавших нишу, были изображены деревья с плодами, какие в христианской символике могли говорить о райских садах. По мнению М. И. Ростовцева и К. К. Косцюшко-Волужинича, исследовавших склеп, в нем был по-

гребен очень почитаемый в среде христианской общины человек. Возможно, местночтимый святой или один из Херсонесских епископов.

После того как в 655 г. в Херсонесе скончался папа Мартин I, он был погребен в храме Богородицы Влахернской. Последний был связан с его памятью даже после того, как мощи святого были вывезены из Херсонеса. Во время исследования алтарной части крестообразного храма было открыто под престолом прямоугольное отверстие для вложения ковчега. В нем могла находиться святыня или часть мощей, не исключено, св. Мартина. Херсонесский монастырь Богородицы Влахернской был связан с почитанием св. Мартина и после гибели самого Херсонеса. О паломничестве к месту погребения святого упоминается в источниках VII, VIII, XVI вв.

Под храмом находится водосборная галерея, связанная с несколькими колодцами. При строительных работах в связи с расширением территории храма пришлось прорубать новый колодец. Химический анализ воды, который проводился в начале и в 50-х гг. XX в., показал, что вода была пригодной к употреблению в пищу. Содержащиеся в воде соли придавали воде лечебные свойства. Богатая хлористым натрием, вода могла быть полезна людям, страдающим желудочными заболеваниями. Источник при монастыре, обладающий лечебными свойствами, мог, в свою очередь, почитаться как святыня.

Монастырский комплекс был обнесен высокой оградой. Она была сложена из тесаных известняковых блоков с помощью известкового раствора и с использованием кладки *opus mixtum*. Строительная техника позволяет датировать ее приблизительно концом VI–началом VII вв. Одновременно со строительством перивола был возведен еще один небольшой храм или часовня, при этом апсида выдавалась из ограды. Она имела пять полукруглых ниш с сидениями, устроенными в стене. Вход в помещение был очень широким (2,3 м) и, по-видимому, постоянно открыт для богомольцев. Возможно, при монастыре существовал постоянный двор для паломников.

Весь архитектурный и церковно-мемориальный комплекс являлся херсонесской святыней, почитаемой не только жителями города, но и христианами всего Крымского полуострова. Даже после гибели самого города он неизменно оставался местом паломничества христиан и являл редкий случай сочетания культовых, мемориальных и целительных функций.

Гринченко А. В. (Харьков)

ХЕРСОНЕССКИЕ СТАЦИОНАЛЬНЫЕ ШЕСТВИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ВИЗАНТИЙСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

В византийском богослужении большую роль играли процессии и шествия, благодаря которым храмы и церкви составляли единое литургическое про-

странство ранневизантийского города. Как отмечает Р. Ф. Тафт, они были тесно связаны со «стациональной литургией» (лат. *statio* — остановка) — осо-

бым родом богослужения, при котором различные богослужебные последования совершаются в определенных местах города, а переход от одной станции к другой совершается в форме богослужебной процессии. Процессии имели свой маршрут, соединявший «станции» — местные святыни, зачастую отмеченные мемориальными культовыми сооружениями. Херсонесское стациональное богослужение соединяло в себе черты почитания мощей и вторичных реликвий, шествия со святынями. Кроме того, херсонские шествия были неразрывно связаны с культом почитания местных святынь, в соответствии с расположением которых выбирался маршрут процессий во время конкретных празднеств, связанных с поминовением того или иного святого.

К херсонесским «стациональным шествиям», упоминаемым в письменных источниках, можно отнести возглавляемую стратигом города Никифором процессию, встречающую Константина Философа с новообретенными мощами св. Климента, и само шествие с мощами. В этом случае первой стацией можно считать место в городе, где раку с мощами установили на «новозданем столпе града, темь создане тогда во имя святАго Климента». Следующей «стацией» был храм св. Созонта (Западный загородный храм) «по стене града близ забрала сущу», куда под вечер перенесли раку с мощами святого.

Затем святые мощи перенесли на всю ночь в собор св. Леонтия, отождествляемый с Западной базиликой (№ 13). Из подробного описания службы над мощами в старославянском «Сказании» следует, что всю ночь в доме св. Леонтия служилась сначала вечерня с литанией, а затем — заутреня. Утром торжественная процессия горожан и духовенства, «взявши святые мощи с великими хвалами», «весь град обшедше» принесла их в «кафоликую» (соборную) церковь св. Апостолов — Уваровскую базилику. Если провести параллель с Константинопольским храмом св. Софии, то «шестивенный» характер византийского городского богослужения требовал наличия при крупном храме атриума. Возможно, именно для таких случаев массовых шествий был предназначен обширный атриум с фиалом перед Уваровской базиликой. Люди не входили в помещение храма прежде процессии со святынями, а встречали ее в дворике.

После обретения мощей св. Климента в 861 году и восстановления культа его почитания ежегодные праздничные шествия, возможно, проходили путь Константина Философа: посетив островок в Казачьей бухте, где был построен монастырь, и совершая остановки в храмах св. Созонта и Св. Леонтия, процессия входила в кафедральный собор Херсона — Уваровскую базилику, где проходила поминальная служба. Ранее, по свидетельству автора первой трети VI века Феодосия, в день памяти св. Климента (25 ноября) верующие шли к месту его гибели на островке в Казачьей бухте, где в течение восьми дней служили литургию под открытым небом.

Непременным элементом херсонесского богослужения шествие со святынями в черте города было и в дни поминовения местных святых, в том числе и 7 марта — в день памяти свв. Епископов херсонских. В этот день процессия верующих во главе с епископом совершала паломничество по местам, связанным с деятельностью святых и отмеченным строительством храмов или мемориев. При этом невозможно точно установить маршруты шествий в этот день, так как по письменным источникам можно с большой долей вероятности идентифицировать места, связанные с деятельностью двух из семи епископов.

С памятью Василия были связаны «пещера Парфенон» и столб, установленный на месте его гибели в центре города. Наличие в комплексе Западной базилики мемориальных построек (мартирий № 11 и гробничная церковь № 12 — часовня Г) позволило исследователям предположить, что с Западной базиликой связано почитание св. епископа херсонского Василия, тело которого, согласно «Житиям св. епископов херсонских», христиане «похоронили вне города на западе близ стены». Подземный мавзолей под церковью № 12 рядом с Западной базиликой можно считать местом погребения св. Василия. Следовательно, стациональное богослужение в память св. Василия могло проходить по маршруту Восточная площадь — агора — Западная базилика.

В городских шествиях в дни памяти св. епископа Капитона, безусловно, одну из ключевых ролей играл четырехапсидный храм (№ 47), расположенный в юго-западной части городища рядом с оконечностью Главной улицы. Храм был сооружен в память о «чуде» епископа Капитона не ранее второй половины VI в. над остатками известеобжигательной печи, напоминающей о крещении жителей Херсона (и соотносимой с этим событием хронологически). В четырехапсидном храме не было обнаружено следов престола или синтрона, что свидетельствует о том, что храм изначально предполагался не как «функциональный», приходской, а как «мемориальный». Второй «стацией» мог быть «великий и прекрасный храм», построенный во имя апостола Петра епископом Капитоном на месте языческого храма «идола Парфения» — Восточная базилика (№ 36), находящаяся на месте античного теменоса — Парфенона.

Возможно, что херсониты посещали в этот день места, связанные с деятельностью св. Еферия, построившего церкви в Херсоне еще до полного крещения жителей св. Капитоном. Однако из-за скудости письменных свидетельств выделить их не представляется возможным.

К началу X века характер византийского богослужения существенно меняется, оно становится более индивидуализированным, постепенно уходя в прошлое массовые торжественные шествия по городским улицам, а величественные храмы сменяются уютными квартальными церквями.

ТЕПЕ-КЕРМЕНСКИЙ «ХРАМ С БАПТИСТЕРИЕМ» И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕЩЕРНЫХ ЦЕРКВЕЙ КРЫМА

В последнее время усилился интерес к скальным церквам Крыма. Смысл большинства работ сводится к попытке их удревления. Показательна в этом плане «церковь с баптистерием» (Тепе-кермен), объявленная рядом авторов доиконаоборческой.

В датировке и интерпретации памятников скальной архитектуры существует немало трудностей: отсутствие культурного слоя, «архитектурная невыразительность», проблема «привязки» к тому или иному наземному объекту и т. д. В отношении культовых памятников также необходимо учитывать: Крым, особенно его горные районы — периферия византийского мира, и здесь многие каноны и традиции могли преломляться через призму местных представлений; возможность воспроизведения в пещерной архитектуре более древних элементов наземной; ошибки при проектировании и создании; единообразии литургических устройств установилось только к XIII–XIV вв. Поэтому только на основе комплексного анализа (вычленение отдельных элементов сооружения, установление их относительной хронологии, определение архитектурных аналогий, разработка типологии, соотнесение с историческим и археологическим контекстом) можно подойти к их пониманию.

«Храм с баптистерием» выглядит непривычно на фоне остальных пещерных церквей Таврики. Но отдельным элементам можно найти аналогии. Наиболее близкое сходство — с комплексом «Судилище» (до расширения) на Эски-кермене. Оно наблюдается: в характере размещения алтаря, вынесенного внутрь; его устройстве в правом дальнем от входа углу; наличии горного места; расположении крещальни, которая отделена от остального пространства стеной алтарной преграды. Похожее архитектурное решение и в эски-керменском храме «Трех всадников» (XIII в.), алтарная часть там также вынесена внутрь наоса.

Истоки интерьера «церкви с баптистерием» лежат в базиликальной архитектуре. Но сходство с базиликами не является полным. Все же там, даже если рассматривать только интерьер, алтарная часть имела полукруглое завершение. Этого нет в «церкви с баптистерием». Данная особенность сближает рассматриваемый памятник с рядом крестовидных сооружений Херсона.

Датировка VIII–IX вв. на основании поперечного расположения нефа не выдерживает критики. Этот аргумент для узкой датировки неприемлем.

Казалось бы, хронологическим репером могут служить формы крестов на алтарной преграде, которые действительно выглядят архаично, а аналоги встречаются на раннесредневековых алтарных пре-

градах Херсона. Но такие же кресты есть и на памятниках XI в. Декор, близкий орнаменту на капителях «церкви с баптистерием», имеется на капителях пещерных церквей в Каппадокии (XI в.).

Н. Е. Гайдуков и А. Ю. Виноградов «веским» основанием для ранней даты считают отсутствие протезиса. Но в церкви есть жертвенник, считать который поздним нет никаких оснований. Как таковой протезис отсутствует в большинстве пещерных церквей и большей части небольших наземных.

Баптистерий в храме не классической крестовидной формы а, скорее всего, является имитацией этого очертания. Он не имеет близких аналогов с ранними крещальнями Херсона. Сходные черты в устройстве, как отмечалось, наблюдаются с баптистерием эски-керменского «Судилища». Баптистерий со ступенькой известен в инкерманском «храме с крещальней», возникшем, очевидно, в промежутке XIII–XV вв., возможно, похожая купель была в первоначальном храме Шулдана.

Таким образом, в «храме с баптистерием» наблюдается не слепое копирование базиликальных традиций, а «вписывание» отдельных элементов в новые реалии. Аналогии различным деталям встречаются как в ранних сооружениях, так и в памятниках XI–XV вв., при этом, если рассматривать примеры из скальной архитектуры, здесь больше сходства с поздними памятниками.

Рядом с храмом В. А. Петровским была раскопана усыпальница. Древнейшее захоронение — два безынвентарных мужских костяка, лежащих на спине, на лице и груди которых положены фрагменты керамид. Этот обычай был широко распространен в средневековом Крыму. Если рассматривать все обнаруженные там вещи в комплексе, то можно определить время функционирования усыпальницы промежутком от X/XI вв. до начала–середины XIV в. В целом материал из нее аналогичен вещам из херсонских усыпальниц начала XI–XIV вв., захоронений эски-керменской базилики и других некрополей этого времени.

Наблюдения за относительной хронологией не позволяют сделать однозначный вывод о сооружении усыпальницы намного позже церкви. Она являлась одним из пятнадцати погребальных сооружений, расположенных вокруг храма, что было обычным явлением именно с X–XI вв. Учитывая, что наша усыпальница ближайшая к церкви, скорее всего, они и возникли приблизительно в одно время.

Таким образом, если рассматривать «церковь с баптистерием» в комплексе, то есть составить своеобразную корреляционную таблицу отмеченных выше отдельных элементов, и учитывая, что она

представляет собой единовременное сооружение (по крайней мере на сегодняшний момент нет оснований говорить о нескольких этапах ее строительства), то следует вывод что появление памятника относится ко времени не ранее X/XI вв. Этой дате не противоречит и выявленный там эпиграфический материал.

В последнее время данную церковь интерпретируют как монастырскую. Однако некоторые моменты позволяют усомниться в этом: половозрастной и количественный состав захоронений в усыпаль-

ницах свидетельствует, что это места последнего приюта не монахов; топографическое расположение также свидетельствует в пользу ее немонастырского характера.

В эпитафии, расположенной над одной из поздних могил, упоминается монастырь. Если допустить, что на последнем этапе функционирования церковь могла принадлежать монастырю, то захоронение здесь монаха вполне возможно. По крайней мере, широкая дата надписи XII–XIV вв. этому не противоречит.

Любичев М. В. (Харьков)

ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШЛЯХ И ХАЛИМОНОВКА (ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА)

Изучение черняховской культуры на территории Харьковщины началось в двадцатые годы XX в. с открытием А. С. Федоровским нескольких селищ в верхнем течении реки Мжа (Мжа — Северский Донец). Эта территория стала местом работы Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. В 2001–2002 гг. нами исследовались поселения черняховской культуры Шлях 2 и Халимоновка (Валковский район, Харьковская область).

Оба поселения находятся в сходных ландшафтных условиях: занимают черноземные склоны мокрых балок, относятся к равнинно-балочному типу черняховских селищ (по Р. Г. Шишкину). Из мокрых балок поселений Шлях 2 и Халимоновка вытекают левые притоки Мжи — реки Карамушина (Болгар) и Турушка. Расстояние по прямой между поселениями параллельно линии днепро-донецкого водораздела составляет 12 км, территориально они относятся к одной группе.

На селище Шлях 2 в двух раскопах на северном и южном склонах балки встречено большое количество кусков глиняной обмазки, что свидетельствует о наличии на памятнике наземных глинобитных жилищ. В Халимоновке на площади раскопа, заложенного на южной стороне балки, изучены остатки двух наземных жилищ. Жилище 1 (размеры стен 8,5×4,9×10,0×3,4 м) имело прямоугольную в плане форму, ориентировано длинной осью по линии север–юг с незначительным отклонением. Его пол располагался на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности. В южной части жилища зафиксирована сохранившаяся часть вымостки пола (размеры 1,2×0,3 м) в виде слоя обожженной глины, под которым находился слой необожженной глины с углями. В него были вдавлены части доньев и стенок гончарных сосудов. Часть жилища 2 (размеры 1,0×1,1 м) представляла собой вымостку толщиной 0,1 м, примыкавшую к скоплению кусков обожженной глины на глубине 0,5 м. Параллельно стенам объекта зафиксировано 11 столбовых ямок. Мы имеем дело с углом наземного жилища с частью пола.

На селище Шлях 2 из найденных 924 фрагментов керамики к лепной относится только 20. Вся гончарная керамика подразделяется на кухонную (горшки), столовую (миски, вазы, кувшины, кружки), тарную (пифосы, амфоры). Фрагменты амфор принадлежат к светлоглиняным изделиям типа F. К технической керамике относятся биконические, шаровидные, с воронковидным основанием прясла и пирамидальные, лепешковидные грузила ткацкого станка. Обнаружены глиняная бусина, фрагмент кубка с выточенными овалами из бесцветного стекла типа Ковалк (Эггерс 230). Найдена подвижная бронзовая фибула (общая длина 4,5 см) серии БЗе (по Е. Л. Гороховскому). Ее спинка украшена фасетками, гранями, орнаментом в виде шести окружностей по линии круга выше подвязки. Обнаружена бронзовая «калачиковидная» пряжка серии Г (по Е. Л. Гороховскому) с овальной литой утолщенной в передней части круглой в сечении рамкой, прямоугольным щитком, выступающим за конец пряжки язычком (общая длина изделия 2,9 см). К железным изделиям относятся скобель с отогнутой перпендикулярно рукояти рабочей частью, ножи и их части.

С поверхности раскопа III селища Халимоновка происходит серебряный денарий Марка Аврелия чеканки 165 г. На лицевой стороне изображена голова императора, увенчанная лавровым венком вправо, имеется надпись [MANT] ONINUS [AUG] ARMENIACUS. На оборотной стороне помещено изображение стоящего Марса в шлеме и воинской одежде, с копьем и левой рукой на щите. Здесь сделана надпись [PMTRP X] VIII IMP [II COS III]. Рядом с раскопом на площади селища найден серебряный денарий Коммода чеканки 180–183 гг. На лицевой стороне изображена голова императора, увенчанная лавровым венком вправо, имеется надпись [M] COMMODUS ANTONINUS AVG. На оборотной стороне помещено изображение Ромы в шлеме и воинской одежде, которая стоит прямо, голова влево, в правой вытянутой руке держит Викторию, а в левой — копье, имеется надпись TRP VIII

[IMPU] COS III P [P] (определение монет производил Ю. В. Бейдин).

На площади раскопа найдены железный втульчатый «броневой» наконечник стрелы, с острием ромбического сечения (общая длина 6,8 см), а также железные ножи и их части, шилья, фрагмент пружинных ножниц, железные гвозди. За исключением нескольких фрагментов, вся керамика Халимоновки является гончарной, которая включает в себя те же категории, что и на селище Шлях 2. Найдены фрагменты светлоглиняных амфор типов F и E, красноглиняных типа Делакеу (Зеест 100), биконические, округлобокие, с воронковидным основанием прясла, пирамидальные грузила ткацких станков со сквозным отверстием. На плоскости верхнего основания одного из грузил по центру имеется округлое вдавление, на другом экземпляре оно отсутствует. Возможно, это маркировки группы грузил определенного веса или ряда на станке.

Из Халимоновки происходит железное «спиральное» сверло с петлей в верхней части (общая длина 12,2 см). Для черняховской культуры были характерны перовые ложкообразные сверла (Löffelbohrer), которые широко использовались и в римских провинциях. Затем там начинают применять и «спиральные» сверла. Обнаружена заготовка бронзовой фибулы «воинского» типа с расширяющейся трапециевидной ножкой (общая длина 5,7 см) в виде спинки без пружинного аппарата, иглы, приемника. Спинка украшена тремя парами фасеток, двумя гранями. Найдены стеклянная бусина из бесцветного стекла (высота

0,55 см), подвеска в виде раковины моллюска с отверстием.

По единичным датированным предметам существование поселения Шлях 2 следует относить ко второй половине IV–началу V вв. На это указывает широкая датировка IV в. амфор типа F; кубки Эггерс 230, пряжки варианта Г бытовали в Косановской (330–380 гг.) и Масловской (350–400 гг.) фазах развития черняховских могильников украинской лесостепи, а фибулы варианта B_{3e} — в Масловской и Журавской (375–420 гг.) фазах.

Существование селища Халимоновка следует относить к концу IV–началу V вв., учитывая широкую датировку IV в. амфор типа F и «воинских» фибул, датировку амфор типа E концом IV–первой половиной V вв. (по Б. В. Магомедову) или началом V–серединой VI вв. (по А. В. Сазанову), амфор Зеест 100 IV в. (по Б. В. Магомедову) или серединой IV–серединой VI вв. (по А. В. Сазанову).

Несомненно, мы имеем дело с двумя поздними черняховскими селищами периодов C₃–D₁. Нет никаких оснований относить их существование исключительно к гуннскому времени (ступень D). Усматривается закономерность между поздней датой селищ, наличием на них почти исключительно гончарной керамики и наземных глинобитных жилищ. Подобные жилища являются признаком памятников типа Снагость 2–Хохлово 2, представляющих сформировавшуюся «классическую» черняховскую культуру на днепо-донецком водоразделе, которая датируется по материалам поселений и могильников второй четвертью IV–началом V вв.

Медведев А. П. (Воронеж)

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ *

Чуть более десятилетия назад на Верхнем Дону произошло открытие, значение которого еще не в полной мере осознано большинством археологов-славистов. Здесь стали известны памятники, хронологически заполнившие почти целиком лауну между древностью и средневековьем. Благодаря исследованиям ряда археологов (А. М. Обломского, А. А. Хрекова и др.), их удалось разделить на три хронологические группы:

1. Памятники инясевского типа. Известные пока только по лесостепному течению Хопра. Они датируются II–III вв. и несомненно принадлежат крайнему восточному варианту позднезарубинецкой культуры.
2. Поселения типа Каширки–Седелок. Появляются в Правобережье Верхнего Дона во 2-й половине III и заходят в IV в. (верхняя граница на-

дежно не установлена). Содержат материалы, близкие сейминско-донецкому варианту киевской культуры, а также небольшой, но вполне определенный Черняховский комплекс (сероглиняная гончарная посуда, каменные жернова, большие наземные дома и пр.).

3. Памятники типа III Чертовицкого городища. Представлены не только открытыми, но и укрепленными поселениями. Они были застроены небольшими полуземляночными жилищами, часто подквадратной формы. Отопительными устройствами служили обычные очаги и печи. Время появления этого типа памятников дискуссионно. Не вызывает сомнений их существование в конце позднеримского и раннегуннского время. Основные хроноиндикаторы соответствуют ступеням C₃–D₁₋₂ центральной европейской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда по проекту № 03-01 – 00244а/ц

хронології. Однак на поселенні Замятині 5 І. Е. Бірюковим знайдена трьохпальчатая фібрула, датована кінцем V–початком VI вв. Вона вказує на те, що деякі поселення доживають на Верхньому Дону до початку 3-ї чверті I тис. н. е. В їх керамічному комплексі переобладала лепна кераміка, по формі близька позднекиївської і лепної черняхівської. В невеличкій кількості зустрічені сероглинні Черняхівські миски, горшки і кувшини. Разом з цим населенням на Верхньому Дону з'явився вертикальний ткацький станок, про що свідчать численні знахідки глиняних грузил і характерні биконічні пряслиця, в тому числі гранені. Це населення з'явилося в нашій області в результаті міграції з переносом значущої частини культурного комплексу з вихідної «прародины» в українській лесостепі, де в цей час відбувалися багато ще неясні процеси раннеславянського культуро- і етногенезу.

В останні роки, крім побутових пам'яток черволицького типу, стали відомі і синхронні їм погребальні. До цього часу належить невеличкий ґрунтовий могильник з ингумаціями на території Животинного городища. Найцікавіше погребення 4 належало воїну, похованому відповідно до традицій сарматоаланської обрядності. Другий могильник раннегуннського часу вивчається Г. Л. Земцовим під г. Задонськом. В ньому недавно відкрито жіноче погребення з супроводжуючим інвентарем раннегуннського часу, але з характерним для алан зеркала типу Чмі-Бригедіо. Обидва могильники залишені степним по походженню населенням.

Таким чином, в пам'ятниках Верхнього Подоння типу III Черволицького городища основним культурообразуючим ядром були традиції київської культури при наявності пережиточного Черняхівського компонента. Раннеславянська атрибуція київської культури не викликає сумнів у більшості сучасних археологів. С V в. вона стала підосновой раннесередньовікової пенківської

культури. Незважаючи на дискусійність ряду моментів, раннеславянська, а точніше антська належність останньої «по єдинству місця і часу» поширення достатньо добре обґрунтована в сучасній науці.

Відкриття на Верхньому Дону вищеописаних древностей дозволяє практично повністю заповнити лакуну, довгий час зиявшу між самими пізніми пам'ятниками раннього залізного віку і раннього середньовіччя. На наш погляд, вони змушують по-новому поглянути на повідомлення Прокіпія Кесарійського про численні племена антів, що жили вище кочовиків-утигурів. Згідно з його географічними представленнями, володіння останніх включали Лівобережжя Нижнього Дону і степи до південно-сходу, зокрема, до Кавказу. Після згадки про степних кочовиків-утигурів у Прокіпія йде фраза: «А за ними, ще вище до півночі, сидять численні племена антів» (Bell. Goth. VIII: 4. 8–9). Після відкриття поселень гуннського часу на Верхньому Дону представляється цілком допустимим поширити етнонім *анти* (в найбільш імовірному перекладі з перського він міг означати «крайні», «живучі на краю») на населення, що залишило ці пам'ятники. Як видно, за змістом він дуже підходить і для племенної групування, що проживала на верхньодонських поселеннях і городищах типу Черволицького III, які розташовані на далеких східних рубежах народжуючого раннеславянського світу і найбільш чітко були пов'язані з ним по матеріальній культурі. Судячи з археологічних даних, пришельці з Подніпров'я наклалися тут на місцевий етнічний субстрат (остатки сарматизованого населення). В той же час, з'явившись тут в V в. ґрунтові могильники з ингумаціями свідчать про проникнення на Верхній Дон кочовиків, похованих відповідно до культурних традицій скоріше алан, ніж власне гуннів. Не виключено військово-політичне домінування цих кочовиків над осідлими мешканцями верхньодонських поселень гуннського часу.

Горбаненко С. А. (Київ)

З ПРИВОДУ ВИКОРИСТАННЯ РІЗНИХ ТИПІВ ЗНАРЯДЬ ДЛЯ ОБРОБІТКУ ҐРУНТУ (на прикладі матеріалів останньої чверті I тис. н. е.)

У науковій літературі щодо оранки різними типами знарядь для обробки ґрунту існують дві загальноприйнятні думки. Їх суть зводиться до того, що різними типами знарядь (в археологічному матеріалі представлені наконечниками та череслами) орали різні ділянки (або лісові та чорноземні, або легкі та важкі типи ґрунтів). Також побутує думка, що для використання заплав могли використовувати дерев'яні рала, не укріплені залізним наконечником. Останнє твердження верифікації археологічним матеріалом не піддається і розглядатися тут буде лише побіжно.

Означене питання розглянуто на прикладі матеріалів останньої чверті I тис. н. е. Лівобережжя Дніпра. На вказаній території станом на теперішній час відомо шість пам'яток зі знахідками частин орних знарядь та з визначеною потенційною ресурсною зоною за спрощеною схемою ґрунтів, які й будуть розглядатися. Це Битиця–I (волинцевський комплекс), Волинцеве (волинцевсько-роменсько-давньоруський комплекс), Новотроїцьке, Водяне, Мохнач (роменські комплекси), Глухів (роменсько-давньоруський комплекс).

Оскільки вузько- та широколопатеві наральники на той час широко відомі на території розселення слов'ян та їх сусідів, не ставиться під сумнів, що жителі різних пам'яток використовували саме ті наконечники, що підходили для їхніх цілей (для різних типів ґрунтів) якнайкраще.

Для доведення використання різних типів наральників на різних типах ґрунтів розглянемо два приклади. На давньоруській пам'ятці Автуничі (розташована виключно на ґрунтах, що формувалися під лісовою рослинністю) були знайдені лише вузьколопатеві наральники та їх частини. Окрім того, дослідники пам'ятки зазначають, що при шурфуванні неподалік від поселення було знайдено вуглики, а також сліди від орних знарядь у материк. Це, на думку дослідників, до якої є всі підстави приєднатися, доводить використання підсічно-вогневої системи землекористування.

У науковій літературі давно зазначено, що вузьколопатеві наральники частіше зустрічаються в лісовій місцевості. Тут слід додати, що такі наконечники використовувалися на ралах з гряділем під кутом приблизно 45° — для того, щоб було зручно переставляти знаряддя, якщо воно зачіплялося за коріння.

На пам'ятках Битиця–І і Новотроїцьке знайдено лише широколопатеві наральники типу І В 2 (3 і 2 відповідно) та чересла. Враховуючи, що пам'ятки знаходяться на чорноземах, доходимо висновків, що широколопатеві наральники використовувалися виключно для оранки саме на чорноземах. Більш ємно — на важких ґрунтах, де лісової рослинності немає або її давно було зведено і коріння в землі не залишилося.

На пам'ятках поблизу с. Волинцеве знайдено вузько- та широколопатеві наральники. Пам'ятки розташовані безпосередньо на ґрунтах, що формувалися під лісовою рослинністю. У потенційній ресурсній зоні вони становлять близько половини. Знахідки на пам'ятці вузьколопатеви́х наральників вказують на те, що ці ґрунти почали широко використовуватися під поля саме під час існування пам'яток (а не раніше). Разом з тим, присутність на периферії ресурсної зони чорноземів (близько 30 %) та знахідки широколопатеви́х наральників свідчать про використання більш віддалених полів або про те, що частина «лісових ґрунтів» через «лісовий» перелог була введена у вжиток доволі давно.

На городищі Водяному знайдено два наральники типу І В 2. Пам'ятка розташована на межі трьох типів ґрунтів: заплавні (до 20 %), чорноземи (близько 30 %), ґрунти, що формувалися під лісовою рослин-

ністю (приблизно половина). Отже, дані свідчать про використання земель без лісової рослинності. Це добре узгоджується з думкою Ю. Г. Чендева, що початкове засвоєння території відбувалося ще за скіфських часів. Таким чином, можемо стверджувати, що жителі городища Водяного розорювали чорноземи та ділянки, що раніше знаходилися під лісом, який було зведено ще до слов'янського заселення або на його самому початковому етапі.

На Мохначанському городищі знайдено леміш, два чересла. Основний тип ґрунтів (до 80 %) — сформовані під лісовою рослинністю; частина (до 20 %) — заплавні ґрунти. У цьому випадку наявність частин плуга вказує на його використання на полях, давно звільнених від лісу. Не виключено, що вузьколопатеві наральники просто не було знайдено. У разі, якщо їх взагалі не використовували, можна стверджувати, що раніше засвоєних ґрунтів та, можливо, заплав було достатньо для задоволення потреб жителів Мохначанського городища у землеробській продукції.

У Глухові знайдено два наральники типу І В 2 та втульчасте чересло. Потенційна ресурсна зона пам'ятки охоплює ґрунти, що формувалися під лісовою рослинністю; частина близьких до пам'яток ґрунтів (близько 10 %) знаходилася в заплаві. Отже, як і в попередньому випадку, можна стверджувати, що ділянок, де ліс було зведено доволі давно, та, можливо, заплави цілком вистачало для вирощування хлібів.

Таким чином, вищенаведені дані свідчать у першу чергу про доволі диференційний підхід у веденні сільського господарства. Оскільки в межах сучасної України майже вся територія була придатною для потреб землеробства (за виключенням у цілому незначних площ), та природні умови сприяли веденню сільського господарства, потреби землеробства не були визначальним фактором під час вибору місця заснування поселень. Можна зробити висновок, що давній землероб не надавав великого значення переважанню тих чи інших типів ґрунтів в навколоселищній зоні (за незначним виключенням). Скоріше навпаки, слід говорити про те, що люди пристосовувалися до навколишнього середовища, що на розглянутому матеріалові простежується через використання різних типів наконечників на орні знаряддя. Звичайно, поступово поселенці дещо пристосовували місця неподалік від поселень для власних потреб (зведення необхідної кількості лісів під поля).

Слід зауважити, що аргументи наведено для підняття питання та подання варіанту його вирішення.

Скурда В. В. (Харків)

НОВІ ДОСЛІДЖЕННЯ НА ДОНЕЦЬКОМУ ГОРОДИЩІ

Донецьке городище є однією з найбільш відомих археологічних пам'яток Харківщини. Початок його дослідженню було покладено в 30-х рр. XIX ст. В. В. Пассеком. Найбільш масштабні розкопки на

городищі у XX ст. було проведено професорами Харківського університету О. С. Федоровським та Б. А. Шрамко. Рятувальні розкопки цієї пам'ятки у 1978 р. проводилися О. Г. Дьяченко.

У 2003 р. розкопки на Донецькому городищі було проведено археологічною експедицією Харківського університету під керівництвом автора. Для розкопок було обрано ділянку на краю селища. А в його північно-західній частині, де раніше дослідження не проводилися. Внаслідок розкопок на поселенні було відкрито площу близько 80 кв. м. На цій площі було виявлено та розчищено чотири господарчі ями. Усі вони були майже круглими в плані та мали діаметр від 1,1 до 1,55 м. Глибина їх коливалась від 1,2 до 2,6 м від рівня сучасної поверхні. У південній частині ями 2 була виявлена ніша, в якій досліджено повний скелет собаки та щеня.

Серед знахідок зустрічалися вироби з заліза, бронзи, а також чисельні фрагменти гончарної кераміки. Треба відзначити, що вся ця кераміка відноситься до періоду X–XIII ст., тобто до часу існування літописного міста Дінця. Виключення становить лише один фрагмент ліпного горщика з орнаментом у вигляді гусеничного штамп, який належить до роменської культури VIII–X ст. Це дає можливість стверджувати, що ділянка Донецького городища, яка була досліджена у 2003 р., була заселена лише за доби Київської Русі. У роменський час поселення мало значно менші розміри.

Деякі фрагменти посуду доби Київської Русі, знайдені в останньому польовому сезоні, можна узгодити з класифікацією кераміки Донецького городища, запропонованою в 1985 р. О. Г. Дьяченко. Але іншим профілям горщиків, знайдених під час розкопок 2003 р., знайти аналогії в цій класифікації дуже важко. Це дає підставу говорити про те, що існуючу класифікацію необхідно доповнити.

Вироби з бронзи були нечисленними, але досить цікавими. У першу чергу треба відзначити такі знахідки: штампований бронзовий бубонець діаметром близько 1,5 см; напівсферична бляшка діаметром трохи більше 1 см з отвором у верхній частині та кільце, зігнуте з дроту, яке, ймовірно, було складовою частиною прикраси.

Досить часто під час розкопок зустрічалися артефакти, вироблені з заліза. Найбільш цікавою знахідкою серед них є ключ від замка. Він мав довжину 6 см, причому робоча його частина складала 2 см. Найбільш численними виробами з заліза були ножі. На жаль, у більшості випадків вони сильно корозовані або представлені фрагментарно. Дуже цікавою знахідкою з заліза є невеликий гачок, який мав розмір 3 см. Про призначення або функції, які виконували інші залізні вироби, знайдені під час розкопок 2003 р., зараз суди-

ти дуже важко. Про те, що всі ці артефакти вироблялися безпосередньо на Донецькому городищі, свідчать чисельні знахідки шматків залізних криць, деякі з них сягали ваги більш ніж 200 грамів, а також залізного шлаку. У своїй більшості вони були виявлені під час розчисток господарчих ям.

Знахідки виробів із кістки нечисленні, але досить визначні. У першу чергу, тут треба відмітити кістяне налуччя, обламане за двох боків. Довжина частини, що збереглася, складає 6,5 см, товщина її близько 3 мм. В ямі 2 було знайдено два астрагали, прикрашені орнаментом. На думку деяких дослідників, ці кістки використовувались у якійсь невідомій нам грі.

З прикрас слід відзначити знахідки двох намистин. Одна з них була виготовлена з коричневої пасту та мала майже кулясту форму, діаметр її складав трохи більше одного сантиметра. Друга намистина мала вигляд двох з'єднаних між собою потовщених кілець і була виготовлена з зеленого скла.

До особливих знахідок слід віднести уламок точильного каменю товщиною близько 1,5 см.

Під час розкопок були також виявлені зяброві кришки та луска риби, що дає можливість говорити про заняття наших пращурів слов'ян, які мешкали на Донецькому городищі, рибальством. Певну роль у їх господарстві відігравало, вірогідно, і збиральництво, про що свідчать знахідки на поселенні шкаралупи лісових горіхів. Крім того, на городищі були знайдені мушлі дрібних і великих моллюсків, щелепа дрібної тварини, зуби великих копитних тварин та ін.

Таким чином, матеріали, отримані під час розкопок археологічної експедиції ХНУ ім. В. Н. Каразіна на Донецькому городищі у 2003 р., підтверджують більшість положень про господарчу діяльність його населення, які були висловлені раніше проф. Б. А. Шрамком та іншими дослідниками. Спираючись на артефакти, знайдені в цьому сезоні, можна з повною впевненістю говорити про те, що населення давньоруського міста Дінця було знайоме з обробкою бронзи, заліза, кістки. На досить високому рівні знаходилося гончарне виробництво. Крім того, мешканці Донецького городища періоду Київської Русі займалися рибальством та збором лісових горіхів.

Розкопки 2003 р. доводять доцільність подальшого дослідження та вивчення Донецького городища. Зокрема, необхідно встановити кордони городища в роменський період його існування. Потребує доповнення класифікація кераміки цієї пам'ятки періоду Київської Русі, запропонована О. Г. Дьяченко.

Колода В. В., Фоменко Г. Н. (Харьков)

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЖИЛИЩ НА ГОРОДИЩЕ МОХНАЧ

Остеологический материал является неотъемлемой частью артефактов практически любого поселения. Однако, несмотря на свою важность для решения

вопросов хозяйственной деятельности, он не часто привлекает внимание специалистов-археологов. Поэтому среди разнообразных раннесредневековых

Таблица 1. Жилище «А»

Вид	Препарат	Примерный возраст
крупный рогатый скот	часть верхней челюсти	теленок (?)
	атлант	молодая особь
	дистальный эпифиз большой бедренной кости	взрослая особь
	левая пяточная кость	взрослая особь
	первая фаланга пальца	взрослая особь
	первая фаланга пальца	взрослая особь, но моложе предыдущей
мелкий рогатый скот	левая нижняя челюсть	взрослая особь
собака	левая большая берцовая кость	молодая особь

материалов, выявленных на городище у с. Мохнач Змиевского р-на Харьковской обл., мы решили обратиться к коллекции костного материала из роменских жилищ второй половины X–начала XI вв. Исходя из имеющихся в наличии материалов, главной задачей нашей работы является введение в научный оборот новых данных о скотоводстве и охоте, а также об их роли в жизни раннеславянского населения бассейна Северского Донца.

В пределах южной части указанного городища выявлено три синхронных заглубленных жилища, в каждом из которых были обнаружены кости животных. Отметим, что вне жилых помещений в пределах раскопа также найдено немало костей животных. Однако наличие культурных нестратифицированных отложений с артефактами от раннего железного века до нового времени не позволяет провести целенаправленную выборку остеологического материала роменского времени.

Поэтому для изучения скотоводства северян, проживавших на данном памятнике, мы вынуждены были остановиться на исследовании костных материалов из хорошо датированных и культурно определяемых жилищ. Исследование костей и их обломков проведено на кафедре анатомии сельскохозяйственных животных Харьковской государственной зооветеринарной академии.

В помещениях «А» и «В» костный материал был разнообразным (см. табл. 1, 2). В жилище «Б» обнаружен лишь один коренной зуб (моляр) взрослой особи крупного рогатого скота, а в помещении «В» обнаружено наибольшее количество костей животных.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в остеологическом материале жилищ преобладают кости домашних животных, особенно крупного рогатого скота. Значительно меньше представлены кости мелкого рогатого скота и свиньи. Находки останков лошади и собаки практически единичны.

Таблица 2. Жилище «В»

Вид	Препарат	Примерный возраст	Прим.
крупный рогатый скот	часть верхней челюсти	молодая особь	
	часть нижней челюсти	молодая особь	
	коренной зуб (моляр) — 4 шт.	молодая особь — 2 шт., взрослая особь — 2 шт.	
	типичный шейный позвонок	взрослая особь	
	первый поясничный позвонок	взрослая особь	
	таранная кость	молодая особь	
	суставной конец лопатки	молодая особь	
	суставной угол лопатки	взрослая особь	
	дистальная часть плечевой кости	взрослая особь	
	проксимальная часть локтевой кости	взрослая особь	
	пяточная кость	взрослая особь	
	фаланги пальцев — 3 шт.	молодая особь — 2 шт., взрослая особь — 1 шт.	
часть нижней челюсти	молодая особь — 1 шт., взрослая особь — 1 шт.	на жертвеннике*	
часть коренного зуба (моляр)	молодая особь		
мелкий рог. скот	проксимальная часть большой берцовой кости	молодая особь	
свинья	клык	взрослая особь	
	часть пястной кости	взрослая особь	
лошадь	коренной зуб (моляр)	молодая особь	

* Кроме того, на жертвеннике была найдена часть верхней челюсти молодого сурка-байбака.

Преимущественное культивирование крупного рогатого скота связано как с мясомолочным направлением в скотоводстве местного населения, так и с использованием этих животных в качестве тягловой силы для вспашки полей. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди костных образцов отсутствуют препараты от старых особей. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что животные забивались в оптимальном для гастрономии возрасте или в результате какой-либо непонятной для нас выбраковки (табл. 1).

Кроме того, в этом жилище найдена часть тазовой кости молодого (до 1 года) бобра и лучевая кость спинного плавника молодого сома, а также 7 птичьих (куриных) костей.*

Занятие охотой и рыбной ловлей носило вспомогательный характер и служило для пополнения мясного рациона (сом, бобр, сурок-байбак). Шкур-

ки грызунов вполне могли использоваться для изготовления теплой одежды, а их жир имел целебные свойства. Находки куриных костей свидетельствуют о наличии в хозяйстве и некоторого количества домашней птицы. В пределах раскопа найдены также куски рога благородного оленя (некоторые со следами распиливания, рубки или раскола), что расширяет наше представление о возможных объектах охоты и утилизации их остатков на поселении. Известны и изделия из оленьего рога.

Таким образом, полученные и проанализированные костные материалы свидетельствуют о подавляющем преимуществе скотоводства в деле обеспечения мясомолочной пищей роменского населения Мохначанского городища. Разведение крупного рогатого скота также вносило существенный вклад в развитие местного земледелия, поставляя тягловых животных.

Аксенов В. С. (Харьков)

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАСЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

В захоронениях салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца встречаются зачастую бронзовые или серебряные зеркала одного вида. Это литые зеркала с центральной петлей, диаметр которых колеблется от 5 до 7 см. Обратная сторона зеркал украшена рельефными концентрическими кругами, зигзагами, волнами, «жемчужинами», ячеистым орнаментом и т. п. (Плетнева, 1989, рис. 51–53). Возникновение данного вида относится к концу II–III в. н. е. и связывается с шиповским этапом развития сарматской культуры юга Восточной Европы (Хазанов, 1963, с. 67). В наибольшем количестве зеркала этого вида встречены в Северокавказских памятниках VI–IX вв. и в Крыму (Ковалевская, 1981, рис. 62). В VIII–IX вв. зеркала с центральной петлей и рельефным орнаментом получают широкое распространение в памятниках салтовской культуры (Хазанов, 1963, с. 69; Плетнева, 1981, рис. 37). Они характерны для памятников, связываемых с сармато-аланским населением юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

Салтовские зеркала неоднократно становились объектом научного исследования (Иченская, 1982, с. 151–163). Однако с салтовских памятников Подонцовья происходит целый ряд зеркал совершенно другого вида. Так, они обнаружены в захоронениях биритуального могильника Красная Горка, в кремациях могильника Сухая Гомольша, в ингумационных захоронениях Червоногусарского и Нетайловского могильников. Бронзовые зеркала классического салтовского типа с центральной

петелькой были найдены только в двух погребениях (№ 143, 291) могильника Красная Горка из всех выше названных некрополей.

Найденные в погребениях выше названных могильников бассейна Северского Донца зеркала представлены четырьмя типами.

Тип 1. Зеркала в форме круглой, иногда слегка выпуклой пластины диаметром 8–10 см. Края зеркал местами уплощены с торцов, местами закруглены. Толщина пластины колеблется от 0,1 до 0,2 см. Орнамент отсутствует. Зеркала этого типа, изготовленные из бронзовой пластины, обнаружены в ингумационных погребениях № 90, 97, 164, 311 биритуального могильника Красная Горка, в кремациях № 93, 107 могильника Сухая Гомольша.

Тип 2. Зеркала с круглым плоским диском и боковой пластинчатой ручкой. Диаметр диска составляет 8–10 см. Длина ручки 4–7 см. Толщина пластины, из которой изготовлено зеркало, колеблется от 0,1 до 0,2 см. Серебряные зеркала этого типа найдены в ингумационных погребениях № 147, 197 Нетайловского могильника. Вероятно, к этому типу относилось и зеркало, фрагмент которого был обнаружен в погребении № 39 того же могильника. Диаметр диска у него составлял 11,0 см (Пархоменко, 1983, с. 85). Вероятно, разновидностью этого типа являются зеркала в форме круглой пластины диаметром 8–10 см с небольшим боковым выступом высотой 1–2 см. Выступ в нижней части диска зеркал — это все, что осталось от отломившейся в древности ручки. Бронзовые зеркала этого типа проис-

* Определение птичьих костей проведено сотрудником Центра кольцевания птиц НАН Украины С. Тайковой, а кости бобра и сома — сотрудником Института археологии НАН Украины О. Журавлевым, за что авторы им весьма признательны.

ходят из погребения по обряду труположения № 88 могильника Красная Горка. Показательно, что зеркала, происходящие с Нетайловского могильника, расположенного в непосредственной близости от крупнейшего памятника северо-западной Хазарии — Верхне-Салтовского археологического комплекса, все изготовлены из серебра, тогда как зеркало из Красногоровского могильника — бронзовое.

Тип 3. Зеркала круглой формы с валиком по краю, диаметром 14,0–15,0 см. Толщина пластины колеблется от 0,2 до 0,3 см, у края — до 0,4 см. Зеркала литые, украшены орнаментом в виде нескольких концентрических окружностей, делящих зеркало на несколько поясов. Одно зеркало этого типа было найдено в погребении по обряду труположения № 36 могильника Червоная Гусаровка, еще одно — в ингумационном погребении могильника Красная Горка (№ 181).

Зеркала первого типа получили наибольшее распространение на суловском этапе развития сарматской культуры, в более позднее время количество находок их резко уменьшается (Хазанов, 1963, с. 64). Простота формы данного типа зеркал обусловила длительное время существования их у разных народов и на огромной территории. Ближайшими аналогиями нашим зеркалам являются зеркала из разрушенного кремационного комплекса могильника VIII–IX вв. Казаво 2 (Адыгея) (Пьянков, 2004, с. 53, рис. 1, 1), и из погребения № 8 Шелехметского могильника (Самарская Лука), датируемого второй половиной VII–VIII вв. (Матвеева, 1997, с. 69, рис. 113).

Зеркала с боковой ручкой из могильников бассейна Северского Донца находят аналогии в кочевнических древностях Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, начиная от скифо-сармат-

ской эпохи до раннего средневековья. В раннее средневековье пластинчатые зеркала с боковой ручкой известны в древностях бахмутской (V–VI вв.) и кушнаренковской (V–VII вв.) культур Приуралья (Мажитов, 1968, с. 142, рис. 18; Генинг, 1977, с. 85), в памятниках джет-асарской культуры (V–VII вв.) Приуралья (Левин, Равич, 1995, с. 122–161). Типологически близкие зеркала, но с округлым расширением на конце ручки, происходят из приписываемых хазарам нижнедонских подкурганых «захоронений с ровиками» (Иванов, 2000; Иванов, Копылов, 2001, рис. 1). Встречены они и в раннеболгарских захоронениях конца VII–VIII вв. с территории Среднего Поволжья (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 274, табл. LXII, 2, с. 263, табл. LI, 6).

Массивные зеркала с циркульным орнаментом на оборотной стороне не имеют полных аналогий в раннесредневековых древностях юга Восточной Европы. Нахождение в погребении № 36 могильника Червоная Гусаровка зеркала внутри каптаргака, а также тот факт, что оно было преднамеренно сломано, указывает на принадлежность данного вида зеркал выходцам из степных районов.

Погребения Нетайловского, Красногоровского, Сухогомольшанского и Червоногусаровского могильников, в которых были обнаружены зеркала, датируются второй половиной VIII–третьей четвертью IX вв. Присутствие зеркал рассмотренных типов в памятниках лесостепного варианта салтовской культуры (бассейн Северского Донца) однозначно свидетельствует о присутствии здесь выходцев из степных районов, сохранивших, несмотря на тесный контакт с аланским населением Подонцовья, свои кочевые традиции и свойственные только им предметы материальной культуры.

Хоружая М. В., Аксенов В. С. (Харьков)

СЕМАНТИКА ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В КАТАКОМБЕ № 72 ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Многолетние исследования катакомбных могильников второй половины VIII–первой половины X вв. бассейна Северского Донца показали, что захоронения детей производились в полном соответствии с нормами погребального обряда, свойственного аланскому населению салтово-маяцкой культуры. При этом дети хоронились как в простых грунтовых ямах и в ямах с подбоем, так и в отдельных катакомбах или в катакомбах вместе со взрослыми, чаще всего с женщиной. По мнению О. Б. Бубенка в этом следует видеть отражение половозрастной градации, существовавшей внутри салтовского общества [Бубенок, 1993, с. 54–56]. Детские костяки во всех случаях лежали так же, как и костяки взрослых: в продольных камерах — ногами ко входу, в поперечных камерах — головой влево от входа.

В 2003 г. экспедицией Харьковского исторического музея на Верхне-Салтовском IV могильнике

было обнаружено интересное коллективное детское захоронение, произведенное в катакомбе № 72.

На уровне обнаружения пятно дромоса имело в плане «булавовидную» форму из-за наличия в его восточном конце входа вторичного проникновения в погребальную камеру. Дромос имел длину 6,3 м и являлся наибольшим из всех исследованных на данный момент на могильнике. В восточном конце дромоса располагался ход повторного проникновения в погребальную камеру. Заполнение хода повторного проникновения слоистое, с наклоном слоев грунта в сторону входа в погребальную камеру. В заполнении на разных глубинах встречались древесные угольки, мелкие фрагменты салтовских сосудов. Дно хода повторного проникновения фиксировалось по слою плотной натопанной земли и по остаткам деревянного заклада, отброшенного от входа в погребальную камеру. Глубина дромоса у входа

в погребальную камеру — 3,7 м от современной поверхности почвы. Камера имела в плане форму, близкую к кругу диаметром 2,0–2,2 м. Пол камеры тарелкообразный. Он фиксировался на глубине 3,82 м от современной поверхности почвы.

Камера содержала захоронение четырех детей в возрасте 4–6 лет. Детские костяки были уложены в виде квадрата. Так, первый костяк располагался слева от входа и был ориентирован головой к входу в камеру. Так же был ориентирован костяк № 3, лежавший справа от входа. Костяк № 2 занимал место между ног погребенных № 1 и № 3 и был ориентирован головой влево от входа. Костяк погребения № 4 лежал параллельно костяку № 2, занимая место между головами покойника № 1 и № 3 у самого входа в камеру, но был обращен головой вправо от входа. Костяк погребения № 4 подвергся полному разрушению.

За черепом погребенного № 1 стояла салтовская кружка с петлевидной ручкой, поверх которой была уложена крупная трубчатая кость бычка — остатки мясной жертвенной пищи. При костяке обнаружен следующий инвентарь: пара бронзовых сережек; два бронзовых литых бубенчика; три спиралевидных пронизи и три астрагала, один из которых имел отверстие для подвешивания, еще на одном был прочерчен квадрат. Погребенный № 2 покоился на угольной подсыпке, толщиной 1 см. При костяке были обнаружены два бронзовых браслета, четыре астрагала, два из которых с отверстиями для подвешивания, железный нож, литая бронзовая пуговица, спиралевидные пронизи, два литых бубенчика, бронзовая поясная щитковая пряжка, несколько бронзовых литых поясных бляшек, литая бронзовая сережка с неподвижной каплевидной подвеской. Рядом с черепом погребенного № 3 была расчищена яичная скорлупа. При костяке были найдены: две пары бронзовых литых сережек с неподвижной каплевидной подвеской; бронзовые спиралевидные пронизи; бронзовая литая пуговица; две серебряные монеты, превращенные в подвески; стеклянные и сердоликовые бусы; два бронзовых проволочных браслета; девять литых бубенчиков. Инвентарь погребения № 4 состоял всего лишь из двух бронзовых спиралевидных пронизей и трех литых бубенчиков.

Майко В. В. (Симферополь)

К ВОПРОСУ О РУНИЧЕСКИХ И ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКАХ ТЮРКО-БОЛГАР ТАВРИКИ VIII–X вв.

История изучения тюркского рунического письма и различных тамгообразных знаков эпохи раннего средневековья насчитывает почти сто лет. В последнее время общепринятой стала точка зрения о существовании в раннее средневековье нескольких самостоятельных алфавитов (Кызласов, 1998, с. 75). Для территории Европейской Хазарии выделено

В данном захоронении зашифрована определенная мировоззренческая концепция, что подтверждается размещением умерших детей в виде квадрата, вписанного в круг (форма погребальной камеры в плане). Костяки детей при этом маркировали стороны горизонта. Так, погребения № 2 и 4 расположены по линии восток–запад, погребения № 1 и 3 — по линии север–юг (с сезонным отклонением). По линии восток–запад (погребение № 2 и № 4) в погребальной камере располагались дети, качества которых могут соответствовать противопоставлениям типа «младший–старший» («неполноценный–полноценный»). У большинства народов в жилище противопоставлялись вход (дверь, порог) и почетный (дальний) угол, в котором располагался лишь хозяин дома, отводилось место для особо почетных гостей. Погребенный № 2 (мальчик) наделен всеми атрибутами «старшего» — поясным набором, железным ножом, двумя бронзовыми браслетами, одной сережкой и т. д. На высокую социальную значимость данного покойника указывает и факт наличия под ним угольной подсыпки — символа домашнего очага. В то же время инвентарь ребенка у порога (№ 4) минимален, что можно рассматривать как показатель своеобразной социальной «неполноценности». «Неравенство» погребенных подтверждается и их ориентировкой головами в противоположные, по отношению друг к другу, стороны.

Внутреннее деление жилого помещения у многих народов предполагало наличие женской и мужской половины. Это находит подтверждение и в катакомбе № 72. Так, слева от входа в камеру был погребен мальчик, тогда как в правой половине камеры было произведено захоронение девочки. Половые характеристики подтверждает специфический погребальный инвентарь обоих захоронений. При этом оба погребенных ориентированы головами в одну сторону, что можно рассматривать как показатель их социальной и родовой равноправности.

Таким образом, в камере катакомбы № 72 представлена своеобразная пространственная характеристика освоенного, «культурного» мира, свойственная аланскому населению второй половины VIII–IX вв. Подонцовья.

две группы письма — «донская» и «кубанская». Последняя связывается именно с тюрко-болгарским этносом [Плетнева, 2000, с. 218]. Предпринимались и попытки осмысления рунических и тамгообразных знаков населения Хазарии (Флерова, 1997).

В данной работе будут рассмотрены некоторые типы рунических и тамгообразных знаков прабол-

гарского населения юго-восточной части Крымского полуострова в период VIII–первой половины X вв. и тюркского населения юго-восточной Таврики второй половины X–начала XI вв. Для создания полного банка данных подобные исследования знаков необходимы и для праболгарского населения других частей Крымского полуострова.

Знаки на блоках оборонительных стен Сугдеи представлены несколькими экземплярами, происходящими с участка куртины XV и XIX. В основном это изображения различного рода двузубцев и трезубцев, отличающихся как размерами, так и прорисовками деталей. Один из блоков, с изображением трезубца, происходит из развала кладки жилого дома IX–X вв., пристроенного к крепостной стене. Другой, с тамгой в виде «птичьей лапки», обнаружен при исследовании раннесредневековой постройки. На третьем зафиксированы три типологически близких тамгообразных знака. Исключение составляет блок с изображением двух знаков, не имеющих аналогии среди тамгообразных знаков Сугдеи, но сходных со знаками арамейского алфавита. На этом же участке обнаружен и вторично использованный в гунуэзское время каменный блок с четко прочерченным двузубцем, основание которого выполнено в виде угла. Особо отметим замковый каменный блок, происходящий из портовой части Сугдеи. На внешней его стороне выдолблен солярный знак в виде свастики в четырехугольном обрамлении. Существование однотипных знаков, в том числе и на одном камне, восходящих к одному прототипу, связывается с распадом рода на семьи и наличием семейных тамг (Нахапетян, 1988, с. 102).

На территории городища Тепсень в кладке стен т. н. Большого храма обнаружена плита с двумя знаками. По моему мнению, один из них представляет собой обычный двузубец, другой, в виде вертикальной слегка загнутой в сторону в нижнем углу полосы, полностью идентичен одному из знаков на каменном блоке оборонительной стены Сугдеи, связываемому со знаками арамейского алфавита.

Знаки на керамических сосудах представлены четырьмя различными по технике исполнения граффито в виде трезубца и одним изображением пятиконечной звезды. Вероятнее всего, четыре первых знака обозначают мастеров — изготовителей изделий, последний — владельца амфоры.

Знаки на астрагалах представлены множеством вариантов простых горизонтальных черточек, иногда с намечающимся изломом посередине. Реже — в сочетании с более или менее четко проведенной вертикальной линией. Вторую группу образуют экземпляры с различного рода «лесенками» и «сетками», иногда в сочетании с горизон-

тальными линиями. Третья группа — изображения квадратов и прямоугольников, с прочерченными диагоналями как одинарной, так и двойной линией, с добавлением к этому креста, делящего квадрат на четыре части, со сложным геометрическим узором и сеткой, заполненными точками, с прочерченными диагоналями на фоне горизонтальных линий. Уникальными являются два астрагала, происходящие из одного жилого комплекса городища Тепсень. На одном из них прочерчены, вероятно, две тамги в виде двузубца и угла, на другом — тамгообразная надпись, состоящая, вероятно, из шести символов. Три из них — различного рода двузубцы, один крест, один угол и один знак в виде арабской цифры семь.

Метка в виде трезубца присутствует и на черепице, обнаруженной при раскопках упоминавшегося т. н. Большого храма на территории городища Тепсень.

Тамгообразные знаки обнаружены и на плитах обкладки плитовых могил праболгарских некрополей (Судак–II, VI). В двух случаях это двузубец, в одном — блок с прочерченной минорой и нечеткой тамгой.

Рунические и тамгообразные знаки обнаружены и на игольнице, а также на уникальных моделях зороастрийских храмов. Сами изделия опубликованы (Майко, 1996, с. 145; Майко, 2004, с. 214; Джанов, 1996, с. 42–44), что избавляет от их повторного описания. На двух противоположных поверхностях игольницы четко вырезаны четыре комбинированных знака, по два на каждой стороне. В их основе лежит хорошо известный знак в виде двух треугольников со смежными вершинами, усложненный вторичным значком в виде угла и «отростками». На боковых плоскостях кубической модели, из которых одна сохранилась полностью, а две — частично, по сырой глине прочерчено четыре знака с заполнением красной краской. Знаки, изображенные на модели, за исключением фрагмента солярного знака в виде свастики и «рюмкообразного» двузубца, отсутствуют в системе рунической письменности Евразии, но совпадают со знаками арамейского алфавита (Джанов, 1996, с. 42–44). На фрагменте терракотовой кубической модели культового здания на нижней поверхности сохранившегося «алтаря» процарапана тамга в виде двузубца.

В заключение отметим, что, по мнению И. Л. Кызласова, расшифровка в настоящее время хазарского и болгарского рунического алфавита из-за своеобразия палеографии невозможна. Однако любой дополнительный материал, вводимый в научный оборот, позволяет приблизиться к чтению и пониманию письменных памятников Хазарии, что будет одним из крупнейших открытий тюркологии XXI в. (Плетнева, 2000, с. 220).

Тортика А. А. (Харьков)

РЕКА БУРТАС СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ: ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

Среди географических объектов юга Восточной Европы, известных арабо-персидским географам X в. фигурирует некая река Буртас, связывающая водным путем одноименное раннесредневековое население, буртасов со столицей Хазарского каганата Итилем. В исторической науке, начиная со второй половины XIX в., был высказан ряд предположений по поводу отождествления р. Буртас с той или иной ныне существующей рекой Восточной Европы. Под р. Буртас восточных авторов отдельные исследователи (Хвольсон, Маркварт, Минорский, Заходер и др.) подразумевали Самару, Оку, часть течения Волги от Самарской Луки до места, где Волга начинает делиться на рукава и т. д. Особого внимания заслуживает гипотеза Г. Е. Афанасьева, который на основе сопоставления археологических памятников салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. и сведений арабо-персидских авторов о некоем раннесредневековом народе (племени, союзе племен) буртасах пришел к выводу о том, что под р. Буртас следует понимать Дон или Северский Донец. В настоящем исследовании будет подвергнута сомнению правомерность именно такой локализации р. Буртас и сделана попытка иного ее отождествления.

Следует отметить, что еще А. П. Новосельцев возражал против «искусственного перенесения территории буртасов на запад от бассейна Волги». Его аргументация шире задач, стоящих перед настоящей работой, но в целом она связана с традиционным для отечественной исторической науки определением места проживания буртасов в правобережном Поволжье, вероятно, в лесной зоне, и соотношением этого раннесредневекового населения с предками современной мордвы. Такая постановка вопроса исключает возможность отождествления р. Буртас с Доном. Вероятно, именно поэтому А. П. Новосельцев не уделил внимания разбору гипотезы Г. Е. Афанасьева и не привел никаких дополнительных доказательств в пользу своей точки зрения.

Прежде чем приступить к анализу аргументации Г. Е. Афанасьева, необходимо привести соответствующие отрывки из средневековых источников, дающие возможность предполагать то или иное расположение р. Буртас.

Непосредственно о существовании реки под названием Буртас среди арабо-персидских авторов X в. знает только ал-Мас'уди. В этой связи его сведения представляют наибольшую ценность и должны быть подвергнуты наиболее тщательному анализу. Он сообщает, что: «хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города **вверх по реке, которая течет в их реку из верхних мест и которая называется Буртас**; вдоль нее живут оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского

царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бургарами. **Эта река течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар.** *5. **Буртас — тюркское племя, живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени».**

Казалось бы, что приведенные свидетельства только подтверждают расположение буртасов и р. Буртас в районе бассейна Волги. Все использованные ал-Мас'уди географические ориентиры связаны именно на приволжский регион: хазары плывут вверх по течению (т. е., видимо, по Волге к буртасам); поселения буртасов тянутся непрерывно между хазарами и болгарами; река буртасов течет со стороны болгар; суда непрерывно ходят по ней между болгарами и хазарами и др. Исходя из информации ал-Мас'уди о р. Буртас, а других прямых данных не существует, вероятнее всего, под р. Буртас следует понимать какую-то часть течения Волги, берега которой были населены буртасами, ассоциировались с этим народом и потому вызвали у ал-Мас'уди или его информаторов идею о существовании особой реки с таким названием.

Тем не менее, Г. Е. Афанасьев именно на основании процитированного выше отрывка из ал-Мас'уди делает вывод о тождестве р. Буртас с Доном. Г. Е. Афанасьев считает, что, исходя из описания восточного автора, р. Буртас может рассматриваться как многоводный и судоходный приток Итиля. Но в то же время, как справедливо отмечает Г. Е. Афанасьев, «ни в среднем, ни в нижнем течении Волги между хазарами и волжскими булгарами таких притоков нет». Как же объяснить тогда показания источников? Г. Е. Афанасьев предлагает следующий способ: между Доном и Волгой в хазарское время существовал волоковый путь; информаторы Мас'уди не знали о волоке, но знали, что можно на кораблях попасть из Каспия и Волги в Черное море и наоборот, и в связи с этим считали Дон притоком или истоком (рукавом) Волги, т. е. думали, что из Дона можно проплыть в основное русло Волги и далее к Итилю, столице хазар, не выходя на сушу. Все это дает Г. Е. Афанасьеву основания для «отождествления р. Буртас с Доном, который в районе г. Калачна-Дону так близко подходит к Волге, что информаторы Мас'уди принимали его за приток Итиля».

Возражая Г. Е. Афанасьеву, следует отметить, что там, где ал-Мас'уди говорит о Волго-Донской перешейке и вообще о пути, соединяющем через перешейку бассейны Черного и Каспийского морей, он ни разу не упоминает ни буртасов, ни р. Буртас, т. е. очевидно, что он никак не соотносит р. Буртас и Дон. Тем более, Дон известен ему в его классическом названии, воспринятом арабскими геогра-

фами от Птолемея, — Танаис: «Что касается моря Понтос, то оно простирается от страны Лазики до Константинополя... В него впадает великая река, известная под именем Танаис...»

Вообще по отношению к Дону в арабо-персидской географической традиции, сформировавшейся еще до ал-Мас'уди в IX в., помимо классического названия Танаис, применялось иное определение описательного характера: не «река буртас» как предлагает Г. Е. Афанасьев, а «река славян» (нахр ас-сакалиба). Прежде всего, этот термин — «река славян» — по отношению к Дону был использован ибн Хордадбехом и ал-Факихом. У обоих авторов упоминания о «реке славян» связаны с описанием торговых путей, проходивших через Восточную Европу в IX в.

Представления о Танаисе — Доне как «реке славян» формируются в арабской географии не ранее середины — второй половины IX в. Эти представления связаны не столько с реальным Доном, сколько с водным торговым путем, проходившим в IX в. через Дон, Волгу и другие реки Восточной Европы.

Настоящее среднее течение Дона, междуречье Дона и Северского Донца, где и получил распространение аланский вариант салтово-маяцкой культуры, который Г. Е. Афанасьев связывает с буртасами письменных источников, авторам этого времени было совершенно неизвестно. Рассказывая о нижнем Доне или об ассоциировавшемся с ним Волго-Донском волоковом пути, они никогда не упоминали буртасов и не пользовались названием — «р. Буртас». Этот регион традиционно был связан для них с «сакалиба» и русами, а также с хазарами, контролировавшими этот водный путь и собиравшими таможенные пошлины с купцов. Регион, так или иначе связанный с народом буртас, различная географическая терминология, производная от буртасов, локализуются севернее в трудах всех арабо-персидских авторов, хоть как-то упоминавших о буртасах. Буртасы находятся между хазарами и булгарами, в районе правого берега Волги, вероятно, в лесостепи или на юге лесной зоны. Где-то здесь и нужно искать место для р. Буртас ал-Мас'уди.

Дьячков С. В. (Харьков)

БАШНЯ № 8 КОНСУЛЬСКОГО ЗАМКА ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

В 2004 г. объединенная археологическая экспедиция Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, университетского лицея и Национального заповедника «Херсонес Таврический» продолжила планомерные исследования генуэзской крепости Чембало (г. Балаклава). В этом году экспедиция сосредоточила усилия на раскопках оборонительных сооружений консульского замка города св. Николая. Первым объектом исследования выбрана башня № 8, расположенная на крутом северном склоне г. Кастрон на высоте 57 м над уровнем моря.

Башня № 8 возведена непосредственно на скальных выступах. Стены сложены из грубо обработанного, преимущественно местного камня прямоугольной и квадратной формы средних размеров (0,3×0,2; 0,4×0,25 м и т. п.). Камни кладки сложены с помощью густого известкового раствора, основу которого составляли известь, крупный песок и мелкие морские камушки. Северный угол башни имеет острый угол, что придало башне форму прямоугольной трапеции. Толщина стен — 0,9–1,1 м. Толщина юго-восточной стены башни, обращенной вовнутрь крепости, составляет — 0,6 м.

Длина внутреннего помещения — 6,4 м. Ширина — 3,5 м. Площадь основания башни № 8 с учетом толщины стен составила 45 кв. м. Стены сооружения местами (в северном углу) сохранились на высоту до двух метров. Пол внутреннего помещения башни был покрыт плотным известковым раствором.

Анализ внутренних напластований и строительных остатков сооружения не позволяет пока говорить о существовании в башне второго этажа. Для

оборудования второго этажа, вероятно, не было объективной необходимости, поскольку башня располагается на весьма крутом северном склоне, а массивный скальный выступ, нависающий над тропой, проходящей внизу, является своеобразным продолжением стен башни.

Исследование слоев внутренних помещений башни и прилегающего к ней пространства позволили выделить два условных строительных периода: «генуэзский» и «османский».

Предварительные результаты раскопок позволяют говорить, что в XIV–XV вв. башня выполняла исключительно оборонительные функции, являясь частью комплекса фортификационных сооружений консульского замка. Очевидно, башня № 8 контролировала излучину бухты, а также сухопутные подходы к главному входу в замок, находившемуся с внутренней стороны Балаклавской бухты. К этому периоду истории башни относится фрагментарно сохранившийся плотный известковый пол, мощностью до 5 см. В северном углу башни выявлена нижняя часть большого плоскостонного пифоса, датируемого XIII–XIV вв. Этот сосуд, вероятно, использовался для хранения запаса воды.

Раскопки 2004 г. позволяют полагать, что территория консульского замка имела хорошо продуманную систему водостоков. Вдоль юго-восточной стены башни № 8 обнаружен канал водостока, который самотеком отводил грязную воду за пределы замка. Водосток оборудовали в каменном желобе, проложенном вдоль стены башни. С внешней стороны восточного угла башни был сооружен туалет, снабженный сливом и сифоном, для сброса воды.

После захвата Чембало турками-османами функциональное назначение башни № 8 существенно изменилось. Башня подверглась перестройке. Внутри башни была сооружена каменная поперечная стена, разделившая помещение на две неравные части. Эта стена сохранилась на высоту до одного метра. В средней части стены сохранились следы порога. Вероятно, башня стала использоваться как жилое или хозяйственное помещение. В пользу этого предположения указывает тот факт, что на площадке вблизи башни была обнаружена достаточно большая печь, сложенная из необработанного мелкого и среднего камня. Внутренний диаметр печи составил около 1,3 м. Пол печи был выложен обломками стенок сосудов XIV–XV вв. Вероятно, печь использовалась для бытовых нужд жителя Чембало во времена после турецкого завоевания, когда территория консульского замка утратила военное значение.

Наибольший интерес представляет находка запаса каменных ядер, обнаруженных в трех метрах от восточного угла башни № 8, непосредственно за печью. Каменные ядра шаровидной и яйцевидной формы сложены в виде стены, некоторые из них скреплены между собой глинистым раствором. Ви-

зуально наблюдается 36 ядер. Диаметр ядер колеблется в пределах 0,26–0,42 м. Ядра выполнены из местного мелко околотога камня либо подобраны морские камни округлой или яйцевидной формы. Форма ядер и материал, из которого они выполнены, не оставляют сомнения, что они предназначались для использования в качестве снарядов больших метательных машин. Можно предположить, что с северной стороны замка, за оборонительными стенами, была оборудована площадка для установки метательных машин. Вероятно, машины были способны доставлять ядра до акватории бухты, как раз в тех местах, где парусным судам приходилось выполнять сложные маневры, значительно замедляя ход. Таким образом, комплексное изучение запаса ядер позволит получить интересные данные, касающиеся «доартиллерийского» периода генуэзской крепости Чембало.

По всей видимости, в «турецкое время» ядра использовались в качестве вторичного строительного материала для сооружения крепостной стены. К сожалению, в отчетный период в полной мере исследовать этот чрезвычайно интересный комплекс не удалось, что составляет важную задачу последующих раскопочных сезонов.

Гинькут Н. В. (Севастополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОЛИВНЫЕ ЧАШИ С МОНОГРАММАМИ ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

Крепость Чембало, расположенная у входа в Балаклавскую бухту и возникшая в середине XIV в. как один из форпостов генуэзской Газарии, до недавнего времени оставалась малоизученной. Проводимые здесь последнее время археологические исследования дают обильный археологический материал, что позволяет нам более подробно изучить торговую и духовную жизнь жителей Чембало.

Среди массового керамического материала выделяется небольшая, но достаточно интересная группа поливной керамики византийского круга. Она представлена сосудами, разнообразными как по форме, так и по декору. Среди данной группы материала привлекают внимание фрагменты двух сосудов с монограммами.

Для подобной группы керамики византийского круга характерны прозрачная бледновато-желтого оттенка глазурь, нанесенная поверх белого ангоба; монограмма, чаще всего выгравированная на дне сосуда (либо небольшой чаши-пиалы на кольцевых поддонах, либо плоскодонного «камбановидного» кубка); а также орнаментация, выполненная в сочетании техник «champlevé» и «sgraffito». Разнообразие монограмм на таких чашах достигает 20–25 видов. А. Кузев, рассматривая монограммы из Варны, разделил их по содержанию на 8 групп. Предложенной им классификации придерживаются и другие исследователи (А. А. Кравченко, В. Л. Мыщ, V. François).

На сегодняшний день в литературе не сложилось единого мнения относительно толкования монограмм. Исследователи объясняют их как собственные имена императоров Палеологов, метки гончаров или гончарных мастерских (некоторые из них принадлежали династии Палеологов), как имена владельцев и заказчиков, включая и из среды служителей религиозных культов (в том числе и для паломников), имена святых, поминальные дни и т. д.

Фрагменты двух сосудов, происходящие из раскопок крепости Чембало принадлежат группам, связанным с именами византийских императоров династии Палеологов. Они имеют красную глину с добавлением песка. Первый сосуд происходит из раскопок башни № 1 (раскопки С. Б. Адаксиной, 2002 г.) и представлен фрагментом дна на сложнопрофилированном кольцевом поддоне полусферической чаши, внутренняя поверхность которой покрыта белым ангобом, глазурь не сохранилась. В центре дна выгравирована буква «А». Данный фрагмент относится к 5 группе по Кузеву. Большинство исследователей предлагают прочтение этой монограммы как имя «АНДРОНИКОС», некоторые как клеймо или марку. Чаши с данной монограммой известны в Константинополе, Фессалониках, Варне, Несебре, Ени Сале, Калиакре, Фасосе, Монакастро (Белгороде-Днестровском). Датируются эти сосуды в пределах конца XIII–XIV в. Контекст находки нашей чаши — XV в.

Второй сосуд происходит из башни № 8 (раскопки Н. А. Алексеенко, С. В. Дьячкова, 2004 г.) и представлен фрагментом профилированного дна плоскодонной чаши-кубка («камбановидной» чаши), внутренняя поверхность которой покрыта по белому ангобу глазурью бледно-желтого оттенка. По контуру дно обработано под крышку для кувшина, вероятно, для вторичного использования. В центре дна выгравированы буквы «ПА» — лигатура имени императорской монограммы Палеологов. Практически все исследователи предлагают ее прочтение как «ПАЛАЮЛОГОС». Данный фрагмент относится к 3 группе по Кузеву. Сосуды с такой монограммой известны в Константинополе, Фессалониках, Варне, Несебре, Ени Сале, Калиакре, Фасосе, Монкастро (Белгороде-Днестровском), Херсоне, Каффе. Датируются они в пределах XIV в. Контекст нашей находки (пока можно говорить предварительно) — засья XIV–XV вв.

Сегодня не вызывает споров среди исследователей византийское происхождение подобных монограмм на поливной керамике. Нахождение в различных регионах идентичных по форме и орнаментике подобной поливной керамики с монограммами —

об их едином византийском или находящемся под его влиянием центре производства.

Самые ранние сосуды с монограммами появляются в комплексах Причерноморья во второй половине XIV в. в результате активной торговой деятельности итальянских купцов. Возможно, и находки византийских чаш с монограммами из крепости Чембало относятся к этому времени, в более поздний период они могли использоваться вторично. Миски с монограммами хорошо известны по комплексам конца XIV в. Судака, Каффы, Азака, третьей четверти XV в. Фуны, Мангуа, Чембало.

Область распространения идентичных монограмм обширна и включает в себя Причерноморье, Азовский регион, район Балкан, Фасос, Никею, Эфес, Крит. Столь широкий ареал распространения свидетельствует об интенсивных торговых взаимоотношениях в данном регионе в это время. Находки подобной керамики на крепости Чембало подтверждает не только огромное торговое значение, которое играла генуэзская фактория Чембало, но и позволяет расширить наши представления о культурной жизни одной из малоизученной крепостей генуэзской Газарии.

Савченко С. В. (Львів)

ДАВНЬОРУСЬКА ХРИСТІЯНСЬКА СПАДЩИНА В КАТОЛИЦЬКІЙ ПОЛЕМІЧНІЙ ЛІТЕРАТУРІ КІНЦЯ XVI–XVII СТОЛІТТЯ: ЗАГАЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА

Важливість вивчення даної теми продиктована тим, що, на відміну від православної полемічної літератури, праці католицько-уніатських публіцистів як пам'ятки історичної думки досліджено недостатньо.

Давньоруська тематика перебувала в центрі уваги як православних, так і католицьких публіцистів кінця XVI–XVII ст. Розвиток полеміки можна умовно поділити на два етапи. До першого етапу можна віднести полеміку до укладення Берестейської унії 1596 р.; другий етап починається з Берестейської унії і триває до кінця XVII ст.

Яскравими представниками першого етапу були Петро Скарга та Бенедикт Гербест. Література цього етапу не дає загальної картини історії Київської Русі. Основним завданням Б. Гербеста («Wiary Koscioła Rzymskiego Wywody...») 1586 р. було довести, що Русі прийняли віру католицьку через Константинополь, що на той час визнавав римський примат. Він протиставляє патріарха Ігнатія як прибічника унії «схизматикові» Фотію, стверджуючи, що Русь хрестилася за Ігнатія. Гербест, на відміну від пізніших публіцистів, не схильний перебільшувати успіх Флорентійської унії на руських землях.

Характерним для доберестейського етапу полеміки є невизнання з боку католицьких полемістів благодатності православних таїнств, призириліве ставлення до церковно-слов'янської традиції. Так Гербест дорікає русинам, що ті через свою схизму

«зі сторони сакраментів діток малих душі гублять, не мають єпископської благодаті, при тілі Господньому допускають ідолопоклонство».

Петро Скарга виводить початок християнства на Русі з місії апостола Павла серед слов'янських народів. З апостольських часів, пише автор у книзі «O gźadzie y iedności koscioła Woїego...» (1590), «той народ (слов'янський)... навчений віри святої тримався». Наступними етапами християнізації була місія Св. Кирила та Мефодія, які були, за Скаргою, «від Римської церкви послані». Цікавим є пояснення причин прийняття християнства у візантійському варіанті. Полеміст вважає, що руські послы Володимира прибули до Риму невчасно, оскільки «у римлян образи і малювання були старі і ризи у старості обвітшали... а греки незадовго перед тим образи всі... попаливши... і нове та світле поставили». Отже, грецька віра на Русі з'явилася завдяки щасливому для неї збігові обставин. «Якщо б, — пише Скарга, — послы Володимирові трохи раніше приїхали (коли греки в єретицтві та відступництві немало ікон з церков викинули та спалили), певно б їх церемоній не обрали». Скарга вважає, що, тим не менш, Русь все одно повинна завдячувати Римові появою християнства на її землях, оскільки «...церква римська з цього іконоборства греків вивела і навчила, що ставити в церкві ікони річ свята...» На відміну від католицько-уніатських по-

лемістів XVII ст. (І. Дубовича, Я. Кулеші, І. Потія, Т. Рутки та ін.), Петро Скарга з великою негачією ставиться до церковно-слов'янської мови, вважаючи, що вона заважає Русі прийти до правильного розуміння християнства.

Після унії 1596 р. до розробки питання руського християнства долучаються унійні публіцисти. Католицьку літературу постберестейського періоду пронизує та ідея, що відновлена в 1621 р. т. зв. «феофанова» ієрархія православної церкви є нелегітимною, отже, претендувати на володіння «старою вірою» вона не може. Напр., Іван Дубович називає православну церкву «сектою новою, що не знала отців наших...» («Hierarchia...» 1644. С...) Однак ставлення до грецьких «сакраментів» та церковно-слов'янської спадщини суттєво змінюється в кращий бік. Так, вже 1600 р. Петро Аркудій у полеміці з Христофором Філалетом закликає останнього не зневажати церемоній римської церкви, оскільки «ні греки самі, ані Русь... ними не зважає, знаючи, що мало не всі такі ж церемонії в своїх церквах мають» («Антиризис»). На цьому етапі публіцисти акцентують на таких заасадах, як рівноправність грецьких та римських обрядів, унійний характер церкви часів Київської Русі, постійні прагнення руської церкви відновити єдність з Римом. Постійно підкреслюється, що усі права та привілеї, надані руськими князями та польськими королями, належать не нововідновленій православній церкві, а унійній (І. Потій, Т. Шиманович, Л. Крєвза, Б. П. Бойм, Я. Суша, Т. Скупенський, Й. В. Рутський та ін.) До характерних рис ідеології унійної публіцистики XVII ст. слід також віднести супереч-

ливе ставлення до принципу «руської старовини». Так, Т. Скупенський («Rozmowa...») радить читачеві не надавати великого значення поняттю «давнина», і в той же час сам звертається до цього аргументу, стверджуючи, що «давніша релігія і віра в Римі, ніж у Царгороді». Скупенський виправдовує загарбницькі війни Польщі, і в той час відносить себе та всіх уніатів до Русі, яка «за прикладом предків своїх... зверхність церкви римської визнає». Автор твору «Sowita wina» (1621) Йосип Вельямін Рутський вважає закони Речі Посполитої вагомішими за руське звичаєве право. Тому «від часу, коли землі руські були інкорпоровані до корони, вступають у силу права та звичаї, які є в Короні». Ще одним нововведенням католицьких полемістів другого етапу є намагання, щоправда, безуспішні, запровадити до київської традиції нові сакральні символи. Так, Ян Алоїз Кулєша пропагує культ св. єп. Бруно, Св. Боніфація — «апостола русинів», який нібито «навернув короля руського», місію єп. Рейнберга, чудеса Св. Яцека.

Отже, головними сюжетами давньоруської історії, якими цікавилися полемісти, були історія контактів Русі з Римом та Константинополем, спірні питання, пов'язані з проблемою канонічного підпорядкування митрополита Іларіона, Климента та ін., прийняття християнства на Русі (у кілька етапів), русько-польські конфлікти, Флорентійська унія. Звернення католицьких полемістів до давньоруської проблематики мало найчастіше прагматичний характер і було зумовлене пошуком історичних прецедентів, які б легітимізували ту чи іншу історично-теологічну конструкцію її автора.

Белик Ю. Л. (Керчь)

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕНИКАЛЕ

Изучение истории крепостей как фортификационных сооружений Керченского полуострова в XVIII в. является одним из сложных и малоизученных вопросов.

Небольшое количество источников, описательный характер дошедших до нас сведений не позволяет в полной мере воссоздать целостную картину, которая показала бы значимость крепостей в истории Керченского полуострова. Особо актуально это в связи с изучением вопроса о влиянии фортификационных сооружений на взаимоотношения между Российским государством и Османской империей. Было бы неверным умалять значимость крепостных построек, располагавшихся в Восточном Крыму, во взаимоотношениях между Российской и Османской империями.

Изучение вопроса, касающегося строительства фортификационных сооружений XVIII в., заставляет сделать вывод, что большинство стран придерживались своей системы сооружения крепостей. Хотелось бы выделить некоторые стратегические

факторов, определявших выбор системы. Во-первых, это политические причины. Во-вторых, физико-географические особенности страны, и в частности того региона, где намечалось сооружение крепостей. В-третьих, экономический потенциал государства. В-четвертых, положение относительно соседних стран. Кроме этих факторов, определявших сооружение на стратегически важных пунктах надежных фортификационных сооружений, были и индивидуальные, например, общий уровень развития военно-технической базы армии, степень готовности флота к взаимодействию с фортификационными постройками и др.

Все это касалось и системы фортификационных сооружений Османской империи на Черном море. Особую роль в этой системе играли крепостные сооружения, располагавшиеся в Крыму, в частности, на Керченском полуострове.

На рубеже XVII–XVIII вв. перед Османской империей встал вопрос о более надежной обороне своих приморских территорий от притязаний Россий-

ской империи. В связи с чем назрела необходимость создания системы береговой обороны, способной дать должный отпор любому противнику. Для этого необходимо было построить не просто временные фортификационные сооружения. Нужно было создать сеть надежных долговременных фортификационных укреплений, которые при поддержке флота смогли бы не только остановить посягательство на владения Османской империи, но и создать базу для экспансии на соседние земли, а также вести постоянный контроль за состоянием дел в Крымском ханстве. Для этой роли как нельзя лучше подходили крепости как надежные долговременные фортификационные сооружения.

Особое место в системе долговременных фортификационных сооружений Османской империи на Керченском полуострове занимает крепость Еникале».

Крепость Еникале можно отнести к приморскому классу крепостей. Это определило характер начертания ее линии полигона и специфику фортификационных сооружений. Созданная на рубеже эпох фортификационного строительства, она вобрала в себя различные новшества, которые были характерны для фортификационных сооружений нового времени.

Характеризируя фортификационные особенности Еникале, хотелось бы отметить следующее.

1. Рикошетный огонь на некоторых участках крепостных сооружений мог доставить немало хлопот для защитников крепости.
2. Для защиты не использовались траверсы, что обедняет крепостные сооружения, уменьшая их мощь и фортификационные качества.
3. Излом куртины (западный участок) объясняется не наличием в проекте тенального принципа или полигональностью, а скорее всего, стремлением создать реданный тип куртины. Нечто подобное наблюдается и в полигоне крепости Арабат. При этом недопустимо отметить вероятность применения тенального принципа начертания фронта Еникале.
4. Равелин как таковой отсутствует. Но в случае надобности под равелин могли бы использовать часть площадей церкви Успения Богородицы, которая располагалась на надежной террасе, укрепленной контрфорсами, прикрывая дороги в Керчь.

5. Со стороны моря северный бастион прикрывался земляной тенью, эскарпная стена которой была защищена каменной кладкой. Она прикрывала фланк, часть фаса и участок северо-восточной куртины от выстрелов корабельных орудий.
6. Анализ западной куртины мог бы разъяснить вопрос относительно более ранних фортификационных сооружений на мысе Еникале.
7. Интересен принцип совмещения старой и новой в технологии сооружения банкетов и валганга.
8. Крепость Еникале является, на первый взгляд, крепостью с бастионной формой начертания полигона. Но при этом существуют признаки применения изживших принципов фортификации, некоторые нововведения. Например, тупой угол в сочетании с большим числом сторон крепостного многоугольника дает возможность перекрестного обстрела, взаимоподдержки верхов как артиллерийским, так и ружейным огнем.
9. В крепости фактически два бастиона: 1 — Северо-западный, 2 — Северный (с орильоном), остальные можно классифицировать иначе.
10. Крепость на редкость бедна казематированными сооружениями.
11. В профиле крепости фактически отсутствует берма, но это не уменьшило мощи обстрела прикрываемого пути, который прослеживается в некоторых местах гласиса.
12. Ров был вырублен в скальном основании (на котором размещалась сама крепость), что сэкономило силы на возведение контрфорса контрэскарпа. Отсутствие рва перед куртиной участка «Д» объясняется нецелесообразностью такового в данном месте.

Необходимо не забывать о том, что эта крепость предназначалась для защиты береговой батареи от нападения с суши (с северо-запада, севера, запада). В этом ее специфика. Еникале строилась с таким расчетом, чтобы максимально обезопасить Керченский пролив от входа в него (со стороны Азовского моря) русской флотилии.

Крепости Еникале отводилось особое место в системе обороны не только Крымского полуострова, но и в целом Османской империи. Это видно хотя бы из стратегической роли крепости в системе обороны Керченского пролива. Но это тема отдельного разговора.

ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Аксёнова Н. В. (Харків)

ДО ПИТАННЯ ПРО ВЖИВАННЯ ТЕРМІНІВ «СЛОБОЖАНЩИНА» І «СЛОБІДСЬКА УКРАЇНА»

У сучасній історичній літературі при описі лівобережних земель сучасної України терміни «Слобожанщина» і «Слобідська Україна» вживаються загалом як взаємозамінні й адекватні синоніми. Але у літературі щодо етнографічної визначеності районування українських земель термін «Слобідська Україна» зазвичай відсутній, лише деякі дослідники вказують на термін «Слобідська Україна» як похідну для утворення терміну «Слобожанщина». Це непорозуміння у вживанні термінів потребує вивчення і визначення відповідності кожного з термінів.

Ще з XV ст. вільні землі на сході називалися Слобідчиною, Слобідською Україною або Заліською Україною (*Пономарьов А.* Етнічність та етнічна історія України). Територіальні межі цих земель не визначалися, бо офіційна влада не мала на них впливу. Російські джерела того часу користуються терміном «Дике поле» у визначенні всіх земель, що простягалися південніше верхів'я річок Сіверського Дінця і Дону. Тобто назву «Дике поле» мала значно більша територія, ніж та, на якій згодом утворилася Слобожанщина. Тому для окреслення східних меж території розселення українського етносу в XV–XVII ст. слід користуватися терміном «Слобідська Україна». Саме з цього часу і до припинення існування Слобідсько-Української губернії слід вважати доцільним вживання щодо східних земель України терміну «Слобідська Україна». Після припинення надання слобідським полкам всіляких вольностей і початку процесу закріпачення козаків на основі колонізаційних процесів, що відбувалися на цих землях, починає утворюватися історико-етнографічний район Слобожанщина. Термін «Слобідська Україна» припиняє своє існування в офіційних джерелах наприкінці XVIII ст. не через зникнення відповідної історичної області, а через реакційні міри щодо намагання визначити територію проживання українського етносу через закріплення відповідного топоніму. Вживання термінів «Слобожанщина» і «Слобідська Україна» як взаємозамінних *Д. І. Багалієм (Багалій Д. І.* Історія Слобідської України)

слід пояснювати через призму національно-визвольного руху, що вирував у час створення цієї праці і намагання дослідника наголосити на приналежність цих земель саме до України. *Д. І. Багалій* вказує на історичні корені цієї назви і прагне відродити цей термін як забутий і початковий, а тому адекватний назві «Слобожанщина», на основі якого вона й утворилася. Утворення саме Слобожанщини *М. Ф. Сумцов* веде з початку XVII століття (*Сумцов М. Ф.* Слобожане. Історико-етнографічна розвідка), до цього ці землі здебільшого називаються Слобідським краєм. Назва ж «Слобідська Україна» продовжує існувати як назва земель слобідських полків і несе в собі ознаку вільностей і самоврядування, що були притаманні устрою цих полків. З ліквідацією привілей слобідських козаків і утворенням замість Слобідсько-Української губернії Харківського намісництва словосполучення «Слобідська Україна» перестає фігурувати як визначений територіальний термін. Його починає замінити термін «Слобожанщина», що починає відображати процес утворення на землях Лівобережної України історико-етнографічного регіону, основу якого склали землі слобідських полків. Процес колонізації сусідніх земель слобідськими козаками привів до розширення території цього історико-етнографічного району. Колонізація мала суто землеробський, мирний характер, за допомогою створення хуторів, що початково мали тісні зв'язки з початковими поселеннями. *Ф. Ніконов* зазначав, що процес утворення хуторів-колоній на Слобожанщині не припинявся навіть у кінці XIX в. (*Никонов Ф.* Быт и хозяйство малороссов в Воронежской губернии), що підтверджує висновок про те, що утворення історико-етнографічного регіону, що успадкував з XVI ст. назву «Слобожанщина» припадає на XIX ст., тобто термін «Слобожанщина» більш повно відображає стан колонізації лівобережних українських земель, коли йдеться про XIX ст. Назва «Слобідська Україна», що зникає з документів і джерел з кінця XVIII ст., стосується лише земель слобожан, що були закріп-

лені за слобідськими полками (*Атлас Слободской Украинской губернии*. — Х., 1802). Звичайно, навіть на момент утворення цих полків землі, колонізовані слобідськими козаками, простягалися за визначені російським урядом межі. Тому вживання терміну «Слобідська Україна» можливе лише в реаліях джерел та історичних подій, про які йдеться

у цих джерелах. Термін «Слобожанщина» значно ширший, бо стосується всього історико-етнографічного регіону, що утворився на сході України, більш реально фіксує розселення українського етносу на даній території і може бути вживаним для територіальної визначеності історичних подій кінця XVIII–XX ст. і до сучасності.

Голубєва І. В. (Харків)

ПЕРІОДИЗАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ ПАМ'ЯТОК КОЗАЦЬКОЇ ДОБИ НА ХАРКІВЩИНІ

Цілеспрямоване вивчення пізньосередньовічних пам'яток на Слобідській Україні взагалі та Харківщині, зокрема, археологами тільки розпочинається. Тому на наш час ще не існує періодизації археологічних досліджень вказаних об'єктів. У даних тезах пропонується поділ історії археологічного дослідження пам'яток козацької доби на Харківщині на три етапи. Вважаємо доцільним оперувати саме терміном «етап», а не «період», що, на нашу думку, чіткіше передає зміст та характер робіт за вказані терміни. Критерієм для виділення хронологічних відрізків слугував підхід дослідників до вивчення пам'яток кінця XVI–XVIII ст.

I етап (30-ті XIX ст. – середина 90-х рр. XX ст.). Дослідження були несистематизовані: переважно суцільні, маршрутні розвідки, під час яких фіксувалися, крім інших, і пам'ятки козацької доби та окремі знахідки тих часів. Праці мали переважно описовий характер.

Одним з перших у другій половині 30-х рр. XIX ст. почав послідовно досліджувати археологічні пам'ятки на території Харківщини *В. В. Пассек*. Він відзначав наявність тут городищ і земляних валів, споруджених за часи правління Івана Грозного, Бориса Годунова та Анни Іоанівни.

Розташування й опис ряду пам'яток доби українського козацтва міститься в праці архієпископа Харківського і Охтирського *Філарета (Д. Г. Гумілевського)*.

У 20-х рр. XX ст. в Ізюмському районі Харківської області проводив археологічні розвідки *М. В. Сибільов*. Ним відкрито кілька груп поселень і зібрано та описано підйомний матеріал біля Горохуватки, Радьковки та Червоного Оскола.

П. Д. Ліберов в 50-х рр. минулого століття здійснив обстеження по берегах річок Сіверський Донець та Оскіл. Дослідник дав опис городищ козацької доби – Царєборисівського та городища, що розташоване біля с. Горохуватки, та наголосив на наявності на них однотипної кружальної кераміки.

У колективній праці *Б. А. Шрамко, В. К. Михеєва та Л. П. Грубнік-Буйнової* «Справочник по археології України. Харьковская область» згадується лише п'ять пам'яток козацької доби (біля с. Андріївка, Колонтаїв, Червоний Оскіл, Мохнач та Печеніги), що красномовно свідчить про недостатню розробленість цієї проблеми.

На **II етапі** (кінець XX ст.) поряд з археологічними розвідками проводяться перші експедиції, під час яких починають фіксуватись пізньосередньовічні шари на багатошарових пам'ятках Харківщини. Роботи не спрямовані на вивчення пам'яток саме козацького часу.

Перша археологічна експедиція, що досліджувала пізньосередньовічне городище, – це новобудівна експедиція Харківського державного університету під керівництвом *С. І. Берестнева*, під час якої здійснено рекогносцировані дослідження Валківської фортеці XVII ст. Роботи проводились згідно господарову і регламентувались з боку замовника – відділу культури Валківської райдержадміністрації.

З 1996 р. культурні горизонти козацького часу на багатошарових пам'ятках, центральної Слобожанщини починають фіксуватись експедиціями Харківського держпедуніверситету ім. Г. С. Сковороди під керівництвом *В. В. Колоди*. Ним проводились розкопки на таких пам'ятках, як: Верхній Салтів (1996–1998 рр., 2004 р.), Мохнач (1999–2001 рр.) та Городнє (2002 р.).

З 1997 р. дослідження верхньосалтівського городища, що також містило пізньосередньовічні шари, проводились *Н. В. Черніговою*. Роботи було зупинено у зв'язку із смертю дослідниці у 2002 р.

III етап (початок XXI ст.) характеризується цілеспрямованим дослідженням саме пізньосередньовічних пам'яток на Харківщині.

У 2002 р. окремим загоном (у складі експедиції Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна) під керівництвом автора проводились дослідження багатошарового верхньосалтівського селища, де були виявлені декілька пізньосередньовічних комплексів. Паралельно здійснено розвідки в Харківському та Валківському районах Харківської області, під час яких артефакти козацької доби було знайдено в Валках, Високопільлі, Харкові та Циркунах. Влітку 2004 р. автор почала планомірні дослідження Царєборисівської фортеці кінця XVI–XVII ст., що розташована на правому березі річки Оскіл.

Підводячи підсумок переліку археологічних досліджень пам'яток козацької доби на Харківщині, ще раз окреслимо основні риси кожного етапу. *Перший* з них можна назвати часом спорадичного збору

різнопланової, часто вирваної з контексту інформації, що стосується пізнього середньовіччя, або описовим етапом. *Другому* етапові властиве значною мірою побічне виявлення та фіксація пізньосередньовічних шарів на археологічних пам'ятках Слобожанщини. *Третій* характеризується цілеспря-

мованістю, комплексним підходом до вивчення матеріальної культури населення Слобідської України кінця XVI–XVIII ст., постановкою та рішенням конкретних проблем та задач, проведенням плано-мірних археологічних досліджень відповідних пам'яток різними методами.

Дедурін Г. Г. (Харків)

ВИСВІТЛЕННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПОЛІТИКИ ПОЛЬЩІ ЩОДО ЗАХІДНОЇ БІЛОРУСІ У 1926–1927 РОКАХ НА СТОРІНКАХ ХАРКІВСЬКОЇ ПРЕСИ

У міжвоєнний час до Польщі, яка в СРСР вважалася найбільш імовірним «плацдармом для наступу сил світового імперіалізму» на радянську державу, була прикута особлива увага. У зв'язку з цим зовнішня та внутрішня політика цієї країни доволі широко висвітлювалась на сторінках радянської преси, що, незважаючи на певний суб'єктивізм та упередженість, які були викликані необхідністю дотримуватися визначених ідеологічних постулатів, робить її цікавим історичним джерелом. Чимало матеріалів було присвячено саме національній політиці Речі Посполитої по відношенню до слов'янських меншин, зокрема до білорусів, що становили 3,9 % від усього населення країни.

Повернення до влади Ю. Пілсудського в результаті травневих подій 1926 р., якого тоді підтримала польська лівиця та більшість національних меншин, викликало чималий резонанс на сторінках радянської преси, зокрема і харківських видань. Але, як невдовзі з'ясувалося, досягнувши лояльності у стані національних меншин під час заколоту, Пілсудський не поспішав виправдовувати покладені на нього сподівання. Взагалі, за свідченнями польських істориків, національне питання на тому етапі не відіграло вирішальної ролі для маршала. І вже на початку червня 1926 р. у пресі з'являються перші публікації, що свідчать про охолодження ставлення до Пілсудського з боку національних меншин. Так, представники білоруського сеймового клубу спочатку утримались від голосування за надання маршалу особливих повноважень, а трохи згодом виступили проти внесення змін до конституції, що торкалися розширення повноважень голови держави. І якщо представники поміркованих національних кіл, як білоруський депутат сейму Ф. Яремич, щоб не загострювати стосунки з Пілсудським, ще намагалися пояснити таку позицію слов'янських меншин побоюванням того, що «зброя розширених повноважень може опинитися в руках Р. Дмовського, націоналістичні погляди якого були добре відомі, то представники лівого крила вже тоді виступили з нищівною критикою «нової» національної політики. З цього приводу харківська преса майже повністю надрукувала виступ представника БСРГ (Білорусько-селянська робітничка громада) Б. Тарашкевича, роблячи особливий наголос на тому його місці, де депутат зауважував: «В травневі дні гадали, що ко-

лишній революціонер Пілсудський дасть робітникам роботу, селянам — землю, а пригніченим національним меншинам — волю, але дуже скоро в цьому розчарувалися. Виступ Пілсудського — це не революція, а перегрупування буржуазних сил...» Звичайно, ця промова отримала цілком схвальні відгуки у радянській пресі, яка в саме той час чітко визначила своє ставлення до травневих подій як до «перегрупування у таборі буржуазної реакції». Протягом липня-серпня 1926 р. сторінки українських видань рясніли заявами українських та білоруських депутатів з засудженням політики санації у національному питанні. На тлі цього вже тоді починає пропагандуватися думка, що справжнє визволення з-під соціального та національного гноблення українці і білоруси зможуть досягти тільки внаслідок «зміни кордонів в Польщі». Тобто, безперечно малося на увазі приєднання західноукраїнських та західнобілоруських земель до СРСР. Дедалі більше з'являється матеріалів про переслідування у Західній Білорусі робітничого та селянського руху, організацій національного характеру, шкільництва, преси тощо. «Вісті ВУЦВК», зокрема, з цього приводу зазначали: «...останнім часом у Польщі дуже утискають пресу нацменшостей. Урядові цензори не дозволяють друкувати жодних статей та повідомлень про національну політику уряду Бартеля та стан національних меншостей...» Поряд з наданням інформації про ганебний стан білорусів та українців, а також про репресивні заходи польського уряду радянська періодика намагалася створити уяву про консолідацію революційних сил на теренах Західної України та Західної Білорусі. Широкого резонансу на шпальтах харківської республіканської преси отримав процес проти найпотужнішої на той час легальної білоруської організації — Громади.

Вже в грудні 1926 р. у пресі з'явилися перші повідомлення про погроми районних організацій БСРГ. Декілька провідних харківських газет відреагували на це відозвою у якій, зокрема, йшлося: «...провокація є вступом до нового... погрому білоруських селян і робітників, щоб затопити кров'ю визвольний рух». Арешти громадівців привернули до себе чималу увагу української преси, публікації в якій були сповнені співчуття до «справжніх білоруських патріотів» та незчисленних випадів на адресу національної політики у фашистській Польщі, що придушує найменші

прояви національного руху пригноблених народів. Поширення набуло наступне ствердження: «Під трафаретним і ні для кого вже неймовірним приводом змови, підтриманої «більшовиками», розгромлено 100 тисячну національно-культурну організацію білоруської меншості. Ще недавно польський уряд намагався загравати з українцями і білорусами і прокламував зміну своєї політики до нацменшостей. Коли ж спроби утворення урядової білоруської партії не дали наслідків... польський уряд руйнує легальні білоруські організації». Розгром БСРГ та процес лідерів білоруської Громади став одним з найбільш повно

висвітлених заходів польської національної політики в харківській пресі. Ці події надавали радянській стороні можливість продемонструвати її негативні риси і переконати громадську думку, що лише перемога соціалізму в Польщі та приєднання західнобілоруських і західноукраїнських земель до СРСР стане для населення цих територій справжнім визволенням. Таким чином, у Харкові — УСРР дуже уважно слідкували за подіями у Польщі, і місцеві засоби масової інформації широко висвітлювали становище не тільки українців, а й білорусів, що опинилися за західним кордоном СРСР.

Жукова Ю. А. (Харьков)

ОСНОВАНИЕ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследователи, рассматривая причины создания Харьковского университета, пытаются ответить на два вопроса: были ли основания для возникновения университета в Харькове и кому принадлежит главная роль в его учреждении.

При ответе на первый вопрос исследователи, считающие, что первые российские университеты возникали в тех городах, где уже существовали крупные учебные заведения (Ляхович Е. С., Карпачев М. Д.), в качестве основы Харьковского университета признают Харьковский коллегиум (Андреев А. Ю.). Каким образом он подготовил почву для возникновения университета, подробно рассматривает в своей статье Л. Ю. Посохова, отмечая такие моменты, как просветительская деятельность Харьковского коллегиума, высокий уровень организации его учебного процесса, роль коллегиума как поставщика для молодого университета студентов и преподавателей. С. И. Посохов отстаивает идею преемственности между двумя харьковскими учебными заведениями, усматривая ее в продолжении образовательной традиции, а не в вырастании одной структуры из другой. Однако Ф. А. Петров считает подобные аргументы недостаточными для признания коллегиума в качестве предтечи Харьковского университета ввиду различия их организационных и функциональных структур.

На вопрос, кому принадлежит главная роль в создании Харьковского университета, исследователями предлагаются три варианта ответа: основание университета обусловлено активной заинтересованностью в нем харьковской общественности, университет обязан своим существованием подвижничеству Василия Каразина, университет был основан по инициативе государства.

В дореволюционной историографии «общественная инициатива» считалась важнейшей причиной, обусловившей выбор Харькова в качестве университетского города. В современной историографии появилось мнение, что в отношении первых российских университетов более справедливо го-

ворить не о роли среды в создании университета, но о формировании самими университетами собственной интеллектуальной среды. Начало массового движения общественности за расширение числа университетов в России исследователи относят лишь к 60-м гг. XIX в. Основой тезиса, выдвинутого в дореволюционной историографии, об «общественной инициативе» являлись добровольные пожертвования харьковчан. В постсоветской историографии возникла дискуссия по поводу оценки целей пожертвований. Ф. А. Петров, поддерживая выводы дореволюционных историков, расценивает пожертвования как следствие давнего желания прогрессивного харьковского дворянства открыть в своем городе университет. В. В. Кравченко объясняет начало «добровольных пожертвований» надеждой дворянства и купечества расширить своих привилегии. Таким образом, добровольные пожертвования в постсоветской историографии приобретают значение самостоятельного финансового фактора и вызывают интерес у сторонников «государственной инициативы» как одно из условий создания Харьковского университета. Однако если при основании большинства университетов империи иницилирующая роль государства более очевидна, чем общественная, то в случае Харьковского университета она по-разному оценивается исследователями. В литературе существует объяснение решению государства основать университет именно в Харькове. Харьков как центр густонаселенного района отвечал программе правительства создавать образовательную систему на основе учебных округов во главе с университетами. Более того, создание университета в Харькове отвечало целям национальной политики правительства, согласно которой светские учебные заведения должны были служить главным инструментом культурной унификации и централизации государства. Однако «рациональные причины» основать университет в Харькове не могут до конца убедить исследователей в иницилирующей роли государства. Слишком много было конкурентов

у Харькова, претендуючих занять місце університетського міста, і то, що вибір був зроблений в користь саме Харькова, деякі історики вважають «случайним» (М. Д. Карпачев, В. І. Чесноков). С. І. Посохов висловлює думку, що відкриття Харківського університету вимагало детальної проработки даного питання на державному рівні. Висновки ж про «случайне» відкриття Харківського університету історик вважає свідченням нестачі наших знань про дискусії правлячих кіл по даному питанню.

В пострадянській історіографії все більше з'являються сторонники ролі Василя Назаровича Каразіна в історії заснування Харківського університету. Розповсюдження такої думки в значній мірі пов'язано як з зростаючим інтересом до особистості Каразіна, так і з посиленою увагою дослідників до безпосередніх учасників історичних подій. Серед робіт на захист «ініціативи Каразіна» звертають на себе увагу біографічні дослідження, в яких його роль відображена від розробки ідеї університету до останніх кроків її втілення в життя (О. А. Узбек, А. Денисенко). А. Ю. Андреев називає засновником університету Каразіна, виходячи з переконання, що процес виникнення і реалізації такої масштабної ідеї не міг обійтися без преданих їй діячів. В. В. Кравченко, який поставив завдання визначити роль особистості в ряду інших причин заснування університету, вважає, що Каразін з допомогою інтриг і особистого впливу на імператора зміг з'єднати в справі народження ідеї університету громадську ініціативу і державне рішення. Таким чином, створення Харківського університету відображає резуль-

татом однієї з найкращих авантур в історії, головною діючою особою якої виступає В. Н. Каразін. Протилежного думки прихильником історик В. І. Чесноков, який, аналізуючи становлення університетської системи Російської імперії, намагався не надавати великого значення суб'єктивним моментам і стверджував, що «случай Каразіна» не варто переоцінювати.

Таким чином, дослідники післярадянського періоду підходять до рішення даної проблеми з різних дослідницьких позицій. Першою можна назвати «підхід місцеві ініціативи». Головна увага акцентується на тому, що такий новий інститут повинен бути востребован суспільством. І якщо ця потреба ще підкріплюється фінансовою підтримкою, тоді «громадська ініціатива» отримує право вважатися головною причиною створення університету. Другою позицією можна назвати «підхід головних діючих осіб». Виникнення університету ставиться в залежність від становлення його ідеї. Сторонники цього підходу визначають носія ідеї, відслідковують шлях розповсюдження ідеї в суспільстві і в правлячих кілах, виносячи таким чином на перший план роль конкретних осіб, значення яких в подібних подіях неможливо заперечити. Підхід, який віддає ключову роль в процесі заснування Харківського університету державі, позначимо як «політичний». З позиції такого підходу дослідники намагаються оцінити університет очима державних діячів, головна увага звертається на фінансову залежність університету від держави, на відповідність функцій університету державним планам.

Зайцев Б. П., Мигаль Б. К. (Харків)

ЗАБУТІ І ВИКРЕСЛЕНІ З ІСТОРІЇ ІМЕНА

У період гострого протистояння політичних сил у країні, революційні учасники подій висували зі свого середовища осіб, які в результаті своєї активної діяльності ставали лідерами, керівниками масових громадських об'єднань, партійних організацій. Вони безпосередньо впливали на ухвалення рішень, підпорядкованих програмним документам партій і вимогам мас, яких представляли в революційному русі, вели за собою класи і прошарки населення.

Місто Харків в Лютневій і Жовтневій революціях 1917 р. було одним із центрів бурхливих, суперечливих і неоднозначних подій. У місті діяли кілька політичних сил, очолюваних відомими не тільки на території українських земель, а й у межах Російської держави діячами. У найбільш численних у радянській літературі виданнях про встановлення радянської влади в Харкові названо десятки імен керівників більшовицької організації, членів виконкому Ради робітничих і солдатських депутатів, організаторів червоногвардійських загонів та ін. Ти

ж особи, які були керівниками інших партій, діючих у місті, не називалися. А якщо їх назвали, то кваліфіковано як угодовців, опортуністів, зрадників інтересів трудящих, українських буржуазних націоналістів і загалом контрреволюціонерів. Такий підхід до висвітлення історії революції збіднювався і набував тенденційного характеру. А між тим ці «класові вороги» у своїй більшості належали до партій соціалістичної орієнтації і в політичному протистоянні більшовикам відстоювали позиції поступового проведення демократичних та соціальних перетворень у країні, формування законодавчих та виконавчих органів влади на коаліційній партійній основі, були непримиренними противниками негайного встановлення диктатури пролетаріату.

У числі активних учасників революційних подій у Харкові, серед забутих і викреслених з історії назвемо кілька найбільш помітних, на наш погляд, імен. Перш за все — Карелін Володимир Олександрович

(1891–1938), соціаліст-революціонер (лівий). Після перемоги Лютневої (1917 р.) революції в Харкові редагував газету губернського земства «Народное дело». У березні 1917 р. кооптований до складу міської думи і 26 липня обраний її головою. Очолював думу до жовтня 1917 р. Був одним з керівників Харківської організації соціалістів-революціонерів (есерів), депутатом Ради робітничих і солдатських депутатів міста. Ввійшов до складу центрального комітету партії. Есерівська організація була найбільш масовою в місті і губернії, постійно у 1917 р. на демократичних виборах до представницьких органів від міської думи, Рад і до Всеросійських установчих зборів завойовувала перші місця і делегувала в керівні органи своїх представників. В. О. Карелін делегувався від міської думи до Московської державної наради (серпень 1917 р.), до Всеросійської демократичної наради в Петрограді (вересень 1917 р.), до Предпарламенту (жовтень 1917 р.). У листопаді, у числі 14 осіб від об'єднаного блоку есерів Харківської губернії, був обраний до Всеросійських установчих зборів делегатом II Всеросійського з'їзду Рад робітничих і солдатських депутатів (25–26 жовтня 1917 р.). Під час першої кризи Радянського уряду 3 грудня 1917 р. як лівий есер ввійшов до складу Раднаркому Радянської Росії на посаду Народного комісара державного майна. Обирався членом ВЦВК 2–4 скликань. Брав участь у Брест-Литовських мирних переговорах. Не погоджуючись з умовами договору, вийшов у березні 1918 р. зі складу РНК. Один з організаторів лівоесерівського заклоту в Москві. Арешту уник. Заочно був засуджений до 3-річного ув'язнення. У наступні роки від політичної діяльності відійшов. Останні відомості про В. О. Кареліна відносяться до 1938 р., коли він як арештований проходив свідком у сфабрикованому процесі правотроцькістського блоку. Був розстріляний у 1938 р.

Сіверов-Одоевський Опанас Семенович — український соціаліст-революціонер (лівий). Як політичний діяч в м. Харкові він став широковідомим у кінці серпня 1917 р. Тоді був вільноопреділяючим у складі одного з українізованих піхотних полків. За фахом — журналіст. Від солдатської фракції Харківської Ради робітничих і солдатських депутатів був введений до виконкому Ради і до міської думи. Кооптований до Центральної Ради і був членом ЦК української партії соціалістів-революціонерів. У жовтні 1917 р. делегований до II Всеросійського з'їзду Рад робітничих і солдатських депутатів.

У жовтневі дні в Харкові — організатор виступу українських військових підрозділів проти органів

Тимчасового уряду в місті. 26 жовтня 1917 р. відповідно до рішення Харківської Ради робітничих і солдатських депутатів ввійшов до утвореного Військово-революційного комітету (надзвичайного органу влади в місті і губернії) та його виконавчого комітету — Бюро у складі 9 осіб. О. С. Сіверов-Одоевському було доручено очолювати Бюро. Ці обов'язки він виконував до 10 грудня 1917 р. Утворений в Харкові орган влади визнав Центральну Раду крайовим органом влади в Україні.

У листопаді 1917 р. об'єднаний блок есерівських партій делегував О. С. Одоевського до Всеросійських установчих зборів, в одноденних засіданнях яких брав участь харківський делегат. Більш того, 5 січня 1918 р., за дорученням фракції українських есерів (80 делегатів), О. С. Одоевський вніс пропозицію про негайне припинення воєнних дій між Радою Народних комісарів Радянської Росії і Генеральним секретаріатом Центральної Ради та підготовку і ухвалення законодавчих актів державного влаштування Російської федерації, скликання крайових установчих зборів і конференції народів Росії. До обговорення висунутих лівими есерами пропозицій справа не дійшла. Установчі збори було розігнано більшовиками.

У листопаді 1917 р. О. С. Одоевський, виконуючи обов'язки голови ВРК, очолював і Раду Слобідської України, схилившись до думки про необхідність встановлення української радянської влади.

На II Всеукраїнському з'їзді Рад, що відбувався в м. Катеринославі (березень 1918 р.), був обраний до складу президії ЦВК Рад України. На квітневій (1918 р.) сесії ЦВК було утворено Бюро для керівництва повстанською боротьбою проти окупаційних німецько-австрійських військ у складі 9 осіб («дев'ятка»). До Бюро ввійшов і О. С. Сіверов-Одоевський. Подальша його доля невідома.

Нами наведено короткі відомості лише про двох осіб, які відігравали помітну роль у подіях 1917 р. у м. Харкові. Безумовно, діяльність В. О. Кареліна, О. С. Одоевського та інших заслуговує більшої уваги зі сторони дослідників вітчизняної історії з тим, щоб більш чітко, виражено, а значить, і об'єктивно визначити їх місце в подіях, принциповість або непослідовність у відстоюванні позицій своїх партій, настрої мас, готовність йти на компроміси. Нарешті, від істориків слід почути відповідь на питання, як у складній, напруженій обстановці жовтня-грудня 1917 р. у Харкові вдалося уникнути збройного протистояння політичних сил у боротьбі за владу.

Кауаба О. Ю. (Харків)

ПІДГОТОВКА ВЧИТЕЛІВ–КРАЄЗНАВЦІВ у 20-х р. ХХ ст. в УСРР

На сучасному етапі духовного відродження незалежної України невід'ємною складовою громадського руху та наукових досліджень є історичне краєзнав-

ство, спрямоване на відродження духовності, історичної пам'яті, формування у громадян і передусім у молоді любові до рідного краю, національного

патриотизму, поваги до людини, відповідальності за збереження історико-культурного надбання. Велика увага приділяється досвіду минулих років, коли в 20-ті рр. ХХ ст. краєзнавство починає розвиватися як наука, спостерігається активізація краєзнавчого руху в школі. Витоки шкільного краєзнавства пов'язані з загальною атмосферою національно-культурного відродження 20-х рр. ХХ ст. в Україні. Краєзнавство відіграло важливу роль у освітньо-виховній діяльності школи. Центральною фігурою організації краєзнавчої справи в школі був учитель. Викладачі середніх навчальних закладів активно відгукнулися на заходи, які проводили комісії краєзнавства, наукові установи ВУАН. У складі позаштатних співробітників історичних секцій було чимало представників шкільного вчителства, тому вчителю необхідні були спеціальні знання в галузі краєзнавства.

Питання підготовки вчителів-краєзнавців дискутувалося на сторінках періодичних видань — «Радянська освіта», «Шлях освіти», у щомісячному часописі УКК «Краєзнавство», перший номер якого побачив світ у 1927 р. У цьому журналі дискусія знайшла місце на шпальтах розділу «Шкільне краєзнавство».

Нові умови політичного, економічного, культурного життя суспільства України вимагали реформування системи освіти. Тому автори статей дискутували, з одного боку, про організаційні форми самої школи і краєзнавства в ній, його зміст та статус у навчально-виховній роботі, а з другого — з питання підготовки вчителів-краєзнавців.

Окремі журнальні статті знайомили читачів з досвідом деяких навчальних закладів. Цікавими можуть бути здобутки Лубенського педагогічного технікуму. Викладач цього навчального закладу І. Зеленський у статті «Як ми готуємо вчителя-краєзнавця» поділився своїми враженнями. Автор відзначав, що школа може бути новою лише тоді, коли вона збагне краєзнавство не тільки теоретично, а й практично. Зробити це вчитель міг лише після доброї наукової та методичної підготовки. Такі знання могли дати педагогічні технікуми та інститути народної освіти.

Так, у педагогічних технікумах було розроблено спеціальні учбові плани, де був окремий предмет — краєзнавство. Краєзнавча підготовка студентства, згідно з цим планом, розгорталась у декількох напрямках.

Обов'язковим було вивчення методів краєзнавчої роботи, методів вивчення рідного краю. Користуючись цими методами, студенти проводили дослідження, екскурсії, анкетування населення. Їх поділяли на групи, які займалися колективними дослідженнями, але обов'язково проводилась і індивідуальна пошукова робота: вивчалися першоджерела, відбувалося знайомство з об'єктом дослідження, розгля-

далась відповідна література, складався план. Наприкінці роботи майбутній учитель повинен був написати звіт і виступити на фаховій конференції.

Педагогічні технікуми для цієї роботи виділяли спеціальні години: приблизно два робочих дні на групові заняття і 10–12 днів на індивідуальні дослідження.

Якщо тема студента вимагала незначних матеріальних затрат, навчальний заклад намагався допомогти коштами.

У процесі проходження курсу проводилися екскурсії, мета яких полягала у здобутті екскурсійної техніки. Про наслідки своїх досліджень студенти доповідали на конференціях.

Існував ще й письмово-анкетний метод, але він був переповнений суб'єктивізмом заповнювача анкети. Саме тому такий метод дослідження не завжди був ефективний, але й він теж мав свою цінність.

Обов'язковою в підготовці майбутнього вчителя-краєзнавця була педагогічна практика. Підприємство проводили наприкінці навчання. Студенти працювали безпосередньо в школах з учнями і намагалися застосовувати знання на практиці.

Заключним етапом навчання було написання дипломної роботи з краєзнавчої теми.

Таким чином, для дописувачів часописів краєзнавство було не тільки обов'язковим предметом у процесі підготовки вчителя, але й засновником для нових і традиційних учбових курсів, комплексів дослідницької методики.

Автори тематичних статей вважали, що перш за все необхідно вивчати соціально-економічні аспекти краєзнавства, але вони не відкидали вивчення історії та географії рідного краю.

Відзначаючи досягнення в організації підготовки вчителя-краєзнавця, не можна залишити поза увагою ряд негативних факторів.

Слабка матеріальна база закладів народної освіти не завжди надавала можливість виконувати учбові плани. Заважало навчальному процесу і недостатнє науково-методичне забезпечення краєзнавчих дисциплін, і ідеологічне втручання у зміст краєзнавчих досліджень.

Отже, у 20-ті рр. педагогічні навчальні заклади намагалися розробити комплексні учбові програми з підготовки вчителів-краєзнавців.

З початком 30-х рр. краєзнавчий рух поступово почав занепадати. В умовах культу особи демократичне за своїм характером краєзнавство вже не вписувалось у структуру командно-адміністративної системи. Саме тому звинувачені «в націоналізмі, ідеалізації патріархальщини, зв'язку з існуючими і неіснуючими контрреволюційними організаціями» краєзнавчі осередки було поступово розпущено, а підготовку вчителів-краєзнавців зведено на нівець. Деякі найбільш активні діячі краєзнавчого руху стали жертвами репресій.

**ВКЛАД ХАРЬКОВСКОГО ДУХОВЕНСТВА В РАЗВИТИЕ НУМИЗМАТИКИ
во второй половине XIX–начале XX вв.
(К 200-летию со дня рождения архиепископа Филарета)**

Становление нумизматики как науки в Европе происходило в конце XVIII–первой половине XIX вв. В Российской империи с начала XIX в., кроме ученых, к этой области знаний начинают проявлять интерес и представители общественности. Они проводили исследование местных нумизматических находок с целью изучения истории своего края. Харьковщина в этом процессе не являлась исключением. Среди интересовавшихся нумизматикой были и представители христианского духовенства. Факт изучения нумизматики священнослужителями сам по себе не нов и имеет определенную традицию. Отцом научной нумизматики считается аббат Иосиф-Иларий Эккель (1737–1798). Он был специалистом по античным монетам, с 1775 — директором собрания антиков Венского мюнц-кабинета и профессором археологии и вспомогательных исторических дисциплин Венского университета.

В 1857–1858 гг. был опубликован пятитомный труд епископа, а с 1857 г. архиепископа Харьковского Филарета (в миру Дмитрий Григорьевич Гумилевский) (1805–1866) под названием «Историко-статистическое описание Харьковской епархии». В этой работе автор уделил внимание находкам на территории Харьковской губернии единичных экземпляров и целых кладов монет, высказал свои предположения относительно их исторического происхождения. В числе прочих находок он упоминал о кладе из 206 монет, обнаруженном в 1847 г. на территории Слободы Нижняя Сыроватка. Данный клад был изучен знаменитым ученым-ориенталистом и нумизматом Христианом Даниловичем Френом (1782–1851), определившим, что одна часть его происходила из Азии, другая же отчеканена в Северной Африке и одна монета принадлежала арабам Андалузии. Х. Д. Френ относил некоторые из этих монет к VII в. н. э., а большую часть к VIII и началу IX в. Он отмечал, что на территорию России данные монеты попали не с Востока, а были привезены варягами через Балтийское море или с Черного моря. Д. Г. Гумилевский отмечал, что, при всем уважении к обширным познаниям Х. Д. Френа, последнее его утверждение является не только сочинительным, но и странным. Он считал, что происхождение данного клада нужно признать не варяжским, а хазарским, и мотивировал это фактом торговых отношений последних с Испанией, Африкой и Азией. Также Д. Г. Гумилевский упоминал о любопытных находках на старом кладбище в окрестностях Великой Камышевахи бутылок с мо-

нетами, относящихся ко времени правления Петра I и Екатерины II, отмечая, что такой обряд захоронения — обычай запорожцев.

Ценный вклад в дело изучения местной нумизматики Харьковщины внес сельский священник из Изюмского уезда Василий Феоктистович Спесивцев (1862–1905). Археологическими изысканиями и нумизматикой он начал заниматься в конце XIX в. При исследовании местного края В. Ф. Спесивцев находил много археологических предметов, в числе которых были и монеты. Многие из найденного священник-краевед передал в Археологический музей и нумизматический кабинет, состоявшие при Харьковском университете и Императорской Археологической комиссии. В. Ф. Спесивцев также принимал активное участие в работе Харьковского Предварительного комитета по подготовке XII Археологического съезда. Так, на 18 заседании Комитета он выступил с докладом «О железных предметах из с. Райгородка, Изюмского уезда», в котором сообщил о находках медных золотоордынских монет. На 22 заседании В. Ф. Спесивцев снова сообщил о древностях с. Райгородка и представил комитету в дополнение к прежней коллекции татарские и русскую монеты. На основании нумизматических находок он предполагал, что существование татарского городка, на остатках которого были обнаружены данные монеты, относилось к 50–80-м гг. XIV в. и этот ближайший к России улус пострадал при нашествии Тимура, разгромившего все владения орды хана Тохтамышя. Оба доклада В. Ф. Спесивцева были опубликованы в «Трудах» Предварительного Комитета в 1902 г. По поручению Предварительного Комитета он вновь обследовал окрестности с. Райгородка, где снова обнаружил татарские монеты. На XII Археологическом съезде В. Ф. Спесивцев выступил с докладом «О результатах археологических исследований в Райгородке», где, по-видимому, и сообщил о своих нумизматических находках. По предложению Д. И. Багалея ему была объявлена благодарность от имени секции за усердную деятельность в работах Предварительного Комитета. Участвовал В. Ф. Спесивцев и в работе Харьковского историко-филологического общества, где выступал с докладами, в которых упоминались, среди прочего, и находки монет.

Подводя итог сказанному, следует заметить, что работа представителей духовенства по исследованию нумизматических находок плодотворно повлияла на развитие краеведения Харьковщины.

Колєватов О. О. (Чернігов)

РОЗВИТОК ТОРГІВЛІ В СЛОБІДСЬКО-УКРАЇНСЬКИХ ВІЙСЬКОВИХ ПОСЕЛЕННЯХ ДО ЇХ РЕОРГАНІЗАЦІЇ В 30-х рр. ХІХ ст.

Історія військових поселень у Росії в останні десятиліття стала активно досліджуватися як у вітчизняній, так і російській історіографії. Історики почали звертати увагу не тільки на процеси розвитку адміністративної структури військових поселень, але й на їхню соціально-економічну структуру. Так, наприклад, у працях К. М. Ячменіхіна, Т. М. Кандарової, Л. П. Богданова, Т. Д. Липовської зроблена спроба дослідити економічну діяльність поселенців, проте до останнього часу майже відсутні дослідження, присвячені господарській діяльності військових поселенців у Слобідсько-Українських військових поселеннях, які були значною складовою частиною інституту військових поселень Російської імперії першої половини ХІХ ст. Постановка питання у такому вигляді є науково обґрунтованою і актуальною.

На час заснування військових поселень, тобто в 1817 р., території, що ввійшли до складу Слобідсько-Українських військових поселень, вже було втягнуто в процес розвитку товарно-грошових відносин. Частина селянських і козацьких господарств спеціалізувалась на виробництві тих чи інших видів продукції для ринку. Однак керівництвом військових поселень, як правило, ці фактори не бралися до уваги, оскільки основною метою поселень було самозабезпечення діючих військ продовольством і фуражем, тобто намітився поворот до реанімації натурального господарства. Більш того, тих селян, які за паспортами були у відході чи займались іншим несільськогосподарським виробництвом, повернули у військові поселення і розподілили по поселених ескадронах.

Проте навіть у так званій аракчєєвський період військові поселення не змогли повністю відірватися від ринкових відносин, що склалися. Уряд також розумів, що їх неможливо ізолювати повністю від зовнішнього світу, особливо в господарському відношенні, оскільки військовим поселенням був необхідний обіг різноманітних товарів. Тому у серпні 1822 р. імператор затвердив «Правила о торговле и промышленности военных поселен», де було сформульовано основні положення.

Згідно «Правил...» військові поселенці мали право вести торгівлю тільки після згоди командира поселеного ескадрону і одержання дозволу від комітету полкового управління. Без такого дозволу жоден з поселенців не мав права вести ніякої торгівлі ані в межах округу, ані поза його межами. Дозвіл на торгівлю та інші види занять видавався, як правило, на два роки і потім, за обстеженням стану поселенського господарства, або продовжувався, або ні. У разі занепаду господарства торгова діяльність

військовому поселенцю більше не дозволялась. Це було викликано тим, що керівництво військових поселень намагалося зберегти господарство поселенця в гарному стані, не допустити його погіршення і утримувати його таким, щоб воно виконувало в повній мірі покладені на нього обов'язки.

Уряд Миколи І, реформуючи військові поселення наприкінці 20-х рр. ХІХ ст., зняв ряд обмежень і розширив права поселенців в торгівлі і відходництві. У березні 1828 р. імператор дозволив поселенцям безмитно торгувати сільськими виробами і життєвими запасами власного виробництва поза окретами свого поселення оптом і в роздріб.

Однак дріб'язкова регламентація військовопоселеної системи, безумовно, не могла не відбитися на розвитку торгівлі в округах поселень. Військовий поселенець був позбавлений права вільного вибору роду занять, не міг вибирати ту чи іншу галузь сільськогосподарського виробництва, яку б вважав більш вигідною, оскільки він у першу чергу повинен був займатися землеробською працею. Також поселенці, виконуючи значні громадські роботи, були лімітовані в часі, а сам процес одержання дозволу на право ведення торгівлі забирав багато часу, що, безперечно, впливало на відношення поселенців до торгівлі. До того ж виконання обов'язків по продовольству діючих ескадронів і поповненню запасів хлібних магазинів позбавляло поселенців значної частини продуктів, яку б вони могли в інші часи реалізувати на ринку. Проте повністю зупинити процес залучення поселенського господарства до ринкових відносин ані суворий режим, ані дріб'язкова регламентація життя військових поселень не могли.

Серед поселенців було широко розповсюджено заняття чумацьким промислом і перевезенням з Дону солоної риби, яку вони реалізовували оптом і в роздріб на ярмарках і базарах. Велике значення також мала торгівля продуктами тваринництва (тваринне масло, сало, м'ясо, молоко, вовна і шкіра) і живою худобою. Серед худоби найбільшим був попит на робочих волів, оскільки саме вони використовувались як основна тяглова сила на Слобожанщині. Значною для поселенців була торгівля пасками, які вироблялись з фарбованої різними кольорами овечої вовни. Окремі поселенці займались продажем смоли, дьогтю, гарячого вина і реалізацією на базарах овочів і фруктів.

Безумовно, прибутки від торгівлі не були постійними, вони багато в чому залежали від розміру посівних площ хліба, круп'яних, фуражних культур і рівня їхньої урожайності, від збільшення поголів'я худоби в господарствах поселенців, тобто від рівня економічного стану цих господарств.

Таким чином, можна констатувати, що торгівля в Слобідсько-Українських військових поселеннях мала певне значення для військовопоселеного господарства і в основному збереглися всі ті напрямки її розвитку, які існували ще до створення військових поселень. Проте, оцінюючи стан торгівельної діяльності поселенців в перші 15 років існування військових поселень, необхідно відзначити загальний регрес у порівнянні з періодом, що передував їхньому створенню. Падіння товарності більшості господарств вело

до значного скорочення торгівлі, що у свою чергу, було наслідком урядової політики по обмеженню несільськогосподарських занять поселенців, які нібито заважали реалізації головних завдань військових поселень — підготовці армійського резерву. Деякий підйом торгівлі почався після реформування військових поселень в 1826–1827 рр., після чого торгівельні обіги дещо зросли, але змогли ледве досягти рівня 1817 р., — року введення військових поселень у Слобідсько-Українській губернії.

Куделко С. М. (Харьков)

СКОЛЬКО ЛЕТ ХАРЬКОВСКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ИМ. В. Н. КАРАЗИНА?

В текущем, 2004 г., широко отмечается 200-летний юбилей классического, одного из старейших в Восточной Европе — Харьковского университета. Таким образом, в качестве точки отсчета впервые принята дата не его открытия (17 января ст. ст. 1805 г.), отмечавшаяся и в дореволюционной России, и при советской власти, а день 5 ноября по ст. стилю (или 17 ноября по современному летоисчислению 1804 г.), когда Александр I подписал Уставную грамоту. Такое решение — не только соблюдение юридической формальности, но и присоединение к общепринятой практике считать за дату основания наличие соответствующего решения уполномоченного на то органа или лица. Больше споров вызывает вопрос о том, как рассматривать 13-летний перерыв (с 1920 по 1933 г.), когда на базе университета существовали различные учебные заведения: Высшие педагогические курсы, Академия теоретических знаний, Харьковский институт народного образования им. А. А. Потебни и др. Долгое время в историографии этот период рассматривался как время, когда университет не существовал. Впрочем, в общий «стаж» университетской жизни этот период все же засчитывали.

Вопрос, вынесенный нами в заглавие, далеко не праздный. Уже в конце XX в. в Украине, да и на всем постсоветском пространстве, возобладала тенденция, которая распространилась не только на различные заведения, но и на населенные пункты и т. д., — удревнить свой возраст. Такая политика стала заметной еще в советские времена, но особенно четко себя проявила в годы независимой Украины. Не только возрождаются учебные заведения с названиями «предшественников», которые прекратили свое существование, например, в XIX в. (Киево-Могилянская академия) или даже в XVII в. (Острожская академия), но и свой возраст эти новые вузы, не смущаясь, отсчитывают от начала существования этих заведений. Конечно, когда Днепропетровский национальный университет датой своего основания объявляет 1918 г., с этим можно согласиться: уни-

верситет был действительно основан, хотя вскоре был преобразован, как и Харьковский, в Институт народного образования. И это учебное заведение, хотя и под разными названиями, с разным статусом продолжало непрерывно существовать.

По нашему мнению, идентичность наименования не может рассматриваться в качестве доказательства преемственности тех или иных учебных заведений. Точно также, как и общая материальная база в виде корпусов, зданий и т. д. Не подлежит сомнению, что учебные заведения — это в первую очередь люди, преподаватели и студенты, т. е. живые а не надуманные традиции. Конечно, большое значение имеет и профиль, характер образования того или иного учебного заведения и т. п. факторы. Когда же в наше время возникает сугубо светское учебное заведение и объявляет себя преемником, скажем, духовного, прекратившего свое существование много десятилетий назад, то это — нонсенс. Встречается и более сложная ситуация. Например, Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды пытается обосновать свое происхождение то от Педагогического института, который одно время в XIX ст. существовал при Харьковском университете, то от Института благородных девиц и путем всевозможных манипуляций с наименованиями, датами, исходя из общих рассуждений, выстраивает свою родословную.

Автор поступил на исторический факультет Харьковского университета (тогда он был один, не считая, конечно, университета марксизма-ленинизма, а также народных университетов) в 1969 г., когда один за другим уходили из жизни представители старшего поколения, связанные еще с дореволюционным университетом. В 1969 г. ушел из жизни проф. А. П. Ковалевский, в 1970 г. — проф. К. Э. Гриневич. Примерно в эти же годы ушли из жизни последние представители старого университета и на других факультетах. Но ведь к этому времени от момента восстановления университета в 1933 г. прошло 35–40 лет! Что и говорить, когда в 1933 г. уни-

верситет вернувся к своєму прежнему статусу, то он был заполнен кадрами, которые с ним были связаны до 1920 г., до времени, когда начались реформы.

С другой стороны, перерывов в подготовке кадров с 1920 по 1933 гг. не было, материальная база оставалась в основном прежней. Традиции дореволюционного университета были живы, т. к. их носители продолжали работать, как мы видим, до начала 70-х гг. прошлого века.

В большом числе документальных материалов — воспоминаниях, автобиографиях, анкетах и т. д. многих людей, которые обучались в вузах, созданных на базе университета в 1920–1933 гг., указано, что они учились именно в Харьковском университете. Многие рассматривали новые учебные заведения как старый университет под новым названием, другие так поступали потому, что счи-

тали наименование «университет» более престижным, чем названия новых вузов, были и те, кто указывал местом своей учебы или работы Харьковский университет и потому, что он был более известен и понятен (для эмигрантов). Таким образом, полуофициально период 1920–1933 гг. считался временем существования университета, но в новом обличье.

Подводя итог, мы можем с полным основанием утверждать, что Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина имеет «полные» 200 лет существования и поэтому может рассматриваться как старейший украинский университет. Созданный по инициативе слободско-украинского дворянства, университет на всех этапах своей истории был самым тесным образом связан с окружавшей его стихией украинского народа.

Марков О. В. (Харків)

ПЕРШІ ПРИВАТНІ УСТАНОВИ КОМЕРЦІЙНОГО КРЕДИТУ в м. ХАРКОВІ

Контора Державного Комерційного банку в Харкові була заснована 10 березня 1843 р. «у вигляді досвіду» за клопотанням генерал-губернатора князя Долгорукова для заохочення сільського господарства і промисловості у південно-східних губерніях. Після реформи 1861 р. Державний банк не мав можливості задовольнити потреби зростаючої кількості позичальників. Відсутність комерційного кредиту викликала необхідність здійснення Державним банком численних операцій, у тому числі й не характерних для Центрального банку країни, а саме: отримання платежів за векселями та в рахунок довіритель, прийом внесків на поточні рахунки, грошові внески, зберігання капіталів різних казенних установ, а також вільних грошових коштів ощадних кас, інвестиції в облігації та акції приватних підприємств, позики містам та земствам, позики сільським господарям та промисловим підприємцям під заставу нерухомості або акцій, облігацій, рахунків-фактур. При Харківській конторі Державного банку у 1864 р. була відкрита Харківська міська ощадна каса. Маючи на увазі певний консерватизм бюрократичної системи Російської імперії, жорстка монополія державного банку у фінансово-кредитній сфері приводила до численних зловживань та створювала умови для невинуватого завищення відсотків по позиках лихварів. Життя об'єктивно вимагало розвитку приватної ініціативи у розвитку комерційного кредиту.

Початкові форми приватних кредитних установ міста Харкова виникли у вигляді товариств взаємного кредитування. Першим стало «Допоміжне товариство купецьких прикажчиків», статут якого був затверджений 11 лютого 1865 р. Але необхідність розширення операцій саме кредитного характеру вимусила трансформувати цю установу в «Товари-

ство взаємного кредиту прикажчиків», яке на початку 70-х рр. надавало позики під заставу відсоткових паперів та коштовного каміння, здійснювало облік solo векселів, прийом внесків.

Першою безпосередньо кредитною установою, заснованою на громадських засадах, або кругової поруки, став Харківський міський Купецький банк, який зіграв значну роль у веденні економічних справ міста. Банк регулював грошові обіги, саме через нього та кредитний банк проходив майже весь грошовий капітал міста. 10 липня 1864 р. Харківський міський голова Олексій Олександрович Скринник зібрав громадські збори, на яких закликав 80 купців, 5 міщан та 11 цехових скласти клопотання про відкриття банку на основі «Нормального положення про міські громадські банки» (1862 р.). За проектом статуту банку капітал, необхідний для його відкриття, складався з 25 тис. крб., що належали місту Харкову, та з 25 тис. крб. запасного капіталу заштатного міста Золочева. Статутом передбачалося, що ці суми повинні бути негайно відраховані на позики з перспективою поповнення їх із майбутніх прибутків банку. Але за таких умов відкриття банку не було дозволено урядом, і тому 16 квітня 1865 р. О. О. Скринник запропонував громадським зборам відкрити банк з основним капіталом в 15 тис. крб. добровільних пожертвувань із боку купців. 31 грудня 1865 р. міністр фінансів докладав Сенату про відкриття Харківського купецького банку з основним капіталом 15 тис. карбованців, а 8 березня 1866 р. відбулися вибори Правління банку. Першим директором було обрано Івана Івановича Ващенка, купця другої гільдії, гласного міської Думи, найбільшого вкладника Харківського купецького банку, власника свічкового та пивоварного заводів, відомого у місті благодійника, який зробив найбільший вне-

сок на будівництво Троїцької церкви. Товаришами директора стали купці Акименко Семен Михайлович та Кравцов Іван Федорович. Усі керівні посади банку було затверджено губернатором Графом Олександром Карловичем Сіверсом. У перший, найважчий період діяльності банку І. І. Ващенко підтримував касу власними коштами і виконував свої обов'язки, як і його товариші, безоплатно. За перші двадцять років діяльності операції банку зросли і позики під заставу товарів інколи перевищували 2 млн крб. За перші двадцять років було отримано чистого прибутку 3 579 818 крб. За період з 1866 по 1893 рр. у розпорядження міської Думи було надано 2 571 320 крб., тобто в середньому 95 тис. крб. на рік. Навчальним закладам із прибутку банку було відраховано за цей період 329 834 крб., у тому числі: ремісничому училищу 101 614 крб., комерційному училищу 75 000 крб., технологічному — 61 043 крб., реальному училищу 45 676 крб. Банківські установи Харкова формували не тільки фінансове обличчя міста, а й його архітектурний вигляд. Харківський купецький банк на початку своєї діяльності розташувався в будинку Сергєєва, потім у старовинному двоповерховому будинку купця Ломакіна на розі колишньої Торгової площі та Плетневського провулку. У 1908 р. цей будинок було визнано аварій-

ним та знесено. Було оголошено Всеросійський конкурс на проект нової споруди, яку купці вирішили зробити універсальною: на першому поверсі розмістити банк, на другому і третьому поверхах — контори для різних організацій, а на останніх — готель «Асторія». До виконання було прийнято проект у стилі модерн петербурзьких архітекторів Васильєва та Ржепішевського. Будівництво конструкції з монолітного залізобетону було завершено в 1913 р.

У 1866 р. у Харкові відкрило операції «Перше товариство взаємного кредиту», яке мало за мету надання термінових позик промисловцям міста. Діяльність товариства викликала зацікавленість широких верств харківського суспільства. Справа вимагала подальшого розвитку, і тому один з перших банкірів Харківщини О. К. Алчевський за підтримки першого голови правління М. І. Дракіна, міщанського старости І. С. Іванова та ремісничого голови С. І. Кольченка у 1871 р. заснував Друге товариство взаємного кредиту. За перший рік діяльності товариства кількість членів зросла до 398, які мали можливість отримати кредит від 50 до 25 000 крб. За перші 20 роки діяльності частина чистого прибутку (42 286 крб.) пішла на добротинні та просвітницькі заходи: підтримку комерційного училища, допомогу нужденним, будівництво пам'ятника імператору Олександрю III.

Маслійчук В. Л. (Харків)

ОСНОВНІ ПИТАННЯ У ВИСВІТЛЕННІ ІСТОРІЇ БАЛАКЛІЙСЬКОГО ПОЛКУ (1669–1677 рр.)

Балаклійський козацький полк — військово помісна одиниця, один із слобідських полків, який існував протягом 1669–1677 рр. На жаль, до сьогодні в історіографії побутує думка про визначену кількість слобідських полків (Сумський, Охтирський, Харківський, Ізюмський, Острогозький), однак у XVII ст. можна нарахувати ще кілька (Зміївський, Полатовський, Колонтаївський), згадки про які лише поодинокі. Найвідоміший з таких слобідських полків — Балаклійський, про який можна зробити навіть історіографічний огляд.

Уперше згадку про цей слобідський полк містить у собі польськомовний віршований панегірик «Багатий сад» Івана Орновського. Існування ж полку довели науковці Д. Багалій та В. Данилевич на початку XX ст. Ретельно зупиняється на історії Балаклійського полку і діяльності полковника Я. Чернігівця відомий дослідник минулого слобідських полків Є. Альбовський. У радянський час, базуючись на багатому джерельному матеріалі, історію Балаклійського полку висвітлює у своїй праці «Изюмская черта» російський дослідник з Воронежу В. Загоровський. Отже, за сучасного рівня розвитку історичної науки й кількістю згадок у джерелах, існування цього слобідського полку не викликає заперечень фахівців.

Балаклійський полк виник на базі українських переселенців в місцевостях поблизу середньої течії р. Сіверський Донець 1669 р. задля захисту прикордоння Московської держави від татарських нападів і був ліквідований 1677 р. через сварки місцевих козаків з російськими управліннями. Полк, здається, був досить аморфною одиницею, єдиним його полковником був осадчий м. Балаклії Яків Чернігівець.

Попри досить потужні дослідження, які стосувалися й історії полку, низка питань щодо минулого цієї структури висвітлена недостатньо.

Яку ж основну проблематику висуває дослідження історії цього полку? Насамперед, йдеться про освоєння і заселення територій по середній течії р. Сіверський Донець у XVII ст., заснування нових міст та містечок, зміна людиною природного середовища і, до всього, підпорядкування населення певній козацькій полковій структурі. Особливо у цьому разі низку питань викликає заснування та функціонування двох містечок Балаклійського полку — Цареборисова та Ізюму. Заснований наприкінці XVI ст. Цареборисів запустів під час московської Смути; поселення відновлювали українські переселенці у середині 50-х рр. XVII ст. Саме через цареборисівські суперечки з російськими служилими Балаклійський полк було ліквідовано. Історія Цареборисова 50–70-х рр. XVII ст. —

яскравий приклад неоднозначних взаємодій «черкас» та «великоросійських» служилих, що, переконані, потребує ще досліджень. Історія ж іншого міста, Ізюму, часто досить невірно трактується з огляду на його подальшу адміністративну роль. Першу фортецю, зважаючи на стратегічне розташування місцевості, тут збудував 1672 р. згаданий балаклійський полковник Яків Чернігівець. Подальший розвиток Ізюму пов'язаний із будівництвом російським урядом Ізюмської укріпленої лінії й участю у цьому проекті харківського полковника Григорія Донця, під керівництвом якого було закладено потужні укріплення й почався інтенсивний розвиток міста.

Попри проблеми залюднення території та виникнення поселень, існує власне проблема походження колонізаційного елемента, який утворив служилу одиницю. Відома лише уривкова біографія полковника Я. Чернігівця, колишнього соратника полтавського полковника Мартина Пушкаря 1657–1658 рр. та прихильника промосковського наказного гетьмана Івана Безпалого. Події 1668 р. та разінський рух слободами полку належним чином не відомі.

Маслюченко С. В. (Харьков)

НОВЫЕ ФАКТЫ В ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ (по этнографическим материалам Харьковской области)

Основным этническим компонентом при заселении территории современной Харьковской области в XVII в. были выходцы из Поднепровья, но практически все исследователи колонизации Слобожанщины признают в ряде районов количественное преобладание переселенцев из северных, великорусских областей, группы которых дисперсно расположены по течению рек Северский Донец, Оскол и др. Отсюда бытует мнение, что население Харьковщины состоит преимущественно из украинцев и русских. До сегодняшнего дня не утихают дискуссии только относительно процентного соотношения массивов русского и украинского населения при колонизации данного региона.

Однако выявленный автором этнографический материал позволяет пересмотреть общепринятые взгляды на участие русской этнической общности в заселении Слободской Украины.

Дело в том, что жители села Молодовая до сегодняшних дней практикуют необычный обряд захоронения. В конструкции погребального сооружения они используют уступы вдоль длинных сторон могильной ямы, на которые после установки гроба в могилу укладываются деревянные бруски. В археологической науке эти уступы принято называть «запличики». Археологические памятники разных эпох говорят, что на таких «запличиках» располагалось перекрытие над умершим, как правило, деревянное, реже каменное. Захоронения с использованием «запличиков» использовались уже на позднем

Важливою проблемою є і функціонування полку, що мав своїм завданням стримувати татарські напади, організація прикордонної служби, взаємодії з кочовим татарським світом, вплив військових виправ на довкілля.

Маловідомими є і ліквідація полку, пов'язана, як і його утворення, з ініціативою царського уряду, підстави для передачі його земель Харківському полку, прохання старшини Романа Яницького відновити полк і врешті утворення на базі колишнього Балаклійського Ізюмського слобідського козацького полку протягом 80-х рр. XVII ст.

Усі ці питання, поза всяким сумнівом, є доволі важливими, бо, певною мірою, той соціо-культурний ландшафт, що почав оформлюватися під час заселення даної території, багато в чому визначив основу взаємин, які панують на півдні Харківщини до сьогодні. З цього приводу громадська організація «Інститут суспільних досліджень» (Дніпропетровськ) сприяє вивченню історії Балаклійського полку і написанню найближчим часом невеличкої науково-популярної розвідки з цього приводу.

этапе древнеямной культуры во II тыс. до н. э. Позже археология фиксирует данный обряд вплоть до XV в., и присущ он был, как правило, различным племенам кочевников Евразийских степей.

Захоронения с использованием «запличиков» и сооружение над умершим перекрытия еще до недавнего времени практиковали и отчасти практикуют в наше время крымчаки, приазовские грекотатары, часть сибирских татар, православные татары мишари, чуваша и другие тюркоязычные народы.

Жители с. Молодовая, которые относят себя к русским, носят типичные русские фамилии и общаются на русском языке. Но в ходе дальнейших исследований археологических и этнографических источников автор пришел к выводу, что элементы данного обряда не относятся к христианской традиции захоронения. Не находит аналогий данный обряд и в славянских древностях, нет никаких предпосылок связывать его со славянской этнографией вообще. Между тем считается, что ритуал захоронения — одно из наиболее устойчивых этнокультурных явлений, сохраняющее древние традиции даже при полном стирании этнических признаков в материальной культуре. Более того, традиции, связанные с погребальным обрядом, зачастую переживают историческую память народа и его этническое самосознание.

Село Молодовая находится в северо-восточной части Харьковской области и относится к Волчанскому району. Расположено примерно в 5 км от по-

селка Старый Салтов вниз по течению Северского Донца. Что интересно, в архивных документах до начала XX в. село фигурирует как Молодовое, но позже, вопреки всем правилам русского языка, преобразовывается в Молодовая.

Еще в XVI в. территория Харьковской области относилась к обширному пространству, именуемому в то время «Диким полем». Называли его тогда так потому, что безлюдной была земля эта, непаханой. Однако уже в начале XVII в. Московская держава проводит активную политику заселения своих южных окраин. Поначалу на новых землях строили крепости, но при набегах татарская конница обходила стороной очаги сопротивления и устремлялась вглубь страны. После неудачной польской войны и опустошительных татарских набегов 1632–1634 гг. московское правительство принимает решение о строительстве сплошной линии обороны, получившей название «Белгородская засечная черта». Цепь разноплановых укреплений располагалась поперек татарских дорог и протянулась от северо-западных районов современной Харьковской области до Тамбовских краев.

Присоединенные земли правительство ставило на учет, а после раздавало так называемым «детям боярским». «Дети боярские», служилое сословие московского государства, получая в личное пользование землю и жалование, обязано было нести военную службу. Но людей все равно катастрофически не хватало, еще совсем недавно на просторах государства бушевало «Смутное время». Тогда правительство массово начинает привлекать на государственную службу казаков, переселенцев из Поднепровья, отчасти беглых крепостных и новокрещеных татар.

На службу московским князьям татарские ханы, царьки и князья стали переходить уже в XV в. А в XVI в., после завоевания Казани, Астрахани и присоединения Сибирского ханства, данная тенденция

приобрела массовый характер. Урусовы, Юсуповы, Ахматовы и т. д. — знатные фамилии из российской истории с татарским происхождением. Простые татары, переходя на службу к царю, при крещении получали новые русские имена и фамилии, например, Иван Тимофеев или Федор Иванов. Именно поэтому у жителей Молодовой типичные русские фамилии: Толстой, Воронкин, Сапалев, Стрельников, Тимофеев. К середине XVII в. документы перестают выделять категории казаков, крещеных татар и других служилых людей, они все начинают фигурировать в архивных документах как «дети боярские новики». В тех же архивных документах есть запись, которая точно локализуется с современным расположением Молодовой: «В 1652 году на Салтовском городище вновь поселены на постоянное житье Боярские дети новики, 19 человек, которые устроили ниже Салтова городища на безымянном ручье, что за лесом».

При Петре I все дети боярские были приравнены к государственным крестьянам. Шли годы. Жители села Молодовая забыли свой родной язык, свою этническую историю и стали себя идентифицировать с русским народом. Удивительным образом остался только древний погребальный обряд и некоторые элементы материальной культуры, которые могут рассказать правду о самом народе и об истории заселения Харьковской области.

Проведенные исследования показывают, что на самом деле при заселении территории Слободской Украины в массивах русского населения присутствовал огромный слой тюркоязычных по своему происхождению народов. Данный факт сначала в российской, а позже в советской науке либо не был замечен вовсе, либо усиленно, что скорее всего, фальсифицировался. Была общепринятой установка на то, что данные земли заселили только русские и украинцы.

Мозговський М. В. (Харків)

НАУКОВА ГЕНЕТИКА — ЖЕРТВА ТОТАЛІТАРНОГО РЕЖИМУ У ПОВОЄННИЙ ПЕРІОД В УКРАЇНІ (1946–1953 рр.)

Важкі роки переживала Україна після закінчення Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. Відбудова господарства проходила у надзвичайно складних умовах розрухи і нестатків, які тісно поєднувалися з процесами, що відбувалися в ідейно-політичному житті країни.

На цьому відбився деформуючий вплив культури особи Сталіна. У повоєнні роки мало місце грубе втручання тоталітарної системи в науку. У сфері науки в перші післявоєнні роки наступ проти інтелігенції проходив і під гаслом боротьби з генетикою і генетиками. Початок цієї кампанії поклала серпнева сесія Всесоюзної академії сільськогосподарських

наук імені Леніна (ВАСГНІЛ), яка стала тріумфом «лисенківщини», так званої народної «агробіології». Після сесії ВАСГНІЛ у 1948 р. в Україні також посилювався тиск на тих представників наукової громадськості, які не підтримували прихильників «вчення» Лисенка.

У вересні 1948 р. у Києві було скликано збори громадськості республіки, на яких з доповіддю виступив один з найближчих помічників Лисенка — Ольшанський. Як свідчить один з видатних генетиків академік С. М. Гершензон: «Ольшанський у своїй доповіді, де вихваляв вчення Лисенка і спростовував генетику, взявся за виявлення шкоди, завданої

науці і господарству республіки менделістами-морганістами, що обкопалися на Україні». Серед тих, кого слід було піддати «критиці», він вибрав академіка АН УРСР Н. Н. Гришка, професорів Л. Н. Делоне, І. М. Полякова і С. М. Гершензона. Рішуче проти Т. Лисенка виступив зав. кафедрою дарвінізму і генетики Харківського державного університету член-кореспондент АН УРСР І. М. Поляков. Він на сесії ВАСГНІЛ був названий «морганістом під червоним прапором», а Харків був проголошений третім центром вейсманізму в СРСР. В університеті найбільш активними критиками вейсманістів були аспірант М. Воловик і доцент В. Махінько. З Москви до Харкову примчався заступник голови Комітету у справах вищої школи (КВШ) СРСР академік А. В. -Топчів для розправи з вейсманістами-морганістами. Разом з обкомівцями, зокрема з секретарем обкому КП(б)У О. М. Румянцевим, Топчів провів «розчистку» ХДУ й сільгоспінституту від «реакційних» елементів. 22 вересня 1948 р. було проведено відкриті партійні збори ХДУ, які розглянули питання про підсумки сесії ВАСГНІЛ. Зрозуміло, що під великим тиском згори збори повністю схвалили доповідь Т. Лисенка про становище у біологічній науці і приєдналися до постанови ВАСГНІЛ. Були звільнені з університету професор І. М. Поляков і його прихильники та співробітники доценти Дубовський, Єфроймон, Цубіна, Кельштейн, усунута від викладацької роботи доцент В. П. Михайлова. Зав. кафедрою дарвінізму і генетики замість члена-кореспондента АН УРСР доктора біологічних наук, проф. І. Полякова став аспірант М. Воловик, який так і не піднявся вище.

Лише протягом двох місяців, що минули після серпневої сесії ВАСГНІЛ, у вузах СРСР з роботи звільнили 115 осіб, зокрема 10 деканів, 65 завду-

вачів кафедр і ще 9 професорів, 23 доценти та 8 аспірантів. Серед звільнених були декани біологічних факультетів Львівського та Ужгородського університетів, завідувачі кафедр: Київського університету — С. Гершензон (дарвінізму), М. Гришко (генетики і селекції), Харківського сільськогосподарського інституту — Л. Делоне (біології і генетики), медичного інституту — Є. Фінкельштейн (біології); Львівського медичного інституту — Єфимова (біології); Ужгородського університету — Рогаль (дарвінізму) та ін.

Чистка торкнулася також працівників академічних інститутів, дослідних станцій і лабораторій та інших наукових закладів, що розробляли проблеми біології. Завдання полягало не лише в тому, щоб розвінчати відвертих прихильників генетики, а й виявити працівників, які «намагалися примирити матеріалістичний та ідеалістичний напрямки, звужуючи гостроту боротьби з антимишуринським напрямком».

Незабаром почали здійснюватися заходи, спрямовані на організований розгром генетичних шкіл: в Академії наук УРСР було ліквідовано відділ Інституту зоології. Проти вчених, які відкрито виступили на захист своїх переконань, застосовувалися і репресивні акції. У біологічній науці і агрономії настало повне всевладдя лисенківщини, яке продовжувалося до кінця 50-х рр. XX ст. Сільському господарству було завдано великої шкоди.

Переслідування вчених-генетиків за доносами Лисенка і його прибічників сполучалося з антисемітськими звинуваченнями й об'єднувалося в єдину кампанію з погромами в галузі фізіології і медицини.

Тоталітарна система завдала величезних втрат науковій інтелігенції. Масштаби цієї трагедії навіть важко уявити.

Острон И. И. (Харьков)

ИЗУЧЕНИЕ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ УЧЕНЫМИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА в начале XX века

Период конца XIX—начала XX вв. был отмечен повышением интереса к истории Слободского края. В его изучении принимали участие практически все слои населения, но нельзя ни отметить той большой роли, которую сыграли в этом процессе ученые Харьковского университета (среди них О. О. Потеня, Д. И. Багалеи, Н. Ф. Сумцов, Д. К. Зеленин и др). Университет был не только учебным заведением. Он был источником многих культурных и краеведческих начинаний не только в городе, но и во всем Слободском регионе. Кроме того, харьковчане уже имели значительные наработки в области краеведческих исследований, прекрасно осознавая их необходимость для развития науки, образования и культуры региона.

Известный ученый, общественный деятель, городской голова, выборный ректор Харьковского

университета Д. И. Багалеи был назван современниками летописцем Слободского края. Среди его многочисленных работ важное место занимают исследования истории Харькова и Слободского региона. Это фундаментальное издание «История города Харькова за 250 лет его существования», которое было подготовлено в соавторстве с Д. П. Миллером к юбилею города в 1904 г. Приложения, иллюстрации, комментарии современников позволили исследованию оставаться актуальным и по сей день.

Но наибольшую известность приобрела «История Слободської України» (1918). В ней автор приводит интереснейшие обзоры исторической географии и этнографии края, его экономического, политического, социального, духовного развития, описывает быт населения. Книга была не только познавательна и не только пополнила ряды популяр-

ной літератури. Її науковість дозволяла користуватися нею як навчальним посібником по цілому ряду питань з історії Слобожанщини.

Слободським духом був очарований вчений-етнограф, професор Харківського університету (з 1916 по 1925 рр.) Д. К. Зеленин. Після переїзду в Харків він займався вивченням етнографії Слобожанщини, музейних фондів міста та області. В Історико-філологічному науковому товаристві він прочитав ряд доповідей, присвячених університету. Наприклад: «Про каменні баби, належачі Харківському університету» (1918).

Разом з Н. Ф. Сумцовим він бере участь в створенні Етнографічного відділу в музеї Слободської України ім. Г. С. Сковороди. Першим керівником музею Н. Ф. Сумцов хотів влаштувати при музеї етнографічні курси, запрошував до участі в цій роботі відомих харківських вчених, сприяв організації «Товариства друзів Музею Слободської України». По його проханню члени товариства (серед них Д. К. Зеленин, Д. І. Багалей) всіляко допомагали музею.

В той же час Д. К. Зеленин пише «Записку про Етнографічний музей Харківського університету» (Музей ХИФО), в якій показує високу наукову цінність його фондів порівняно з іншими музеями Росії; є співавтором програми, серед якої видне місце займає «Програма етнографічного дослідження Сло-

бодської України».

Входячи до складу Етнографічної секції Харківського губернського комітету охорони пам'яток мистецтва, старовини та природи, Д. К. Зеленин разом з Н. Ф. Сумцовим складає план роботи секції та програму підготовки спеціалістів для «збирання та розбору матеріалів по етнографії України». Передбачалося читання та організація практичних занять по практичній етнографії, археологічній етнографії, історії Слободської України в зв'язі з етнографією, історії етнографії, духовному життю народу та ін. Довготривалість підготовки на курсах визначалася в один місяць, кількість слухачів — двадцять п'ять осіб. Слухачі курсів мали отримувати установлене для студентів вищих навчальних закладів соціальне забезпечення.

В 1923 р. Д. К. Зеленин організував в Харкові Слобожанську комісію краєзнавства та був її головою.

Таким чином, харківські вчені приклали немало зусиль для дослідження Слободської України, популяризації знань про неї, введення в науковий оборот матеріалів, виявлених в місцевих архівах та музеях. Досвід краєзнавчої роботи та академічні традиції університету дозволили їм проводити свої дослідження на достатньо високому рівні, що в свою чергу сприяло переходу краєзнавства з разряду любительських занять до наукових дисциплін.

Наумов С. О. (Харків)

ХАРКІВСЬКА ОРГАНІЗАЦІЯ УСДРП У РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Вивчення історії українського національного руху за останні роки просулося далеко вперед, особливо якщо рахувати кількість відповідних публікацій та дисертацій. Та складається враження, що історіографія проблеми розвивається більше в шир, ніж в глиб. З нашого погляду, було б корисно взятись за фронтальне опрацювання всього комплексу джерел у різних розрізах: територіальному, організаційному, хронологічному, проблемному — паралельно з пошуком концептуально свіжих ідей та схем. Лише на цій основі варто приступати до написання узагальнюючих праць, а не навпаки, як то робиться тепер.

Харківська організація завжди була однією з найдіяльніших і найвпливовіших в УСДРП. У роки I Світової війни партія як ціле практично не існувала: більшість місцевих організацій було розгромлено, залишились тільки окремі організації, групи та поодинокі партійці без належних вертикальних та горизонтальних зв'язків. Немає сумніву, що в Харкові робота партії продовжувалась. Це підтверджується спогадами В. Винниченка, Ю. Тищенка, Я. Довби-

щенка та інших, документами губернського жандармського управління.

З'ясувати організаційний рівень, кількісний та персональний склад партійного осередку можна лише приблизно чи гіпотетично. У літературі здебільшого йдеться про організацію УСДРП у Харкові (В. Дорошенко, В. Степанюк і Я. Довбищенко, П. Феденко). Варто підкреслити, що всі названі автори належали до УСДРП, тож мали бути обізнаними в цьому питанні. Більше того, Я. Довбищенко був керівником українських соціал-демократів у Харкові в передвоєнні й воєнні роки. Правда, відповідна частина брошури «З історії українського соціал-демократичного руху (1900–1918 рр.)» (Х., 1918) написана О. Лолою (В. Степанюком). Натомість інший відомий діяч УСДРП, Ю. Тищенко, котрий під час війни працював у Харкові, у своїх спогадах і статтях називав місцевий осередок групою. Враховуючи його малочисельність, відсутність інформації про структуру, комітет та інші атрибути справжньої організації, можна стверджувати, що фактично це була група УСДРП. Але в тогочасній партії вона, оче-

видно, номінально зберігала статус організації. Таке роздвоєння в характеристиці осередку помітне й у спогадах харківського більшовика А. Балтіна: «Група українських соціал-демократів... не являла собою строгу організацію». За Я. Довбищенком, як організація вона існувала з літа 1915 р. до жандармської ліквідації в січні 1916 р., тобто півроку.

Очевидно, відновлення організації пов'язане з нарадою В. Винниченка (одного з двох членів бюро ЦК УСДРП), Ю. Тищенка, Я. Довбищенка, Я. Левченка та інших влітку 1915 р. в Карачівці під Харковом. До того часу вона перебувала у настільки глибокому підпіллі (фактично не працювала), що Ю. Тищенко, проживши в Харкові півроку, так і не зміг зв'язатися з нею, а, швидше за все, нічого не знав про її існування.

А. Балтін визначав чисельність харківської групи УСДРП восени 1915 р. в 10–15 чол. Враховуючи походження даних, можна було б вважати їх заниженими. Але джерела достатніх підстав для цього не дають: надто малопомітні були українські соціал-демократи в Харкові. Обережно поширюючи свій вплив, група намагалася закріпитись у міському середовищі. Про успіхи на харківських підприємствах йшлося у виступі Ю. Тищенка на партійній нараді в Катеринославі в жовтні 1915 р. Є відповідні згадки й у літературі, але випадкові, глухі й непевні. Зв'язки з робітництвом дещо посилились під час підготовки до видання легального тижневика «Слово» та після виходу його єдиного номера. І все ж постійних організаційних зв'язків з пролетаріатом група тоді не мала. Як визнавав О. Лола, «вплив української соціал-де-

мократичної організації серед харківського робітництва... рівнявся майже нулю».

Значно результативнішою була діяльність українських соціал-демократів серед студентства. Цей напрямок роботи очолювали М. Петренко й Г. Іваницький. Переважно під їхнім впливом перебувала Юнацька спілка Лівобережної України, членом ЦВК якої був М. Петренко. Серед студентської молоді діяли також Український соціалістичний колектив і українська соціал-демократична фракція. По харківських вузах партія мала принаймні десятки переконаних прибічників. Але встановити, хто з них входив до складу організації, хто належав до молодіжного «крила» чи так званої «маси» (симпатиків), — поки що непосильне завдання.

Практична робота групи полягала в залученні й вихованні нових партійців та прибічників (симпатиків), налагодженні зв'язків з іншими місцевими організаціями та керівним центром партії, спробах видання й поширення партійної літератури. Належна увага приділялась діяльності в легальних культурних і професійних об'єднаннях. До правління літературно-наукового товариства ім. Г. Квітки-Основ'яненка входили Я. Довбищенко й Г. Іваницький. Групою засновано українську книгарню, якою завідував С. Луценко. За даними жандармської агентури, Я. Довбищенко «відігравав головну яскраво забарвлену соціал-демократичною тенденцією роль у діяльності професійного товариства конторників і бухгалтерів».

Ставлення групи до світової війни співпадало з позицією партійної більшості, висловленою у виставці ЦК УСДРП «Війна і українська соціал-демократія», що поширювалась і в Харкові.

Павлова О. Г. (Харків)

РОЛЬ ХАРКІВСЬКОГО ХУДОЖНЬО-ПРОМИСЛОВОГО МУЗЕЮ В РОЗВИТКУ МИСТЕЦТВА в кінці XIX–початку XX ст.

Створення художньо-промислового музею у Харкові в другій половині XIX ст. було викликано як нагальною потребою розвитку художньої освіти, так і необхідністю задовільнити естетичні запити харків'ян. Тому поставлене питання про створення у місті громадського музею художнього профілю отримало підтримку як державних діячів, так і громадськості. У процес організації міського музею включилися губернатор, міська дума, Харківський імператорський університет, художники, громадські діячі. Ідею створення у Харкові художньо-промислового музею було схвально сприйнято і Імператорською Академією мистецтв, Міністерством Імператорського Двора та ін. Але, незважаючи на це, процес відкриття громадського музею затягнувся на декілька років.

Питання про створення такого музею було порушене в лютому 1882 р., а офіційне його відкриття відбулося 14 грудня 1886 р. Відкриття художньо-

промислового музею в Харкові було приурочено до влаштування в місті першої академічної виставки, з якої Академія мистецтв залишила для оформлення постійної експозиції 36 картин.

Діяльність нового музею повинна була служити завданням розвитку мистецтва, художньої промисловості та естетичного смаку. Тому колекція музею повинна була включати у себе найрізноманітніші твори образотворчого мистецтва та вишукані твори декоративно-ужиткового мистецтва.

Основу колекції харківського художньо-промислового музею склали 36 живописних полотен сучасних вітчизняних художників, 12 античних бюстів, 10 статуй, колекція орнаментів, які були передані Академією мистецтва. Подальшу турботу про поповнення колекції було покладено на комісію по завідуванню музеєм. Члени комісії більше часу віддавали популяризації колекції, виставковій

діяльності та вирішували організаційні питання. Питання поповнення колекції міського громадського музею вирішувалося складно. Наприклад, на вересень 1887 р. у музеї нараховувалося більше 110 картин, а за перші п'ять років існування музею вдалося придбати лише 8 творів мистецтва. Всього у музейних фондах на 9 лютого 1891 р. нараховувалося 253 твори образотворчого мистецтва, 28 — декоративно-ужиткового та етнографічного мистецтва, понад 200 різних монет і медалей, 100 фотографій і діапозитивів та надіслані Академією мистецтв колекція орнаментів і Міністерством державного майна — гончарних виробів. 29 січня 1889 р. за пропозицією М. Ф. Сумцова було вирішено влаштувати при музеї етнографічний відділ. Слід зазначити, що уже на 1891 р. етнографічна колекція нараховувала біля 1000 експонатів. У 1896 р. влаштуванням етнографічного відділу музею зайнявся професор Харківського університету А. П. Краснов. Активну участь у організації цього відділу прийняв і Б. А. Ковальов. План відділу був складений Красновим. Він же подарував музею свою особисту етнографічну колекцію. Етнографічний відділ був доповнений предметами, надісланими Міністерством державного майна та жертвуваннями приватних осіб. Завдяки цьому на кінець XIX ст. ні один міський музей Росії не мав такої різноманітної багатой етнографічної колекції. За виключенням етнографічного відділу Румянцевського музею, колекція якого присвячена виключно костюмам, та Тифліського музею, збірка якого мала глибоко місцевий характер.

Але незважаючи на всі клопоти комісії, щодо кількісного складу колекції, сучасники відмічали бідність історико-художнього відділу. Протягом більш ніж двадцяти років у музеї зосереджувалися поодинокі твори живопису, монети, цінні фотографії з відомих картин та пам'яток мистецтва. Музей потребував і творів акварельного та гравірувального мистецтва.

На поч. XX ст. поповнення колекції харківського художньо-промислового музею турбувало голову музейної комісії Д. І. Багалія. Завдяки йому до Харківського музею надійшло від Академії 8 акварелей та 12 гравюр. Він встановив тісні контакти

з деякими відомими художниками того часу. Зокрема, з І. Ю. Репіним, В. М. Васнецовим, В. Д. Поленовим, В. Є. Маковським та ін. На поч. 1900 р. він склав план поповнення музею, за яким передбачалося перетворення його у значний історико-культурний заклад. Вчений запропонував створити новий відділ «Старий Харків».

Пізніше поповнення колекції турбувало іншого голову комісії по завідуванню музеєм С. О. Раєвського. Він звернувся до Товариства ім. А. І. Куїнджі з проханням надіслати для харківського художньо-промислового музею твори А. І. Куїнджі. При цьому С. О. Раєвський склав повний звіт-опис художнього відділу музею, де перелічив усі твори образотворчого мистецтва, включивши не лише живопис, а й гравюри, скульптуру, фарфор, і надіслав до правління Товариства ім. А. І. Куїнджі. У короткій довідці про музей зазначав, що його колекція складається з трьох відділів: художнього, художньо-промислового та етнографічного. Два останні мало укомплектовані, а художній — не мав жодної картини знаменитого пейзажиста. У відповідь колекція харківського музею поповнилася картиною А. І. Куїнджі «Місячна ніч» та двома ескізами до картин «Весна» і «Веселка». Всього на 1914 р. харківський міський музей, за виключенням гіпсових скульптур, нараховував 229 творів, до речі, 53 із яких були власністю Академії мистецтв.

Слід відмітити, що колекція музею постійно була представлена для копіювання учням художньої школи, художніх студій, студентів університету, художників-професіоналів та аматорів.

Отже, харківський художньо-промисловий музей відіграв важливу роль у розвитку художнього смаку та поширенні громадського інтересу до вітчизняного мистецтва. Діяльність музею також сприяла і активізації художніх ремесел. Цій стороні діяльності музею надавалося велике значення. Це давало змогу популяризувати не лише досягнення вітчизняного, зарубіжного мистецтва та творчість місцевих художників, а й демонструвати успіхи талановитої харківської молоді. Художні виставки, що влаштовувалися в музеї, користувалися особливою популярністю у учнів та молоді. Інтерес до виставок пробуджував і інтерес до музейної колекції.

Посохова Л. Ю. (Харків)

З ІСТОРІЇ ШЛЮБІВ СВЯЩЕНИКІВ СЛОБІДСЬКОЇ УКРАЇНИ XVIII ст.

Церковне життя Слобідської України XVIII ст. є вельми цікавою сторінкою нашої історії. На Слобожанщині ми можемо спостерігати процеси зіткнення декількох церковно-історичних традицій. По-перше, переселенці із Наддніпрянщини та Правобережної України, які прийшли на Слобожанщину в середині XVII ст., принесли традицію та практику виборів священика територіальною гро-

мадою-парафією. Кандидат міг бути різного соціального походження й виконувати обов'язки священика до кінця життя або певний час. Отже, духівництво як стан не було в цей час замкненим, а виборне право ґрунтувалося на звичаєвому праві. Одночасно з цим, у Слобідській Україні раніше, ніж в інших регіонах України, з'явилася й швидко затверджувалася практика спадкоємності при замі-

щенні священницької посади. Син священника наслідував посаду свого батька. Така практика цілком відповідала законодавчим нормам Російської імперії як станової держави.

Початок XVIII ст. приніс нові тенденції. «Духовний Регламент», автором якого був Феофан Прокопович, ряд інших законодавчих актів Російської імперії вимагали від єпископів призначати на священницькі посади людей «вчених», тобто тих, хто пройшов через навчання у духовній школі. Законодавчі акти та додаткові роз'яснення містили вказівки, що єпископи, перш за все, повинні керуватися освітнім цензом претендентів на священницькі посади, таким чином, ігноруючи право спадкоємності чи виборності з боку парафіян. Отже, церква вписувалася в систему державного управління, й духовна школа мала виконувати важливі регулятивні функції у формуванні соціального стану духівництва. Єпископи зобов'язувалися заснувати у своїх єпархіях духовні школи, однак цей процес у Російській імперії надзвичайно розтягнувся в часі. У той же час у Слобідській Україні, як відомо, вже в 1726 р. виник Харківський колегіум — навчальний заклад, створений за зразком Києво-Могилянської академії, який швидко став одним з найбільших навчальних закладів України та Росії. Підкреслимо, що всестановий склад його студентів зберігався протягом всього XVIII ст.

Однак, як відомо з джерел, у Слобідській Україні традиції виборності на священницькі посади міцно трималися ще довго — до середини XVIII ст., а в окремих випадках зустрічалися навіть на початку XIX ст. Збереження даної традиції приводило до певного соціального напруження. Кожен рік Харківський колегіум випускав освічених осіб, які мали права на священницькі посади, але їх не обов'язково обирали парафіяни. Соціальна проблема дедалі загострювалася й тим, що з XVIII ст. з боку держави значно посилювався контроль за чисельністю духівництва. Протягом всього XVIII ст. проводилися «розбори» (тобто переписи) духівництва. Хоча вони здійснювалися з великими перервами (у 1722, 1754, 1766 рр. і т. д.), але одним з їх наслідків стало зменшення чисельності духівництва. Нарешті, секуляризація церковного та монастирського землеволодіння теж додала напруги в соціальне середовище духівництва, оскільки певне число людей було «виписане» з цього соціального стану.

За таких історичних обставин, як це не дивно виглядає на перший погляд, засобом розв'язання соціальних проблем, примиренням різних історичних традицій стало «шлюбне питання». Як свідчать знайдені документальні матеріали, ініціа-

тива саме такого вирішення складної задачі належала єпархіальному архієрею — єпископу. Так, в одному з розпоряджень єпископа від 1765 р., поперше, зазначається, що священники та диякони мають віддавати своїх синів для навчання до колегіуму, а тим, хто бажає передати своє місце зяттям, слід віддавати своїх доньок за людей «вчених», «учительних». Причому, згідно розпорядження, ті священники, які мали у своїй парафії 80–100 дворів, могли «претендувати» на випускників вищого, богословського класу колегіуму; ті, у кого 60–80 дворів — на випускників філософського класу; а у кого менш ніж 60 дворів або якщо вони не могли знайти кандидата, зобов'язувалися доповідати про це керівництву. Але священникам заборонялося віддавати доньок за «невчених». У фонді Харківського колегіуму Центрального державного історичного архіву України в м. Києві є чимало справ, що стосуються кінця 1760–початку 70-х рр. XVIII ст., у яких містяться звернення від священників щодо шлюбу своїх доньок. Справи майже подібні, що свідчить про затвердження певної практики вирішення даного «шлюбного питання». Священник повідомляв єпископа про свою парафію, а також називав вік своєї доньки. Наприклад, у справі, що датується 1771 р. (ЦДІА, ф. 1973, оп. 1, спр. 245), повідомляється про те, що після смерті протопопа Успенської церкви с. Хатнього залишилися діти: син Федір, 12 років, навчається в Харківському колегіумі; доньки Васса, 10 років; а також Олімпіада, 22 роки. Далі у справі містилося описання даної парафії й резолюція єпископа: «До Харківського колегіуму оголосити бажаним з вчителів світських або студентам богослов'я взяти шлюб із донькою покійного протопопа, а також взяти місце не тільки священника, а й протопопа». Близьких за змістом справ у фонді чимало, а от відомостей про те, як безпосередньо відбувався вибір, всього декілька. Єпископ або повідомляв керівництво колегіуму про такі справи, або сам привозив дівчат безпосередньо до колегіуму «на оглядини». Логічним завершенням цих «шлюбних історій» були прохання викладачів чи студентів про дозвіл на одруження та зайняття місця священника.

Так, завдяки гендерному фактору вирішувалося складне протиріччя в церковному житті Слобідської України XVIII ст. Дослідження шлюбів, на нашу думку, дозволяє також зрозуміти фактори, завдяки яким відбувалося посилення станової замкненості духівництва, так би мовити, «знизу», яке йшло паралельно із загальнодержавною політикою відокремлення різних соціальних станів.

ВНЕСОК ХАРКІВСЬКОГО ПОПЕРЕДНЬОГО КОМІТЕТУ В ПІДГОТОВКУ XII АРХЕОЛОГІЧНОГО З'ЇЗДУ

У серпні 1902 р. у Харкові відбулася визначна подія: тут розпочав свою роботу XII Археологічний з'їзд. Основна робота по його підготовці велась створеним у березні 1900 р. Харківським Попереднім комітетом (ХПК). До основних джерел, що висвітлюють роботу зазначеного комітету, належать: протоколи засідань ХПК, звіт Д. І. Багалія, матеріали Державного архіву Харківської області, а також періодичні видання того часу — «Южный край», «Харьковские губернские ведомости», «Исторический вестник», «Киевская старина».

За час існування Харківським Попереднім комітетом було проведено 24 засідання. Його робота тривала протягом двох з половиною років, і за цей час було дуже багато зроблено в напрямку дослідження історії нашого краю.

Головою ХПК було обрано проф. Харківського університету Д. І. Багалія, секретарем — приват-доцента Є. К. Редіна. Всього до складу комітету увійшло близько 60 чоловік, серед яких більшість становили викладачі Харківського університету (38 осіб) та Харківського історико-філологічного товариства (12 осіб).

На другому засіданні ХПК (26 березня 1900 р.) Д. І. Багалій визначив першочергові заходи та основні задачі, що стояли перед комітетом: складання та розповсюдження програм для збирання старожитностей; організація наукових експедицій (археологічних, етнографічних та ін.); підготовка виставки при з'їзді; видання праць комітету; налагодження надходження інформації про місцеві старожитності до ХПК від народних учителів, священників єпархії, власників приватних колекцій; підготовка приміщень для засідань з'їзду і т. ін.

Вже на третьому засіданні ХПК (31 березня 1900 р.) було обговорено і затверджено ряд програм для збирання старожитностей: 1) Програма для збирання відомостей про первісні старожитності; 2) Програма для збирання відомостей про старожитності історичні (обидві програми запропоновані Д. І. Багалієм); 3) Програма для збирання відомостей про церковні старожитності (запропонована приват-доцентом Харківського університету Є. К. Редіним); 4) Програма для збирання етнографічних предметів для виставки; 5) Програма для збирання відомостей про кобзарів та лірників; 6) Програма для збирання писанок та відомостей про них (останні програми запропоновані професором Харківського університету М. Ф. Сумцовим).

Важливу увагу ХПК приділяв роботі з громадськістю. Потягом 1900–1902 рр. представники комітету неодноразово зверталися в періодичних ви-

даннях з проханням до всіх небайдужих громадян надати допомогу в збиранні різноманітних предметів старовини, а також інформації про них. Допомогу в розповсюдженні програм комітету надали Харківський архієпископ Амвросій та попечитель харківського навчального округу В. К. Анрен: через них програми було доставлено священикам єпархії та народним учителям.

Невдовзі до ХПК почали надходити відповіді на запитання програм та власне пам'ятки старовини. Всі ці матеріали були розібрані та класифіковані секретарем комітету Є. К. Редіним, що дало змогу фахівцям користуватися ними при підготовці виставки та доповідей до з'їзду. Так, членом ХПК Л. В. Ветуховим було відібрано та оброблено матеріал, що стосувався кобзарів, лірників, писанок. Згодом він був надрукований в першому томі «Трудов Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда». Л. В. Ветуховим був проаналізований і інший етнографічний матеріал, що надійшов до ХПК. З результатами досліджень він ознайомив членів XII Археологічного з'їзду в своїй доповіді «Краткий обзор рукописного этнографического материала, доставленного Предварительному комитету по устройству XII Археологического съезда». Матеріалами, що надійшли до ХПК, скористався і Д. І. Багалій при складанні пояснювального тексту до археологічної карти Харківської губернії. Відомості, що стосувалися церковних старожитностей, було оброблено та використано Є. К. Редіним.

Увагу членів ХПК привернули приватні колекції та окремі предмети старовини, власниками яких були місцеві поміщики. Через повітових предводителів дворянства, голів земських управ та земських начальників було налагоджено з ними зв'язки та досягнуто домовленість про надання окремих колекцій та предметів старовини на виставку при з'їзді.

Ще одним важливим напрямком діяльності ХПК було налагодження співпраці з іншими комітетами та комісіями, створеними для підготовки XII Археологічного з'їзду — у Ніжині, Новочеркаську, Катеринодарі, Курську, Полтаві, Воронежі, Катеринославі. Треба відзначити, що більшість комітетів та комісій надали цікавий та змістовний матеріал до ХПК. Він був надрукований у другому томі «Трудов Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902».

Але найголовнішою заслугою ХПК стала організація різних наукових експедицій. Широкомасштабні роботи в цьому напрямку розпочалися в 1900 р. На червень Харківським комітетом було заплановано

проведення розкопок курганів в Старобельському, Куп'янському, Ізюмському, Зміївському повітах. Для їх здійснення в Старобельський та Куп'янський повіти було направлено київську дослідницю К. М. Мельник, приват-доцентів Харківського університету Є. К. Редіна і В. І. Савву, викладача гімназії Є. П. Трифільєва; в Ізюмський повіт — приват-доцента Харківського університету О. М. Покровського та викладача гімназії М. О. Федоровського; для вивчення старожитностей етнографічних і для збирання місцевих експонатів для виставки в Харківський повіт було командировано професора Харківського університету А. М. Краснова, в Ізюмський повіт — приват-доцента О. М. Покровського, у Старобельський — О. П. Радакову, в Охтирський — професора Харківського університету М. Ф. Сумцова зі студентом Карташовим; для дослідження архівів урядових установ та приватних осіб в Харківську губернію було направлено помічника бібліотекаря Харківського університету — Д. П. Міллера, архіваріуса Історичного архіву Харківського історико-філологічного товариства — Є. М. Іванова та викладача гімназії М. М. Плохинського. Ці призначення були розглянуті та схвалені на п'ятому засіданні Харківського Попереднього комітету 25 травня 1900 р. Всім науковцям було видано відкриті листи на проведення запланованих досліджень. Результати проведених наукових експедицій були досить плідними. Про це свідчать звіти їх учасників на шостому, сьомому та восьмому засіданнях Харківського Попереднього комітету.

З новою силою робота наукових експедицій активізувалася в 1901 р. Ще в лютому на десятому засіданні ХПК Д. І. Багалій намітив ряд заходів, направлених на організацію спеціальних відряджень для збирання різних старожитностей. З цією метою на літо 1901 р. були заплановані та проведені експедиції: для вивчення архівів (Є. М. Іванов,

М. М. Плохинський), церковних старожитностей (проф. Є. К. Редін), церковних архівів (проф. А. С. Лебедев), говорів населення Курської губернії та старожитностей (проф. М. Г. Халанський), для збирання предметів для етнографічної виставки (проф. А. М. Краснов, М. Ф. Сумцов, О. М. Покровський та ін.), для здійснення розкопок курганів (О. М. Покровський, Є. П. Трифільєв, М. О. Федоровський, проф. Л. Ю. Шепелевич).

Протягом червня-серпня 1902 р. тривали роботи ХПК по підготовці виставки при з'їзді. Вона складалася з восьми відділів: первісні старожитності, старожитності церковні, історичні старожитності, нумізматичний, етнографічний, картографічний, стародруківаних книг та рукописів. Проблема підготовки та проведення цієї виставки була розглянута нами в окремій статті.

Під час своєї діяльності ХПК розгорнув широку видавничу діяльність. До найбільш значущих видань комітету слід віднести два томи «Трудов Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда». В них було опубліковано найбільш цікаві матеріали, зібрані Харківським комітетом до з'їзду. Важливе значення для фахівців як того, так і нашого часу, мало видання «Каталога выставки XII Археологического съезда в г. Харькове», який включав близько 900 сторінок. Крім того, комітетом було видано «Южно-русский народный орнамент П. Я. Литвиновой» з передмовою проф. Є. К. Редіна та «Атлас Слободско-Украинской губернии 1802 г.». Для зручності гостей ХПК було видано «Справочный указатель», «Иллюстрированный Путеводитель по Харькову».

Таким чином, діяльність Харківського Попереднього комітету слід визнати досить плідною та важливою для дослідження історії Слобідського краю.

Філіппенко Р. І. (Харьков)

ДО ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ Є. К. РЕДИНИМ ІСТОРІЇ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Харківський університет у січні 1905 р. святкував свій столітній ювілей. У 90-х рр. XIX ст. за ініціативи Д. І. Багалія було розпочато збирання матеріалу для бібліографічного словника професорів і викладачів університету.

Не стояв осторонь і Є. К. Редін. До цього періоду належать його статті «Харьков как центр художественного образования юга России», «Харьковская школа изящных искусств» та ін.

В архівних документах збереглися відомості і про активну діяльність Є. К. Редіна в Комітеті редакторів. Ученого цікавили питання, пов'язані з історією заснування окремих кафедр Харківського університету, з організацією наукової роботи

Харківського історико-філологічного товариства, з діяльністю Музею витончених мистецтв та старожитностей університету. Його перу належать численні біографічні статті про професорів і викладачів університету, які були опубліковані в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Харьковского университета». Так, наприклад, 25 листопада 1903 р. було «заслушано сообщение... о поступлении в Комитет автобиографии проф. Редина...», а 12 грудня того ж року — «заслушано сообщение о поступлении в Комитет очерков Историко-филологического О-ства, составленного проф. Е. К. Рединым». Єгором Кузьмичем зібрано матеріали з історії кафедри теорії та історії мис-

тецтв, написаний нарис про Музей витончених мистецтв та старожитностей Харківського університету, а також роботу, у якій описано біографію всіх учителів «приятних мистецтв», музики та викладачів кафедри архітектури. До праць, присвячених історії університету, треба віднести й роботи у яких вивчалися життя та діяльність А. М. Матушинського, І. Є. Бецького і А. М. Алфьорова, численні некрологи й біографічні нариси.

Є. К. Редін склав бібліографію своїх робіт, яка була прикладена до біографії вченого в книзі «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905): История. Биографический словарь профессоров и преподавателей». До списку увійшли відомості про 96 робіт, які укладач систематизував за такими розділами: історія давньохристиянського й візантійського мистецтв та археологія, історія давньоруського мистецтва та археологія, історія рідного

краю й Харківського університету, некрологи та біографічні нариси, критичні статті й рецензії.

Безумовно, таку роботу можна було б виконати лише в архіві університету, де Є. К. Редін провів чимало часу.

Для розгляду питань, пов'язаних з підготовкою майбутнього ювілею, у 1902 р. була створена комісія з 12 осіб, по 3 від кожного факультету. До складу комісії від історико-філологічного факультету увійшли Є. К. Редін, М. Ф. Сумцов і Г. Ф. Шульц. Таким чином, учений зробив значущий вклад у вивчення історії Харківського університету.

Результати науково-дослідної діяльності істориків Харківського університету дорадянського періоду великі й багатогранні, діапазон їхніх наукових інтересів надзвичайно широкий, писалось в одній із статей. Безумовно, великий внесок у цю роботу учених університету було зроблено й професором Є. К. Редіним.

Фролов С. В. (Харків)

ІСТОРИЧНА НАУКА У м. ХАРКОВІ (1945–1955 рр.)

Перші повоєнні роки були важливим етапом в організаційному відродженні історичної науки в Україні, і Харкові зокрема. Часом збирання і накопичення сил стало це десятиліття.

Після визволення м. Харкова почалася реевакуація і відновлення роботи вищих навчальних закладів, яким одразу довелося зіткнутися з багатьма труднощами. Більшість вузів зазнали шкоди під час німецько-фашистської окупації, мали дуже слабку матеріально-технічну базу. Не вистачало навчальних і виробничих приміщень, меблів, навчального приладдя тощо. Аудиторії часто не опалювалися, нерегулярним було освітлення і водопостачання. Студентські гуртожитки не вмщували всіх, хто їх потребував. Багато викладачів і співробітників вузів не мали свого житла. Гостру потребу вузи відчували й у навчальній методичній літературі. Не вистачало підручників по спеціальних і суспільних дисциплінах. Так, якщо у 1940 р. книжковий фонд ХДУ перевищував 1,5 млн томів, то у першому післявоєнному навчальному році він складав лише 400 тис. книг. Не кращими були справи й в інших вузах Харкова.

Історична наука в Харкові на той час була представлена історичними факультетами ХДУ ім. О. М. Горького, ХДПІ ім. Г. С. Сковороди, Харківським учительським інститутом, а також кафедрами марксизму-ленінізму.

У перші післявоєнні роки у вузах Харкова не вистачало досвідчених науково-педагогічних кадрів. На 1 січня 1945 р. у 27 вузах міста не вистачало 210 викладачів. Особливо гостро нестача відчувалась у викладачах історії СРСР і УРСР, іноземних мов, української мови, української і російської літе-

ратури. Небагато було викладачів, які мали наукові ступені і звання. У 1948 р. на 190 викладачів кафедр суспільних наук м. Харкова припадало тільки 37 кандидатів і 1 доктор наук. Із 160 викладачів кафедр марксизму-ленінізму науковий ступінь кандидата наук мали 16 осіб.

Однак протягом першого післявоєнного десятиліття вузи м. Харкова зуміли відновити матеріально-технічну базу, налагодити навчально-методичну і наукову роботу. З року в рік збільшувалися асигнування на потреби вищої школи, що незабаром позначилося на підйомі вітчизняної науки і освіти. У цей час Харків був одним із найкрупніших наукових і культурних центрів країни. Так, у 1945 р. у місті нараховувалося 27 вузів, у 1955 р., внаслідок різного роду реорганізацій, їх залишилося 24.

Розвиток історичної науки в Харкові, як і в цілому в країні, у перше післявоєнне десятиліття проходив неоднозначно. Офіційні установки на односторонність негативно вплинули на творчі задумки і долі багатьох вчених, і історики тут не виняток. Говорячи про розвиток історичної науки в 1945–1955 рр., необхідно пам'ятати, що на цей період часу припав апофеоз культу особи Й. В. Сталіна, що наклав серйозний відбиток на всі сторони життя науки. Саме на ці роки припадає і посилення адміністративно-командних методів керівництва наукою, активізуються репресивні заходи щодо представників інтелігенції, їх звинувачування у націоналізмі та космополітизмі. Проте все це не змогло зупинити поступового розвитку історичної науки.

Харківські історики займалися численними й різноманітними за своєю тематикою науковими дослідженнями як у галузі вітчизняної, так і в га-

лузі зарубіжної історії. Ці дослідження, що проводилися в загальному руслі розвитку всієї радянської історичної науки, являли помітний внесок у радянську історіографію.

У перше повоєнне десятиліття спостерігався перехід від невеликих окремих досліджень, статей і повідомлень до розробки крупних монографічних праць узагальнюючого характеру. Поява таких фундаментальних праць свідчила про накопичення і дослідження вченими великого конкретно-історичного матеріалу, а також про зміни, які сталися в історичній науці.

У перші післявоєнні роки було створено сприятливу атмосферу для широкого залучення студентської молоді в наукове життя історичних факультетів і кафедр. Серед випускників історичних факультетів першого післявоєнного десятиліття були видатні вчені, доктори наук, керівники кафедр, вузів та інших установ: В. І. Астахов, Л. М. Баткін,

Ю. Ю. Кондуфор, І. К. Рибалка, В. Г. Сарбей, П. С. Сахань, Ю. А. Склярів, Б. А. Шрамко та ін.

Центром наукового життя міста по праву можна було вважати Харківський державний університет ім. О. М. Горького. На його історичному факультеті проводилися фундаментальні дослідження. Тут сформувалися наукові школи і напрями, що охоплювали всі етапи історичного розвитку людства. У період часу, що розглядається, на історичному факультеті працювали відомі вчені: проф. К. Е. Гриневич, доц. С. М. Королівський, проф. С. А. Семенов-Зусер, проф. А. П. Ковалевський, проф. М. М. Пакуль, проф. А. Д. Скаба та ін. Вони та їх колеги на високому науковому рівні забезпечували підготовку майбутніх вчених-істориків.

Таким чином, не дивлячись на певні негативні моменти, успіхи, досягнуті харківськими істориками у галузі історичних досліджень, збагатили історичну науку новими концептуальними положеннями і фактичними даними.

Хвостенко О. Н. (Краснодар)

УКРАИНА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКОФИЯ ПЕТРОВИЧА КОРОЛЕНКО

Ярким представителем первых кубанских историков-любителей был Прокофий Петрович Короленко (1834–1913) — казачий историк и архивист, тесно связанный с историей и культурой Украины. Предки его — дед и прадед жили на Полтавщине. Его отец поселился в Кисляковском куренном селении Черноморского казачьего войска селении в 1808 г. Систематического образования будущий историк не получил. Воспитывался при доме родителей. Помня о своем происхождении, Короленко создавал немало произведений на украинском языке («Чернец Лаврин, або хуторські беседи» и др.).

Поездки по местам волновавших Прокофия Петровича исторических событий, многолетняя работа в архивах Екатеринодара, Одессы, Киева, Харькова и других городов превратили П. П. Короленко в авторитетного казачьего историка, помогли преодолеть малообразованность. П. П. Короленко продолжал свое самообразование путем упорного труда. Прокофий Петрович кропотливо собирал материалы для задуманной им книги о черноморском казачестве. Полностью работа «Черноморцы», с приложением документов и с оригинальной картой «Земли войска Черноморского», составленной в 1846 г., вышла из печати в 1874 г. в Петербурге. Военно-Ученый комитет все расходы по изданию труда талантливого историка Кубани взял на себя, став его издателем. Вышеназванное исследование П. П. Короленко представляет исторический труд, написанный на основании как печатных, так и архивных материалов. Особая ценность книги в том, что она передает исторические данные в своей первичной форме. «Черноморцы» были высоко оценены

на Кубани и в Петербурге. Сам Прокофий Петрович пишет так: «За сочинение «Черноморцы» дали мне хороший письменный отзыв Военно-Ученый Комитет». Несомненно, эта книга представляет большой интерес для истории Украины.

В 1885 г. историк едет в Харьков, где около двух лет занимался поиском и изучением исторических материалов из Харьковского исторического архива и Университетской библиотеки на русском и польском языках. Там П. П. Короленко был избран членом Харьковского исторического общества, заседания которого он постоянно посещал. В 1892 г. в сборнике Харьковского историко-филологического общества при Харьковском университете была опубликована его статья «Черноморские заговоры». Работа представляет собой этнографический очерк, посвященный молитвенным заговорам, какие употреблялись казаками во время военных действий: для сохранения жизни от огнестрельного и холодного оружия. Историк вольно или невольно опирается в своих работах на важнейшие принципы исторического познания — историзм и объективность. П. П. Короленко стремился к пониманию «духа эпохи», пытался вникнуть в психологические особенности современников событий. Историк не делал попыток подводить под изучаемые факты «идейную подкладку». Итоги своих исследований он сообщал в объективной логической форме, не оправдывая или порицая событие соображениями неких «объективных обстоятельств».

Изучая результаты археологических раскопок на Тамани, Прокофий Петрович все больше убеждался в том, что Кубань тесно связывала общая, многовеко-

вая история с Крымом. Работая в должности войскового архивариуса, П. П. Короленко собрал и описал множество документов конца XVIII–начала XIX вв., когда Черноморское казачье войско находилось в ведении Таврического губернского управления. Здесь же ему попадались материалы по истории Крыма. В 1896 г. он предпринял попытку завязать деловые связи с Таврической Ученой Архивной Комиссией (ТУАК). Письмо с уведомлением о некоторых итогах исследований кубанского историка, а также с предложением о сотрудничестве было доложено на заседании комиссии 4 октября, и П. П. Короленко был избран в члены ТУАК. В опубликованных тезисах С.Б. Филимонова содержится обзор материалов о сотрудничестве Короленко с этим научным обществом за 1896–1913 гг. В «Известиях ТУАК» в 1899 г., были напечатаны три статьи историка: «Суконная фабрика Черноморского казачьего войска», «Овчарный завод Черноморского казачьего войска» и «Конный завод Черноморского казачьего войска». Все три публикации были объединены под общим заголовком «Войсковые фабрики и заводы Черноморского казачьего войска». В 1903 г. в «Известиях ТУАК» напечатана статья П. П. Короленко «К истории Кубанского войска: Документы Кубанского войскового архива, касающиеся деятельности правителя Таврической области Жегулина». В войсковом архиве Короленко П. П. нашел очень важный исторический документ «Мани-

фест Императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубанской земли». Документ этот он отправил в письме, с препровождением для напечатания в «Известиях». Комиссия постановила: «Ввиду затруднительности отыскания этого важного памятника истории Крыма в официальных и ученых изданиях, напечатать его в «Известиях» Комиссии, что и было сделано в 1908 г.

В историко-литературной деятельности Короленко содружество с ТУАК продолжалось 14 лет (1896–1909). Кубанский историк, краевед, архивист подготовил к изданию семь сообщений, из которых шесть были напечатаны в «Известиях» ТУАК.

Прокофий Петрович был краеведом в самом широком смысле этого слова, постоянно работающим над изучением исторического прошлого края. В 1910 г. умерла его жена и 42-летний сын. Это окончательно подорвало его силы. Он ослеп. Он умер 6 февраля 1913 г. в Ставрополе, где жил в семье старшей дочери Евдокии Белой — известной украинской поэтессы.

11 декабря 1913 г. на заседании ТУАК был заслушан некролог П. П. Короленко. Как отмечено в протоколе, «председатель комиссии А. И. Маркевич сообщил о кончине члена комиссии П. П. Короленко и в кратких словах указал на его труды по истории Юга России, имея в виду Кубань и Украину». В дальнейшем наследие П. П. Короленко еще предстоит изучить.

Шаманаев А. В. (Екатеринбург)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ НА XII АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ В ХАРЬКОВЕ

В августе 1902 г. в Харькове состоялся очередной XII Всероссийский археологический съезд. Он был организован совместными усилиями прежде всего Московского археологического общества и Харьковского университета. В работе съезда приняли участие 402 депутата, было прочитано 106 докладов, проведены 2 экскурсии по археологическим памятникам, организована археолого-этнографическая выставка. Результаты деятельности этого форума высоко оценили уже современники. В последние годы интерес к трудам XII Археологического съезда нашел отражение в серии публикаций.

Большой интерес к работе съезда проявили члены Одесского общества истории и древностей, одного из старейших историко-археологических обществ в России (создано в 1839 г.).

Уже в 1900 г. в состав Московского предварительного комитета вошли представители Общества — А. А. Кочубинский, И. А. Линниченко, А. И. Маркевич, Э. Р. фон-Штерн. Для подготовки съезда было создано отделение предварительного комитета в Одессе, в состав которого вошли члены ООИД и Историко-филологического общества при Новороссийском университете. По

поручению Предварительного комитета съезда Э. Р. фон-Штерн в апреле 1902 г. произвел раскопки памятника трипольской культуры возле с. Петрены (Белецкий уезд, Бессарабская губ.).

В дни работы съезда (15–17 августа) Одессу представляли 11 человек от трех организаций: Одесского общества истории и древностей (8 депутатов), Новороссийского университета (6) и Историко-филологического общества, существовавшего при нем (4). Разница в цифрах связана с тем, что только 5 человек представляли какое-то одно учреждение, другие 5 — два, а Э. Р. фон-Штерн — все три. От ООИД на съезде присутствовали П. А. Иванов, А. А. Кочубинский, А. И. Линниченко, А. В. Лонгинов, А. И. Маркевич, П. А. Маврогордато, В. Н. Мочульский, Э. Р. фон-Штерн.

Эрнст Романович фон-Штерн (1859–1924) с 1884 г. — приват-доцент, а с 1886 г. — профессор по кафедре классической филологии Новороссийского университета. В 1891 г. он был избран действительным членом ООИД и с этого времени стал одним из наиболее активных его деятелей до отъезда в Германию в 1911 г. В 1902 г. Э. Р. фон-Штерн исполнял обязанности председателя совета ООИД,

члена издательского комитета и хранителя музея Общества. В дни работы съезда он возглавлял работу секции «Древности классические, византийские, восточные и западноевропейские». Кроме того, на заседании секции «Древности первобытные» он представил доклад, посвященный его раскопкам трипольского поселения в Бессарабии. Доклад вызвал оживленную дискуссию, которая нашла отражение даже в речи П. С. Уваровой на закрытии съезда. Одним из принципиальных положений Э. Р. фон-Штерна было отрицание связи населения трипольской культуры со славянским этносом.

Активное участие в работе съезда принял Алексей Иванович Маркевич (1847–1903) — с 1879 г. приват-доцент, а в 1888–1895 гг. — профессор Новороссийского университета. А. И. Маркевич активно участвовал в работе ООИД, состоял секретарем Общества (с 1899 г.) и членом издательского комитета, неоднократно принимал участие в работе Археологических съездов. На XII съезде, он возглавлял работу 3 заседаний, прочитал доклад. Интересно отметить, что, открывая работу заседания этнографической секции в качестве почетного председателя, он отметил большое влияние Харьковского университета на становление и развитие научных исследований и образования в Одессе. Доклад А. И. Маркевича «О бывшей Хотинской крепости» (на той же секции) представлял результаты изучения памятника автором и А. А. Кочубинским по заданию ООИД. Кроме того, докладчик обратился к вопросам организации охраны памятников и опыту Одесского общества по сохранению древних сооружений.

В протоколах заседаний съезда зафиксировано участие в качестве докладчика члена ООИД, филолога, профессора Новороссийского университета по кафедре русского языка Василия Николаевича Мочульского. Свой доклад «Смерть казака по малороссийским песням и думам» он представил на

заседании этнографической секции («Древности историко-географические и этнографические»). Следует отметить, что этнографическая тематика была одной из наиболее популярных на XII съезде (22 доклада из 106 представленных). На одном из заседаний этой секции В. Н. Мочульский исполнял обязанности почетного председателя. Вероятно, он имел тесные связи с учеными Харькова, поскольку в 1889 г. защитил докторскую диссертацию в Харьковском университете.

В качестве почетных председателей заседаний секции «Древности славянские» отмечено участие в работе съезда членов ООИД А. А. Кочубинского и И. А. Линниченко.

Иван Андреевич Линниченко (1857–1926) — профессор русской истории Новороссийского университета (с 1896 г.), член-корреспондент Академии наук, занимался преимущественно средневековой историей Юго-западной Руси. В ООИД входил в состав издательского комитета, неоднократно печатался в «Записках» Общества (в том числе статьи по первобытной археологии).

Александр Александрович Кочубинский (1845–1907) — славист, профессор Новороссийского университета по кафедре славяноведения. В «Записках Одесского общества истории и древностей» были опубликованы его статьи и заметки по изучению Аккерманской крепости.

Участие в качестве докладчиков или организаторов работы секций других депутатов Одесского общества в протоколах заседаний съезда не отмечено (П. А. Иванова, А. В. Лонгинова — члена совета Общества, П. А. Маврогордато — казначей ООИД с 1899 г.). Действительными членами ООИД были А. А. Павловский и Х. П. Ящуржинский, которые не вошли в состав делегации Общества. Кроме того, почетным членом ООИД была графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924) — председатель съезда и Московского археологического общества.

Шульга И. И. (Саратов)

ЭЛЬТОНСКИЕ ЧУМАКИ

В 1747 г. на оз. Эльтон было положено начало государственному соляному промыслу. На призыв сенатского указа вывозить с озера соль одними из первых откликнулись украинцы-чумаки из Слободской Украины. Из года в год количество желающих возить эльтонскую соль неуклонно росло. Однако по истечению непродолжительного периода времени украинские чумаки практически вытеснили великороссийских крестьян из столь выгодного и доходного предприятия. Пользуясь особыми условиями, которые распространялись на малороссию и получая от перевозки соли ощутимую выгоду,

тысячи чумаков со своими семьями стали селиться в Саратовском Поволжье.

К концу 60-х гг. XVIII в. вдоль дорог от Эльтона до Саратова и Камышина и далее по дорогам к Воронежу и Тамбову возникло более 100 украинских хуторов и слобод. По данным третьей ревизии, в 1762 г., в Саратовской губернии проживало 3428 украинцев-чумаков. Спустя двадцать лет количество чумаков возросло до 9674 человек.

Расстояние от Эльтонского озера до камышинских соляных магазинов составляло 127 верст. Весь камышинский тракт был разбит на 12 станций, или,

как их называли чумаки, «уповоды». Весь путь от озера к камышинским магазинам составлял шесть дней, а в хорошее осеннее время — пять с половиной дней. Для вывоза в камышинские «луговые» магазины были приписаны чумаки из украинских слобод и сел: Николаевская, Котово, Самойловка, Владимировка, Рахинка, а также частично чумаки из слобод Покровской, Узморье, Порубежка, Пестравка.

Путь от Саратова к Эльтонскому озеру был почти в два раза длиннее камышинского и составлял 274 версты. Чумаки из слобод: Покровской, Узморье, Порубежка, Пестравка и других возили соль в саратовские соляные магазины.

Экономическая выгода украинских чумаков заключалась в перепродаже возимого ими товара поставщикам, которые далее развозили соль по российским губерниям. Для выпаса волов вдоль соляных трактов была намежевана сорокаверстная полоса земли. Всем, кто нарушал границы межевых полос, грозило суровое наказание.

Ежегодно вывоз соли увеличивался, в 1747 г. за одну поездку в августе-сентябре чумаками с озера было доставлено 13 275 пудов соли, в 1751 г. — 3 253 759 пудов. В последующие годы добыча соли составляла до 6,5–7 млн пудов. Эльтонский соляной промысел приобрел всероссийское значение. Он давал две трети добываемой в государстве соли. В 60–70-е гг. XIX в. эльтонской солью снабжались шестнадцать губерний России. Из саратовских магазинов соль переправлялась в Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии, из камышинских — в Костромскую, Ярославскую, Владимирскую, Нижегородскую, Саратовскую, Симбирскую, Казанскую и другие губернии.

В 1759 г. царское правительство решило положить конец свободной продаже соли в Малороссии и Слободской Украине. С 1761 г. в Глухове, Харькове, Гадяче, Ахтырке, Ромнах, Сумах соль должна была продаваться по государственным ценам. Доставлять соль обязаны были все те же украинцы-чумаки. От этой операции правительство надеялось ежегодно получать 568 497 рублей чистого дохода. Однако этим планам не суждено было сбыться. Хотя в конце 60-х гг. XVIII в. эльтонская соль, в качестве резервной, стала поступать для *вольной* продажи в Малороссию, Новороссийскую, Киевскую и Слободско-Украинскую губернии.

В начале 90-х гг. XVIII в. государство решило все этапы добычи и транспортировки эльтонской соли взять под свой контроль. В 1792 г. Указом Правительствующего Сената эльтонские чумаки были сделаны казенными солевозчиками и оказывались в полной зависимости от чиновников соляной конторы. Спустя пять лет в надежде, что чумаки будут более охотно заниматься извозом соли, правительство решило облегчить солевозчикам налоговое бремя, освободить их от рекрутской повинности и наделить каждого по 15 десятин земли.

Рентабельность эльтонских промыслов для правительства было столь существенной, что в начале 1800-х гг. казна стала предпринимать различные попытки для увеличения ежегодной добычи соли. Предлагалось увеличить добычу соли с 7 млн пудов до 12 млн пудов. В 1804 г. для выработки конкретных предложений по увеличению соледобычи казной была создана специальная «Экспедиция об усовершенствовании Эльтонской соляной операции».

Как было установлено экспедицией, основной проблемой, мешавшей добывать ежегодно 12 млн пудов соли, был недостаток чумаков, а уже имеющиеся чумаки не желали заниматься ставшими к тому времени малоприбыльным ремеслом.

24 февраля 1804 г. министр Внутренних дел докладывал царю о проблемах снабжения российских губерний солью. По окончании доклада царь повелел приписанным к казне чумакам заниматься только извозом соли и запретить занятия земледелием и другими ремеслами. Для увеличения численности чумаков казна выкупила у Нарышкиных два села, Красный Яр и Песчанку, заселенные украинцами, на которых и возложила дополнительный вывоз, еще 1 млн пудов соли, что по подсчетам казны позволяло увеличить вывоз соли до 8 млн пудов. За вывоз соли сверх нормы к саратовским магазинам чумакам казна доплачивала по 2 копейки с пуда, к камышинским — 1 копейку с пуда. Однако такая цена была недостаточной и не окупала затрат возчиков на содержание волов и необходимого инвентаря. Простой подсчет показывал, что вывоз соли из озера приносил камышинским чумакам убыток в сумме 24 рубля 66,25 коп., а саратовским — 29 рублей 56,25 копеек. Заниматься хлебопашеством оказывалось гораздо выгоднее, чем возить соль.

Но запретительные действия правительства не возымели успеха, и уже спустя год казна решилась на неприятный для себя шаг и значительно увеличила плату и выдала чумакам кредиты для закупки волов и инвентаря. Только после этого предпринятые правительством меры позволили увеличить ежегодную добычу эльтонской соли до 10 млн пудов. Эти объемы сохранялись до 1815 года. В последующие годы разработка и поставка соли уменьшились: за 1821–1830 гг. на оба перевалочные пункта было доставлено всего 20 млн пудов. Это объясняется тем, что из числа потребителей выбыли Нижегородская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии, перешедшие на более дешевую крымскую и пермскую соль.

В 1828 г. на основании сенатского указа эльтонских чумаков перевели в категорию государственных крестьян. Этим же Указом чумакам была установлена фиксированная плата за извоз соли. За доставку соли в саратовские магазины государство платило чумакам по 10 коп. с каждого пуда, в камышинские — 6 коп.

О том, насколько важны были для казны эльтонские чумаки, говорит цифра чистой прибыли, полученной казной от соляных операций в 1834 г. Она составила 2 440 238 рублей, а солевозам за поставку соли и на расходы, связанные с заготовкой и продажей ее, было уплачено только 156 238 руб. 13 коп., то есть всего 6 процентов от валовой выручки.

В 1850 г. солевозный тракт от Эльтона до слободы Покровской был закрыт, надобность в чумаках отпала. Через некоторое время был закрыт и соляной тракт до г. Камышина. С прокладкой железной дороги к озеру Баскунчак в 1880 г. разработки эльтонской соли прекратились, так как она уже не могла конкурировать с более дешевой баскунчакской солью.

Эпштейн А. И. (Харьков)

ХАРЬКОВ — ЛЮБИМЫЙ ГОРОД (КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ)

Нашему родному Харькову — 350 лет. Мы любим его не только в силу естественной привязанности любого человека к родному городу. Но и потому, что это — уникальный город. Харьков обладает особой аурой. Он возник как город инициативных и энергичных людей. Это было время жестокой войны. Но ленивые и равнодушные люди как-то приспособивались ко всем ужасам и не двигались с места. Тысячи казаков, крестьян, мещан, представителей мелкой православной шляхты становились под знамена Богдана Хмельницкого. Другие грузили семью и имущество на возы и подавались за тысячи верст искать лучшей доли.

Так и возник Харьков, а вместе с ним и вся Слобожанщина как торгово-ремесленный регион. Это подтверждается и топонимикой города — улицы Коцарская, Кузнечная, Рымарская, Чеботарская, переулки Кузнечный, Столярный, Шляпный, пригород Гончаровка. В XVIII в. в Харькове появились мануфактуры, в XIX — начале XX вв. здесь развернулась промышленная революция. Мануфактура превращается в фабрику.

Харьков в связи с этим становится индустриальной столицей Украины. Вместе с тем он становится крупнейшим центром деловой жизни. Благодаря А. К. Алчевскому здесь возникли крупнейшие в Украине частные банки. Здесь работал Совет съездов горнопромышленников Юга, помещалась контора крупнейшего в Российской империи и, кстати, первого в промышленности синдиката — Продамет. Харьковские страховые общества «Саламандра», «Россия» обслуживали значительную часть Украины и соседние российские губернии — Курскую, Тамбовскую, Воронежскую, область Войска Донского. Интересно отметить: в страховой кампании «Саламандра» весь этот обшир-

Подводя итог, можно сказать, что переселившиеся в 40–50-х гг. XVIII в. чумаки из Слободской Украины сыграли одну из ключевых ролей в освоении Эльтонского соляного промысла и, по сути, стали монополистами в сфере транспортировки добытой соли в камышинские и саратовские запасные магазины. Эльтонский промысел имел важное экономическое значение для российского государства — 2/3 используемой соли было эльтонской. В то же время переселение украинских чумаков из Слободской Украины вписало свою яркую страницу в историческую летопись колонизации Нижнего Поволжья. Трудовая специализация нижеволжских чумаков определила их особое положение в структуре российского крепостничества.

ный регион обслуживало всего 12 человек. В Харькове работала первая в Украине специализированная биржа — каменноугольная и железо-торговая.

В 20–30-х годах XX ст. промышленная революция полностью завершилась. Украина превратилась в индустриальную страну, а Харьков стал ее промышленным центром. К старым отраслям прибавились авиационная и тракторная промышленность, станкостроение, турбиностроение и многое другое.

Вместе с тем, благодаря В. Н. Каразину, Харьков в XIX в. превратился в интеллектуальную столицу Украины. Он — крупнейший вузовский город, центр науки, культуры, искусства, спорта. Харьков — город мужества. В свое время боевой славой покрыли себя харьковские казачьи полки, прославились харьковчане и в войнах империи. В 1918–1920 гг. от харьковчан потребовалось мужество особого рода. Власть в Харькове менялась восемь раз. И каждая приходила со своими законами, своей валютой, своей контрразведкой. Но Харьков выстоял, выжил.

В годы Отечественной войны харьковчане приумножили свою боевую славу. Ни за один город не было проведено столько фронтовых операций: оборонительные бои 1941 г., Изюм-Барвенковская операция 1942 г., освобождение Харькова в феврале 1943 г. и сдача его в марте, наконец, 23 августа 1943 г. — окончательное освобождение нашего города. Харьковчане воевали на всех фронтах, но везде они помнили о родном городе и боролись за его освобождение.

Харькову пришлось дважды восстанавливаться. Сегодня он успешно решает новые проблемы. Нет такой сферы жизни — от освоения космоса до водоотталкивающего шифера, от атомной энергетики до театрального искусства, куда харьковчане не внесли бы свой вклад.

РОСІЙСЬКА ІМПЕРСЬКА ІНТЕГРАЦІЙНА ПОЛІТИКА І СЛОБІДСЬКЕ КОЗАЦТВО В ХVІІІ ст.: ЕТАПИ ТА ПЕРЕБІГ

В історії усіх регіонів козацької України ХVІІІ ст. відзначалось як доба остаточної втрати державності та інкорпорації до складу новопосталої Російської імперії. Даний процес супроводжувався не лише ліквідацією інституціональної та правової особливості земель Гетьманщини, Війська Запорозького низового та слобідських полків, а й інтеграцією їх населення до нового загальноімперського соціуму. Одному з компонентів даного інтеграційного процесу, а саме включенню слобідського козацтва до нової загальноімперської соціальної політичної спільноти ми б ї хотіли приділити увагу.

Одразу зазначимо: під політикою інтеграційних звершень нами розуміється комплекс заходів, здійснюваних імперською владою щодо слобідського козацтва, що були спрямовані на нівелювання станового відособлення козаків. Вони передбачали позбавлення козацтва економічного, адміністративного та судового імунітету та ліквідації його окремої мілітарної організації, що виступала головною запорукою існування козацтва як окремого стану людей «військових».

В історіографії інтеграційна політика російського уряду щодо слобідського козацтва у ХVІІІ ст. не знайшла належного висвітлення. Зосереджуючи свою увагу переважно на соціально-політичних аспектах життя козацтва та участі слобідських козацьких полків в імперських війнах історики, — Є. Альбовський, М. Гербель, П. Головинський, Д. Багалій, А. Слюсарський — торкалися проблеми інтеграційних перетворень побіжно, переважно у контексті інкорпорації Слобідської України Російською імперією.

Початок інтеграційних перетворень відбувається за доби царювання Петра I (1689–1725 рр.) і в часі збігається із вступом Московії у Велику Північну війну 1700–1721 рр. Як відомо, війна стає каталізатором перманентної модернізації Московської держави. Внаслідок здійснюваних Петром радикальних реформ відбувається трансформація царства Московського у вестерізовану Російську імперію. У процесі будівництва «регулярної», добре керованої держави цар-реформатор здійснює не лише ломку старих державних інституцій, але також започатковує злам старих соціальних відносин. Створюється нова позірно вестерізована соціальна спільнота. У процесі проведення даної політики царський уряд розповсюджує нововведення не лише на власних великоросійських підданих, а й на населення автономних державних утворень, що перебували в політичній залежності від Москви з другої половини ХVІІ ст.

Не оминула ця доля і слобідських козаків. Першим кроком у напрямку інтеграційної політики

в слобідських полках було підпорядкування імперським урядом своїм потребам мілітарної організації слобідського козацтва. Як відомо, процес реформування армії був одним з ключових моментів петровської модернізації Росії. Творячи регулярну армію, цар знищував не лише традиційну систему комплектування, що базувалась на військово-помісній системі, він руйнував вже існуючі соціальні устої в суспільстві взагалі та традиційні взаємовідносини козацьких спільнот з царським урядом зокрема. Відтак, головними напрямками інтеграційної політики на Слобожанщині є залучення козацтва до участі в імперських війнах далеко за межами слобідських полків та участь у будівельних роботах загальноросійського призначення; розповсюдження на мілітарну організацію козаків підзвітності імперським військовим установам (Приказ Великої Росії, Українська дивізія, Військова колегія); нівелювання економічних, політичних та судових козацьких привілеїв через розміщення з 1710 р. у «полках» російської військової залоги та розповсюдження на козаків у справах адміністративних і судових підзвітності російським установам — Українській дивізії, а з 20-х рр. ХVІІІ ст. — ще й Білгородській губернській канцелярії. Слід також згадати царські заходи з наближення устрою козацьких полків до регулярних російських частин і плани петровських урядовців щодо створення з слобідських козаків окремого «кумпанського» полку. Дані заходи знаменують собою перший стан інтеграційної політики на Слобожанщині.

Призупинена зі смертю Петра I у кінці 20-х рр. ХVІІІ ст. ця політика була продовжена Анною Іоанівною у 30-х рр. ХVІІІ ст. Доба її царювання є другим етапом інтеграційних звершень. Наслідуючи своєму попередникові, Анна Іоанівна посилила підзвітність козацтва імперським установам, позбавила козаків права «займанщини», перетворила їх на податний стан та запровадила у слобідських полках формування з числа козаків регулярних військових частин.

Наслідком нововведень було значне зuboжіння представників козацького стану Слобожанщини та намагання їх ухилитись від виконання покладених на них повинностей через перехід на становище підданих до державців і втеч на Дон і на Волгу.

У 40-х рр. ХVІІІ ст. нова імператриця Єлизавета Петрівна скасувала (хоч і не повністю) нововведення своєї попередниці, чим знов призупинила інтеграційні перетворення. Проте в її добу імперський уряд зовсім не полишав інтеграційних проектів. Свідченням чого служить заборона за її царювання переходів козацтва з полку в полк (кінець 40-х рр.)

та залучення слобідських полків до участі в Семилітній війні.

За правління Катерини II починається третій і останній етап інтеграційних перетворень. Скориставшись занепадом, що царював у слобідських полках і був зумовлений інкорпораційно-інтеграційною політикою російських царів, нова імператриця скасувала у 1765 р. автономію Слобідської

України, перетворивши територію слобідських полків на складову частину імперії — Слобідсько-Українську губернію. У процесі вищезгаданих перетворень слобідське козацтво, позбувшись усіх привілеїв, було перетворене на одну з категорій державних селян, військових обивателів, і у такий спосіб включене до загальноімперського соціуму.

Ячменихин К. М. (Чернигов)

СЛОБОДСКО-УКРАИНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ в первой половине XIX в.

После окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов перед правительством России встала задача содержания значительных вооруженных сил при сохранении старой системы их комплектования путем рекрутских наборов, а также значительного сокращения затрат на финансирование армии. По предложению Александра I с этой целью в 1816 г. началось массовое поселение армии: пехоты в районе Новгорода и кавалерии на Украине.

Во второй половине 1817 г. стали создаваться округа поселений 3-й (переименованной позже во 2-ю) уланской дивизии в Змиевском, Волчанском и Изюмском уездах Слободско-Украинской губ. в составе четырех полков. Командиром дивизии был назначен ген.-лейт. Г. И. Лисаневич, впоследствии отличившийся жестоким подавлением восстания Чугуевского уланского полка в 1819 г. При организации кавалерийских округов А. А. Аракчев предложил использовать те же методы и формы, которые были приняты в округах пехоты. В этом вопросе он нашел серьезного оппонента в лице ген.-майора И. О. Витта, которому была поручена организация поселений кавалерии в Херсонской губ. В конфликт вмешался император, и Витту было разрешено не только представлять замечания по поводу проектов поселения кавалерии, но и входить с подобными представлениями непосредственно к императору.

Поселенный кавалерийский полк включал 6 действующих, 3 поселенных и 3 резервных эскадрона. В трех поселенных эскадронах по штатному расписанию числилось 573 поселенника-хозяина (в каждом — по 191), такое же количество помощников хозяев числилось в резервных эскадронах. Поселенные и резервные эскадроны принимали на постой 6 действующих, и, таким образом, каждое поселенское хозяйство, включавшее поселенника-хозяина и его помощника, должно было обеспечивать продовольствием и фуражом двух солдат и их лошадей из действующих эскадронов. Поселенные и резервные эскадроны были сформированы преимущественно из местных жителей, что позволило значительно ускорить перевод кавалерийского пол-

ка на самообеспечение, поскольку его хозяйственная база переходила в войска в готовом виде.

В феврале 1825 г. был подписан указ о поселении 2-й кирасирской дивизии в Купянском, Изюмском (Слободско-Украинская губ.) и Старобельском (Воронежская губ.) уездах. Для удобства формирования округов этой дивизии Старобельский уезд был передан в состав Слободско-Украинской губ. Ближайшее расстояние до округов 2-й уланской дивизии составляло 50 верст. В данном случае не удалось создать относительно компактное поселение дивизии.

С воцарением Николая I было решено радикально преобразовать военные поселения. Основные положения реформы сводились к следующим моментам: строевой состав поселенных и действующих подразделений уравнивался в численном отношении за счет удвоения численности поселен-хозяев. Поселяне-хозяева и их помощники освобождались от строевой службы, и каждое хозяйство теперь должно было содержать одного постояльца из действующих эскадронов.

В ноябре 1828 г. было высочайше утверждено «Положение» о новом устройстве поселений 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизий. Поскольку в районе поселения 2-й уланской дивизии испытывался дефицит государственных земель, было принято решение на базе четырех полков — Белгородского, Чугуевского, Борисоглебского и Серпуховского — образовать округ первых трех с присоединением к первому ряду поселений Волчанского уезда, а округ Серпуховского полка образовать заново. Его территория располагалась по правому берегу р. Донца в непосредственной близости от округа Борисоглебского полка. В состав округа вошли государственные селения Змиевского и Изюмского уездов, в т. ч. и с. Шебелинка, где в 1829 г. произошло восстание крестьян, протестовавших против перевода их в военное поселение. В 1830 г. к округу Серпуховского полка отошел еще целый ряд селений по левому берегу р. Донца. В марте 1830 г. селения, где располагались полковые штабы этой дивизии, получили новые названия: слобо-

да Печенега была переименована в Новый Белгород, слобода Андреевка — в Новый Борисоглебск, слобода Балаклея — в Новый Серпухов.

В ноябре 1828 г. новое устройство получили округа 2-й кирасирской дивизии. На базе полков Екатеринославского, Глуховского (переименован в полк великого князя Михаила Павловича), Астраханского и Псковского были образованы новые округа первых трех с присоединением к ним ряда государственных селений Купянского и Старобельского уездов. Округ Псковского полка был создан

заново по обеим берегам р. Айдара, выше г. Старобельска Селения, где располагались полковые штабы, были соответственно переименованы: Сватова Лучка — в Новый Екатеринослав, слобода Кременная — в Новый Глухов, слобода Новотроицкая — в Новую Астрахань, слобода Осиповая — в Новый Псков.

В таком виде округа поселений 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизий в Слободско-Украинской губ. просуществовали вплоть до их ликвидации в конце 50-х гг. XIX ст.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины»	5
--	---

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

<i>Сніжко І. А. (Харків). Історія дослідження утилізації мисливської здобичі в пізньому палеоліті</i>	11
<i>Смольянинов Р. В., Ивашов М. В. (Липецк). Неолитическая керамика с накольчатый орнаментом Верхнего Дона</i>	12
<i>Берестнев С. И. (Харьков). О населении восточнoукраинской лесостепи в эпоху палеометалла (по материалам погребений)</i>	13
<i>Тесленко Д. Л. (Днепропетровск). Постмариупольские погребения в каменных гробницах</i>	14
<i>Литвиненко Р. О. (Донецьк). Західна периферія бабинського осередку культурогенези</i>	16
<i>Отрощенко В. В. (Київ). Сюжет двоюою у знаковій системі зрубної спільноти</i>	17
<i>Сергеева М. С. (Киев). Антропологические персонажи в искусстве населения Восточноевропейской степи эпохи бронзы</i>	18
<i>Буйнов Ю. В. (Харьков). Древнебалтские гидронимы на территории Левобережной Лесостепной Украины и их археологическая интерпретация</i>	19
<i>Титова О. М., Кепін Д. В. (Київ). Використання етнографічних моделей при побудові музейної експозиції з історії первісного суспільства</i>	20
<i>Кепін Д. В. (Київ). Музеефікація пам'яток первісної археології як технологічний процес</i>	22

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Вальчак С. Б. (Москва). Некоторые особенности наконечников стрел предскифского периода</i>	23
<i>Тарасова Н. В. (Москва). Височные подвески — «бараньи рожки» предскифского периода</i>	24
<i>Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. (Киев). О колесничной упряжи у скифов</i>	25
<i>Шрамко Б. А. (Харьков). Особенности развития древней техники обработки земли в Восточной Европе</i>	26
<i>Усанов С. А. (Харьков). К вопросу о развитии кузнечного ремесла среди племен и греческих полисов Северного Причерноморья</i>	27
<i>Бессонова С. С. (Киев). Находки античной керамики с граффити в скифских курганных погребениях</i>	28
<i>Бабенко Л. І. (Харків). Хронологія поховань пісочинського курганного могильника</i>	29
<i>Безматерных А. Е. (Воронеж). Сравнительный анализ состава греческой амфорной тары в курганах Лесостепного Дона и Лесостепного Левобережья Днепра</i>	30
<i>Гречко Д. С. (Харків). Нові античні матеріали III–II ст. до н. е. з поселень Харківщини</i>	32
<i>Задников С. А. (Харьков). К вопросу о развитии античного импорта в Лесостепи (по материалам новых исследований Бельского городища)</i>	33
<i>Шрамко И. Б. (Харьков). Об одном типе жилищ скифского времени в Днепропровской Лесостепи</i>	34
<i>Буйнов Ю. В. (Харьков), Шевченко В. Б. (Филадельфия, США). Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северодонецкой группы памятников скифского периода</i>	35
<i>Скорый С. (Киев), Хохоровски Я. (Краков). Оружие из Большого Рыжановского кургана</i>	36
<i>Ворошилов А. Н. (Воронеж). Копья в системе вооружения населения Среднего Дона в скифское время (VI–начало III вв. до н. э.)</i>	37

<i>Прокопенко Ю. А. (Ставрополь)</i> . Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V–начала II вв. до н. э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья	38
<i>Краснова Т. Н. (Харьков)</i> . Актуальные вопросы полевой консервации изделий из керамики	40

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Селиванова Л. Л. (Москва)</i> . «Златотронная Гера». Формирование олимпийского пантеона	42
<i>Филиппов А. М. (Харьков)</i> . О роли наёмничества в политической истории Спарты конца V в. до н. э.	43
<i>Нефедов К. Ю. (Харьков)</i> . К вопросу о коронации Антигона Одноглазого	44
<i>Литовченко С. Д. (Харьков)</i> . Армянский поход Гнея Помпея	45
<i>Гарбарь Е. В. (Донецк)</i> . Цицерон и Помпей: две точки зрения на римскую армию	46
<i>Акимов А. Б. (Харьков)</i> . О вольноотпущенниках в римской Дакии	47
<i>Бандровський О. Г. (Львів)</i> . Маркоманські війни і характер зовнішньої політики Римської імперії в II ст. н. е.	48
<i>Сергеев И. П. (Харьков)</i> . Всадничество в политической жизни Римской империи периода кризиса III века	50
<i>Зубарь В. М. (Киев)</i> . По поводу некоторых особенностей религиозного мировоззрения жителей Херсонеса Таврического	50
<i>Ручинская О. А. (Харьков)</i> . О системе ценностей в гражданских коллективах античных городов Северного Причерноморья	52
<i>Шевченко Т. М. (Київ)</i> . Питання виділення культів родинного характеру в античному Херсонесі	53
<i>Габелко О. Л. (Казань)</i> . Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны)	54
<i>Зубарев В. Г. (Тула)</i> . Европейский Боспор во II–V вв. н. э. (археология и опыт исторической реконструкции)	55
<i>Масленников А. А. (Москва)</i> . Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства	56
<i>Бутягин А. М. (Санкт-Петербург)</i> . К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия	59
<i>Былкова В. П. (Херсон)</i> . Белозерское поселение в контексте синхронных памятников	60
<i>Болгов Н. Н. (Белгород)</i> . О сирийских культурных влияниях в позднеантичном Северном Причерноморье	61
<i>Чиглинецев Е. А. (Казань)</i> . Гай Цильний Меценат и меценатство: античные истоки позднейшего социокультурного феномена	62
<i>Дементьева В. В. (Ярославль)</i> . Римская республика сквозь призму «социологии господства» Макса Вебера: современные исследования	63
<i>Мартемьянова Н. С., Мартемьянов А. П. (Харьков)</i> . Античные сюжеты в художественной культуре Болгарии второй половины XX в.	64
<i>Туманс Х. (Рига)</i> . Концепция преподавания истории древнего мира в средней школе Латвии	65

ВИЗАНТИЯ. КОЧЕВНИКИ. СЛАВЯНЕ

<i>Заморяхин А. В. (Пермь)</i> . Проблемы ранней церковной истории Готии в дореволюционной отечественной историографии	68
<i>Домановский А. Н. (Харьков)</i> . Об отношении к ростовщичеству в раннесредневековой Византии	69
<i>Алексеенко Н. А. (Севастополь)</i> . Патер Полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике	70
<i>Бардола К. Ю. (Харьков)</i> . Была ли в Византии VI–IX вв. «секретная служба»?	71
<i>Сорочан С. Б. (Харьков)</i> . Общественные афедроны в ранневизантийском Херсоне	73
<i>Фомин М. В. (Харьков)</i> . О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса	74
<i>Гринченко А. В. (Харьков)</i> . Херсонесские стациональные шествия как особенность византийского богослужения	75

<i>Могаричев Ю. М. (Симферополь). Тепе-керменский «храм с баптистерием»</i> и проблемы хронологии и интерпретации пещерных церквей Крыма	77
<i>Любичев М. В. (Харьков). Поселения черняховской культуры</i> Шлях и Халимоновка (Восточная Украина)	78
<i>Медведев А. П. (Воронеж). Об этнокультурной принадлежности памятников</i> гуннского времени на Верхнем Дону	79
<i>Горбаненко С. А. (Київ). З приводу використання різних типів знарядь</i> для обробітку ґрунту (на прикладі матеріалів останньої чверті I тис. н. е.)	80
<i>Скирда В. В. (Харків). Нові дослідження на Донецькому городищі</i>	81
<i>Колода В. В., Фоменко Г. Н. (Харьков). Остеологические материалы</i> из славянских жилищ на городище Мохнач	82
<i>Аксенов В. С. (Харьков). Бронзовые зеркала из грунтовых могильников</i> салтовской культуры бассейна Северского Донца	84
<i>Хоружая М. В., Аксенов В. С. (Харьков). Семантика жилого пространства</i> в катакомбе № 72 Верхне-Салтовского могильника	85
<i>Майко В. В. (Симферополь). К вопросу о рунических и тамгообразных знаках</i> тюрко-болгар Таврики VIII–X вв.	86
<i>Тортика А. А. (Харьков). Река Буртас средневековых восточных авторов:</i> проблема локализации и идентификации	88
<i>Дьячков С. В. (Харьков). Башня № 8 консульского замка генуэзской крепости Чембало</i>	89
<i>Гинькут Н. В. (Севастополь). Византийские поливные чаши с монограммами</i> из раскопок крепости Чембало	90
<i>Савченко С. В. (Львів). Давньоруська християнська спадщина в католицькій</i> полемічній літературі кінця XVI–XVII століття: загальна характеристика	91
<i>Белик Ю. Л. (Керчь). Фортификационные особенности Еникале</i>	92

ИСТОРИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

<i>Аксёнова Н. В. (Харків). До питання про вживання термінів</i> «Слобожанщина» і «Слобідська Україна»	94
<i>Голубева І. В. (Харків). Періодизація археологічних досліджень</i> пам'яток козацької доби на Харківщині	95
<i>Дедурін Г. Г. (Харків). Висвітлення національної політики Польщі</i> щодо Західної Білорусі у 1926–1927 роках на сторінках харківської преси	96
<i>Жукова Ю. А. (Харьков). Основание Харьковского университета</i> в постсоветской историографии	97
<i>Зайцев Б. П., Мигаль Б. К. (Харків). Забуті і викреслені з історії імена</i>	98
<i>Кашаба О. Ю. (Харків). Підготовка вчителів-краєзнавців у 20-х р. ХХ ст. в УСРР</i>	99
<i>Коврижных А. С. (Харьков). Вклад харьковского духовенства в развитие нумизматики</i> во второй половине XIX–начале XX вв. (К 200-летию со дня рождения архиепископа Филарета)	101
<i>Колеватов О. О. (Чернігов). Развитие торговли в Слобідсько-Українських військових поселеннях</i> до їх реорганізації в 30-х рр. XIX ст.	102
<i>Куделко С. М. (Харьков). Сколько лет Харьковскому национальному университету</i> им. В. Н. Каразина?	103
<i>Марков О. В. (Харків). Перші приватні установи комерційного кредиту в м. Харкові</i>	104
<i>Маслійчук В. Л. (Харків). Основні питання у висвітленні історії Балаклійського полку</i> (1669–1677 рр.)	105
<i>Маслюченко С. В. (Харьков). Новые факты в истории заселения Слободской Украины</i> (по этнографическим материалам Харьковской области)	106
<i>Мозговський М. В. (Харків). Наукова генетика — жертва тоталітарного режиму</i> у повоєнний період в Україні (1946–1953 рр.)	107
<i>Острон И. И. (Харьков). Изучение Слободской Украины</i> учеными Харьковского университета в начале XX века	108
<i>Наумов С. О. (Харків). Харківська організація УСДРП у роки Першої світової війни</i>	109
<i>Павлова О. Г. (Харків). Роль Харківського художньо-промислового музею</i> в розвитку мистецтва в кінці XIX–початку ХХ ст.	110

<i>Посохова Л. Ю. (Харків). З історії шлюбів священників Слобідської України XVIII ст.</i>	111
<i>Скирда І. М. (Харків). Внесок Харківського Попереднього комітету в підготовку XII Археологічного з'їзду</i>	113
<i>Філіппенко Р. І. (Харьков). До питання дослідження Є. К. Редіним історії Харківського університету</i>	114
<i>Фролов С. В. (Харків). Історична наука в м. Харкові (1945–1955 рр.)</i>	115
<i>Хвостенко О. Н. (Краснодар). Украина в историко-литературной деятельности Прокофия Петровича Короленко</i>	116
<i>Шаманаев А. В. (Екатеринбург). Представители Одесского общества истории и древностей на XII Археологическом съезде в Харькове</i>	117
<i>Шульга И. И. (Саратов). Эльтонские чумаки</i>	118
<i>Эпштейн А. И. (Харьков). Харьков — любимый город (краеведческие этюды)</i>	120
<i>Яценко В. Б. (Харків). Російська імперська інтеграційна політика і слобідське козацтво в XVIII ст.: етапи та перебіг</i>	121
<i>Ячменихин К. М. (Чернигов). Слободско-украинские военные поселения в первой половине XIX в.</i>	122

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали V Міжнародної наукової конференції,
присвяченої 350-річчю м. Харкова
і 200-річчю Харківського національного університету
ім. В. Н. Каразіна
4–6 листопада 2004 року

Відповідальний за випуск *К. В. Новак*
Художній редактор *С. Е. Кулинич*
Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*
Коректор *Н. С. Дорохіна*

Свідоцтво ДК № 457 від 22.05.2001

Підписано до друку 01.11.2004. Формат 60×84/8. Папір газетний. Друк офсетний.
Умов.-друк. арк. 14,8. Облік.-вид. арк. 14,5.
Наклад 300 прим.

Видавництво «Світ дитинства». вул. Руставелі, 4/20, м. Харків, Україна, 61050